

Понятие «граница» многомерно.
Границы могут быть видимыми или невидимыми, конкретными или символическими.

Границы не только разделяют пространство, они одновременно являются зоной контакта «своих» и «чужих», освоенного и пока еще не изведенного мира.

Объектом исследования авторов этого сборника наряду с географическими, административными и государственными границами являются и границы этнические, культурные, ментальные.

Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов

Границы
и контактные зоны
в истории и культуре
Карелии
и сопредельных
регионов

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов

Гуманитарные исследования

Выпуск 1

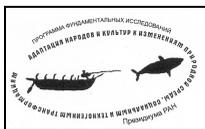
Петрозаводск
2008

УДК 947 (470.22)
ББК 63.3 (2 Рос. Кар.)
Г 77

Рецензенты:

д. ф. н. Е. М. Неёлов
д. и. н. Ю. А. Савватеев
к. и. н. И. Р. Такала

Сборник подготовлен и издан при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техническим трансформациям» (проект «Топонимический атлас Карелии») и программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века»).

Г 77 Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / Ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. с.

ISBN 978-5-9274-0343-1

© Карельский научный центр РАН, 2008
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2008

К читателю

Статьи сборника написаны сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, а также коллегами из университетов и академических институтов Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Йёэнсуу. Всплеск интереса к государственным, этническим и культурным границам в последние полтора десятилетия в значительной мере обусловлен изменениями на карте Евразии. Распад СССР и появление новых межгосударственных рубежей, создание объединенной Европы и стирание экономических и таможенных барьеров – эти разнонаправленные процессы остро поставили вопрос о смысле и восприятии границ людьми и о их будущем.

Понятие «граница» многомерно. Границы могут быть видимыми или невидимыми, конкретными или символическими. Границы не только разделяют пространство, они одновременно являются зоной контакта «своих» и «чужих», освоенного и еще не изведенного мира. В поле зрения исследователей наряду с этническими, культурными, государственными границами оказываются границы географические, социальные, правовые, информационные, ментальные и т. д. Гуманитариев они в большей мере привлекают в их символическом, социальном и культурном, нежели в физическом, значении. Существенной особенностью современных дискуссий является подчеркнутое понимание границы как символа и метафоры.

Граница может быть рассмотрена не только как *объект* научного интереса, но и как *инструмент* и *метод* исследования. В связи с этим уместно напомнить, что М. М. Бахтин разработал подход к изучению культуры, который можно охарактеризовать как метод определения границ.

Рубежи государств далеко не всегда совпадают с границами этнических ареалов. Однако тот факт, что национальные границы нередко оформлялись по линии культурных разломов, оправдывает объединение в одном сборнике разноплановых статей, из которых часть посвящена этнокультурным ареалам, другая – административным и государственным границам.

Сборник содержит также ряд статей фольклористов, интересных не только с узкоспециальных позиций. Созданные на материалах разных фольклорных жанров, они расширяют наши представления о восприятии людьми границ, конкретизируют концепцию границы как ключевого элемента всякого пространства. Специальный раздел сборника

составляют материалы топонимического атласа. Границы, выявляющиеся по языковым, в том числе топонимным данным, наполнены реальным этническим и историческим содержанием.

Начало многостороннего освещения культурных границ и контактных зон в Институте ЯЛИ было положено в 2005 г. на конференции «Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона». Этот опыт убедил исследователей в том, что границы, а также их сдвиги являются сложным и увлекательным предметом полидисциплинарных и междисциплинарных изысканий, позволяющим ученым минимизировать традиционно высокие барьеры между отдельными научными дисциплинами.

Государственные рубежи, административные границы, феномены приграничья

А. Ю. Жуков
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.)

Карелия как единое административно-территориальное пространство появилась только в XX в. Долгий процесс ее становления в нынешних границах связан не только с множеством решений верховной власти, но и с непростым ходом внутреннего развития. В своей основе первые границы размежевали зоны освоения этого древнего саамского края карелами, вепсами и русскими сообразно природно-географическим особенностям территории. Наша задача состоит в выявлении степени зависимости административного внутреннего разграничения Карелии, приграничного размежевания со Швецией от хода и характера освоения крестьянами ее земель.

Широкая проблематика становления Карелии рассматривалась различными исследователями на материалах как прибалтийско-финских народов, так и русских¹. Особенно подробно крестьянское освоение земель между Онежским озером и Белым морем на примере поселенческой структуры в XV–XVII вв. проследили М. В. Витов и И. В. Власова. На топонимическом материале Прионежья и Присвирья И. И. Муллонен выявила первичные водные границы размежевания старинного Важинского погоста и его соседей². Историографическая ситуация помогает в определении значения природно-географического фактора при формировании Карелии и ее границ.

Территория Карелии – это водораздельная область двух великих водных бассейнов планеты – Атлантического и Ледовитого океанов. Данное обстоятельство всего лишь объясняет общий принцип действия природно-географического фактора. В реальности первичное освоение края карелами, вепсами и русскими шло не по водоразделу, а с западного и юго-восточного Приладожья, из Присвирья и южного Прионежья. Вепсы осваивали бассейн Онежского озера, а карелы перевалили через центральный и северный участки водораздела, заняв реки, текущие в Белое море и в Ботнический залив Балтики. Поэтому формирование Карелии в ее внешних и особенно внутренних границах происходило под воздействием другого естественно-географического фактора – фактора

членения обширной водораздельной территории на несколько водных бассейнов. Именно с ними принципиально совпадают первые административные единицы и границы Карелии.

Корельская земля Великого Новгорода состояла из трех частей: Передняя Корела, Задняя Корела и Дикая Лопь. Передняя Корела занимала бассейн р. Вуоксы. Изначально Вуокса текла из Ладоги и, вобрав по пути сток Сайменских озер, впадала в Финский залив у Выборга. Лишь в XIV–XV вв. вследствие произошедшего поднятия северной части дна Ладоги Вуокса превратилась в две реки, разделенные образовавшимся водоразделом. Южная река по-прежнему впадала в Балтику, а северная Вуокса, под названием *Узерва*, потекла в Ладогу. Единство территории Передней Корелы было нарушено шведской агрессией конца XIII в., когда выборгское устье Вуоксы было завоевано Швецией. Удержать всю реку шведам не удалось, в 1295/96 г. они были выбиты из Кякисалми у ладожского истока Вуоксы, и тут в 1310 г. Новгород поставил крепость Корелу – центр управления всей Корельской землей³.

Область Задняя Корела более обширна: она простиралась от волости Китяга (ныне Ките, Финляндия) на западе и перевары Пельгиярвской (на оз. Пиелинен, Финляндия) на северо-западе и далее на восток вдоль побережья Ладоги до Соломенского погоста (Салми), с границей за р. Яной (ныне р. Эняйоки) – т. е. до водораздела с бассейном р. Видлицы, который принадлежал тогда еще вепсскому Олонецкому погосту⁴. В Задней Кореле не имелось большой реки, за которую крестьяне могли бы «зацепиться», поэтому здесь базой освоения стал весь северо-западный бассейн Ладоги, т. е. множество его небольших рек, текущих от Балтийско-Беломорского водораздела, вдоль которого и формировалась северная природно-географическая граница Задней Корелы. Именно поэтому область Задняя Корела составляла относительное территориальное единство в пределах Корельской земли. Впрочем, и Передняя Корела, и Задняя Корела, где проживало абсолютное большинство карелов, являлись общей зоной формирования карельской народности. Очевидно, что население данной двуединой территории и отметил летописец, когда писал о крещении карелов в 1227 г.: «Князь Ярославъ Всеволодичъ пославъ крести множество Корел, мало не все люди»⁵.

Крещение карелов привело к появлению на карте Карелии *погостов* – низовых единиц административно-территориального деления. Погосты объединяли окрестных жителей не только в административно-судебном и фискальном плане, но и как прихожан главной погостской церкви. Место, где стоял храм, также называлось *погостом*. Так, город Корела занял Воскресенский погост-место, поэтому сам погост-район именовался Вос-

кресенским Городенским. Большинство деревень погоста и дворов в городе находились на территории Передней Корелы, но поселения, располагавшиеся севернее бассейна р. Вуоксы-Узервы (а в городе – дворы на северном берегу реки), помечались в переписях как деревни и городские дворы в Задней Кореле⁶. Налицо принципиальная нестыковка государственно-церковного разграничения на погосты и деления на две части приладожской Карелии. Следовательно, появление Передней Корелы и Задней Корелы произошло до 1227 г. При этом оба наименования однозначно указывают на связь с Новгородом: Передней Корелой названа ближняя к Новгороду область, а Задней Корелой – находившаяся за ней зона колонизации. Поскольку русские летописи фиксируют активные военнополитические связи карелов с Новгородской республикой начиная с 1140-х гг.⁷, середина XII в. примерно и маркирует становление этих первичных (до Крещения карелов) административных областей и их границ. Эти границы совпадают с очертаниями двух бассейновых территорий – р. Вуоксы и северо-западного Приладожья – двух зон, различных по степени крестьянского освоения.

Впрочем, деление на погосты и способ их размежевания также наполнены смыслом. В отличие от бассейнового выделения двух частей Приладожской Карелии, погосты объединяли не территории, а крестьянские общины. Поэтому и границы смежных погостов являлись границами соседних общин. В доказательство укажем на разграничение Воскресенского Городенского погоста и находившегося к югу от него Михайловского Сакульского – по озеру *Святозеро* – Pühäjärvi; поэтому, например, сакульская Святская община-перевара занимала только южный берег озера. В целом здесь проявился тот же восходящий к первобытным временам способ разграничения, что и при размежевании с помощью водных «святых межей» вепских общин Важинского погоста от смежных погостов и их общин⁸.

Очевидно, способ размежевания Городенского и Сакульского погостов указывает на то, что первые погосты объединяли в приходы реально существовавшие на момент Крещения некие единства (например, племенные группы). Во всяком случае, никаких «святых межей» внутри погостов переписи не отметили. Все «межи» располагались на границах погостов. Ведь известно, что природные границы были характерны для территорий расселения первобытных племен, в том числе прибалто-финнов. Поэтому, кстати, свое Pühäjärvi – «Святозеро» разграничивало Кирьяжский погост, его Соральскую, а также Лапилакшскую и Сошковскую перевары с селениями «на Святском озере» и «на Угониме» (Укониemi, Финляндия) от Сердвольского погоста, его волости Китяга (Ките) и перевар Островской,

Рекальской, Лахтинской с селениями в Вяртсиле и у оз. Янисъярви⁹. В Восточной Приботнии р. Pühäjoki – «Святая река» – размежевала северные зоны колонизации карелов и финнов. Граница между Новгородской республикой и Швецией по Ореховецкому миру 1323 г. лишь узаконила эти зоны на межгосударственном юридическом уровне, но сложились они еще в недрах догосударственных этно-племенных сообществ, которые придерживались норм обычного права. Данное право обычая и признал Новгород, когда разделял приладожскую Карелию на погосты сообразно имевшимся между местными общностями «святым межам».

За границами густонаселенного берега Ладоги оставалась территория, которая даже в XV в. еще была слабо освоена. Прежде всего, это Иломанский и Соломенский погосты. Анализ данных Писцовой книги Корельского уезда 1500 г. показывает, что они испытывали прилив переселенцев в последнюю четверть XV в. В Иломанском погосте на 6% выросло число тягловцев и на 38% – количество новых деревень; в Соломенском погосте эти цифры составляют соответственно 9 и 33%¹⁰. Прослеживаются два главных направления миграции карелов: на север, через Иломанси в Лопские погосты и далее к Белому морю, и через Салми на восток – на земли освоенных вёсю Олонца и Прионежья. Как результат, в Беломорской Карелии в XVI–XVIII вв. сложилась группа северных, или собственно карелов, а на востоке к XVIII в. сформировались карелы-ливвики и карелы-людики в Прионежье¹¹.

Из земель Передней Корелы и Задней Корелы в 1500 г. Иван III образовал Корельский уезд. Административное развитие уезда продолжалось вплоть до завоевания его Швецией в 1610/11 г. Прежде всего оно было связано с постоянной миграцией карелов на север и восток. Так в Карелии появилась Ребольская волость – самая северная оконечность Иломанского погоста Корельского уезда (а вовсе не Лопских погостов Новгородского уезда, как иногда показывается на картах)¹². Западная граница Ребольской волости шла по государственной границе России; за ней лежала область Кайнуу шведской Финляндии. Иломанский погост с Реболами принадлежал бассейну Финского залива (через Ладожское озеро), а Кайнуу – бассейну Ботнического залива Балтики. Их разграничивал природный водораздел гряда Суоменселькя. Юридически же Иломанский погост с Реболами впервые подверглись четкому пограничному размежеванию со Швецией по условиям Тявзинского мира 1592 г.¹³

«Естественно-природной» являлась и восточная граница Ребольской волости по водораздельной Западно-Карельской возвышенности. С востока к ней подходили Лопские погосты: Селецкий, Паданский и Ругозерский (верховья рек Суны, Воломы и Чирки-Кеми)¹⁴. По возвышенности

ребольцы продвигались на север и в XVII в. там образовались Ребольские волостки Ровкула, Кимасозеро, Костомукса и др.¹⁵ При пограничном размежевании со Швецией около 1620/21 гг. Москва включила все Ребольские волостки в состав Кольского уезда, оторвав их от бывшего Корельского уезда, отошедшего Швеции по Столбовскому миру 1617 г.¹⁶ Сам Кольский уезд возник в 1582 г., объединив саамские земли Кольского полуострова и приполярную Карелию (в том числе волость Кереть на Белом море). Саами, жившие южнее, у Ребол и Ровкулы, тоже попали под власть воевод Колы¹⁷.

Аналогично дело обстояло и на северо-востоке Задней Корелы, где карельские крестьяне перешли водораздел Ладожского и Онежского озер. Об успехах крестьянского освоения данного района в XVI – начале XVII в. свидетельствует «Межевая запись» от 3 августа 1621 г. – официальное описание новой русско-шведской границы¹⁸. Саму линию границы на местности определяли не послы от обоих государств, а местные крестьяне – «по сыску и старожилцовым скаскам вправду, как истари бывали», поскольку прежде всего она разграничивала деревенские и волостные угодья, которые теперь «разлучались» между государствами. В начале шла «межа» Соломенского и Олонецкого погостов – старинная административная черта, которая существовала еще при власти Великого Новгорода: от «Варачева камня» у берега Ладоги до Пизема-ламбы. А далее документ фиксировал целый ряд новых волостей-выставок, которые сложились в XVI – начале XVII в. С Пизема-ламбы начинались земли новой *Шуйстамской выставки* (Суйстамской волости) Сердовольского погоста с *Тулмозерской волостью* Олонецкого. Другими словами, сердовольские крестьяне создали новую волость в составе Сердовольского погоста, выйдя к олонечкой «меже». С другой стороны лежала Тулмозерская волость, о которой «письмо» 1563 г. сообщило, что карелы-переселенцы из Салми основали здесь несколько десятков деревенок и образовали новую волость с церковью¹⁹. Далее, с Курдоман-сельги начинался Хюрсюльский выступ – владения дальних сердовольских деревень Кайбонаволок (Кайпа, г. Суоярви) и Гулсюла (Хюрсюля) с олонечкими Тулмозерской и *Сямозерской* волостями. Затем размежевалась *Шуезерская выставка* (Суоярви) сначала с олонечкой Сямозерской волостью, а потом с Лопскими погостами – с Линдозерским погостом и Поросозерской волостью Селецкого погоста. Наконец, начиная с озера Ладва-ярви граница разделяла уже Иломанский погост с лопским Селецким погостом и Ребольской волостью Кольского уезда. Здесь на северном иломанском участке порубежные крестьяне провели границу так, чтобы она проходила на равном расстоянии от их деревень и пустошей²⁰. Тем самым **поровну**

разделялись лесные угодья, в которых велась хозяйственная деятельность, видимо, чтобы никому не было обидно. Сложение в XVI – начале XVII в. «выставок»-волостей и их границ в составе старинных районов-погостов доказывает факт интенсивного внутреннего крестьянского освоения широкой полосы северного Приладожья и водораздельной территории, подходившей к ней со стороны Онежского озера и Белого моря.

Лопские погосты сформировались не ранее XV в. При этом внутренняя структура южных погостов «Дикой Лопи» напоминала внутреннее разграничение Приладожской Карелии: здесь земли и угодья делились между общинами-переварами и «концами» – группами дворов. Видимо, они сложились в основном еще при власти Великого Новгорода. Средняя и северная части Лопи (погосты Селецкий, Паданский, Ругозерский, Шуеозерский, Панозерский и волости Кемская и Шуерецкая) принадлежали бассейну Белого моря. С запада Лопские погосты отделялись природной границей водораздела и с Реболами, и со шведской Восточной Приботнией. Тогда Ботнический залив Балтики по-русски назывался *Каяно море*, поэтому государственная граница именовалась *Каянским рубежом*; в XV – середине XVI в. он являлся и западным пределом Кемской волости²¹. Когда в 1592 г. волость стала ядром нового административного округа Соловецкого монастыря, то ее граница отодвинулась на восток к Войнице. В 1613 г. к Соловецкому округу была присоединена Шуерецкая волость. Саамские же земли в полосе от государственной границы до бассейна оз. Пяозеро и линии Войница – Софпорог вошли в Кольский уезд²². Остальные Лопские погосты остались в Новгородском уезде, образованном в 1478 г. В его состав входили и Заонежские погосты.

Заонежские погосты и, соответственно, их разграничение берут свое начало в *Обонежском ряде* середины XIII в. В 1259 г. великий князь Александр Ярославович Невский заключил соглашение-«ряд» с Новгородом по поводу выплат ордынской дани и посадил на новгородский стол своего сына Дмитрия (княжил в 1259–1263 гг.)²³. «Ряд» сложился на основе компромисса: новгородский князь отказался от управления Подвиньем и взамен получил в «корм» Обонежье (области вепсского Присвирья и Олонца) и Бежицы. Тогда данные области и возникли в качестве особых княжеских административных округов²⁴. Наконец, опираясь на данный «ряд», новгородский архиепископ заключил два специальных «ряда» с князем Дмитрием по поводу отчислений церковной десятины с княжеских доходов как с Присвирья и Олонца, так и с Бежецкой волости – эти договоры и получили названия «Обонезьский ряд» и «Бежецкий ряд»²⁵. Как видим, оба этих *ряда* – не территории, а соглашения, но по традиции под ними понимаются

именно административные области, возникшие в 1259 г. В новгородской административно-территориальной системе Северное Обонежье с Присвирьем составляли северную половину Обонежской тысячи Новгородской земли. По московской же системе с 1496/97 и по 1680-е гг. данные земли объединялись в Заонежские погосты Заонежской половины Обонежской пятины. Ранее, в новгородское время, погосты самого княжеского «Обонежского ряда» Обонежской тысячи занимали только южное и среднее Присвирье (видимо, по бассейн р. Важинки) и Олонецкую низменность. Когда в 1434 г. наместник великого князя продал право на суд в Обонежском ряде новгородцам, то данный округ по-прежнему занимал эту территорию²⁶. Иными словами, на вновь возникшие погосты северного Обонежья, т. е. на абсолютное большинство погостов вокруг Онежского озера и Выгозера, Обонежский ряд не распространялся даже к середине XV в. Заslugа в основании погостов принадлежит прежде всего крестьянам.

В середине XIII в. в северном Обонежье еще не было погостов. Прибрежная полоса Онежского озера активно осваивалась весью и русскими, одновременно там формировались общие для них часовенные приходы²⁷. По нашему мнению, первые русские крестьяне пришли в Северное Обонежье в годы жестоких неурожаев конца 1220-х – начала 1230-х гг. в Новгородской и Псковской землях, усугубленных политическим конфликтом Новгорода со своим князем. Тогда тысячи подданных Новгорода разошлись в разные концы и не возвратились назад²⁸. Вепские и русские переселенцы стали осваивать Обонежье без помощи государства и сами создали первые межобщинные границы. Одна из главных разграничила Толвуйский и Шунгский погосты вдоль длинного залива Святуха («святая межа»), который пересекает полуостров с северо-востока на юго-запад. Северная же граница Шунгского погоста с Выгозерским погостом проходила по Балтийско-Беломорскому водоразделу.

Имеется интереснейший по содержанию документ от 1375 г. – «Мировая» жителей Имоченского погоста с челмужским боярином Григорием²⁹. Сам погост располагался на Ояти, но его колонизируемые земли, оказывается, занимали восток Заонежского полуострова: Шуньгу, Толвую и Кузаранду. В соглашении, однако, речь шла о имоченских землях на восточном берегу Повенецкой губы между Челмужами и Шалой – это будущая Песчанская волость XVII в. Будучи соглашением публично-правового характера, данный документ вполне пригоден для сравнительного анализа с другим публично-правовым актом – Ореховецким мирным договором 1323 г. между Новгородом и Швецией, который устанавливал иную, государственную границу³⁰. Сравнение обоих источников позволяет выявить степень правомочности крестьянской общины, ее самоуправления на уровне погоста и «встроенности»

обычного права в политико-правовое пространство. В конечном итоге оно проясняет соотношение «община и государство» в деле формирования внутренних границ Карелии.

Итак, оба документа начинаются с представления, в котором скрупулезно перечислены участники заключения обоих договоров. Следующая клаузула описывает их суть. В 1323 г. «докончали есмы мирь вечный», т. е. послы заключили мирный договор, а в акте 1375 г. – стороны «докончаша мирь... мирь взяли». Третьей клаузулой объявлялись причины конфликта и его прекращения: Ореховецкий мир прекращал войну из-за Корельской земли «по любви» – компромиссному признанию трех западных карельских погостов за Швецией, а имоченцы спорили с боярином из-за земель в Чельмужском погосте и тоже «урядили» (пришли к *ряду*-компромиссу). Далее оба документа раскрывают конкретное содержание своих договорных условий. Корельской земле стороны дали «розвод и между», – и следует описание линии государственной границы. Аналогичным образом вымоченцы с боярином установили «межу», которую источник 1375 г. и описывает. Наконец, мир 1323 г. перечисляет частные владения карельской знати в карельских погостах на шведской стороне приграничья, запрещая шведам претендовать на них: «а то все к Новгороду». «Мировая» же вымоченцев объявляла находящиеся за пределами «межи» земли и воды собственностью боярина Григория и его сыновей. Конечно, ситуации различны, но формуляры двух публично-правовых актов поразительно схожи. Оба соглашения описываются в едином юридическом терминологическом ключе (*мир, межа, земля и вода, докончати*), более того, их клаузулы даже имеют одинаковый порядок следования друг за другом.

Сравнительный анализ двух не связанных между собой источников показал, что в Новгородской республике даже отдельные, отдаленные от столицы общины существовали в едином с государством политико-правовом пространстве, а общинное право обычая было искусно вплетено в юридическую систему законодательства. Данный порядок не поколебало даже вотчинное вторжение в Обонежье новгородской знати (вторая половина XIV – первая треть XV в.), когда, судя по «Данной скотников и помужников Толвуйской земли»³¹, распоряжение землями перешло к вотчинникам и к новгородским управителям. Впрочем, на уровне погоста, между собой, местные общины также имели право на распоряжение землями, о чем говорит «Данная» середины 1470-х–1480-х гг. старосты Шунгского погоста и всех шунжан о наделении своей церкви св. Николая выморочной землей³².

Конечно, московское «взятье Новагорода» в 1478 г. принесло значительные изменения в административно-территориальное устройство се-

верного Обонежья. Образовалась общность Заонежских погостов в составе Новгородского уезда. Округ включил погосты бывшего Обонежского ряда, побережье Онежского озера и Выгозера, а также Поморский берег Белого моря³³. Затем в 1584 г. из черносошных земель Заонежских погостов был создан дворцовый округ под управлением приказчика из приказа Большого Дворца, но подотчетного Новгороду. Тогда погосты впервые обрели общий центр управления на всей территории – селение Ошту, и как раз с 1580-х гг. утвердилось обобщенное наименование всех жителей погостов – заонежцы³⁴. В 1592 г. волости Выгозерского погоста от устья р. Выг до Колежмы и Унежмы перешли в округ Соловецкого монастыря. А в 1620-х гг. сам дворцовый округ был преобразован в Оштинское воеводство Новгородского уезда. В середине 1640-х гг. пост Оштинских воевод отменили, как и упразднили старинную вотчину новгородского митрополита на восточном берегу Ладоги, протянувшуюся от устья р. Свири и р. Обжи и низовий Олонки до р. Видлицы и далее через Ведлозеро на Сязозеро, т. е. вдоль всей административной границы с приладожской Корельской землей. В 1649 г. Заонежские и Лопские погосты, а также бывшая олонецкая вотчина новгородского митрополита вошли во вновь образованный Олонецкий уезд с центром в городе Олонце³⁵.

Несмотря на все эти административные реформы, коренное право погостского самоуправления во владении землями и регулировании вопроса о размежевании оставалось за общинами вплоть до конца XVII в. Поэтому, как только возникали земельные тяжбы, государство в обязательном порядке привлекало старост и старожильцев заинтересованных сторон и их соседей в определении «межи» между спорщиками. При размежевании спорных земель только наличие «вставших на межу» крестьян делало данную административно-судебную процедуру законной³⁶. Соответственно, нежелание крестьян соседних погостов четко размежевывать свои территории останавливало государственных управленцев перед разделом общинных земель и лесных угодий по своему усмотрению. Например, между землями олончан, святозерцев Важинского погоста, жителей Шуйского и Кижского погостов в течение веков не имелось четкого разграничения, поскольку они использовали смежные лесные угодья для подсеки и сенокоса по принципу «кто где поспел». Данный порядок закреплял обычное право их вепских предков-первопоселенцев, которые в XIII–XV вв. осваивали Онежско-Ладожское межозерье. Государевы писцы и в XVI, и в XVII вв. официально признали эту сложившуюся со времен Великого Новгорода традицию общинного природопользования, констатируя, что между погостами нет четкой границы, так как крестьянами смежных общин лес «не делен», и

распределения писцами сенокосов между деревнями они «не хотят», предпочитая сами ежегодно «ровнять» подсеку и сенокосы³⁷.

Владение крестьянином землями и угодьями основывалось на его принадлежности к данной деревне, общине, погосту. Государство полностью признавало этот факт. Вот почему, когда перед карелами в 1621 г. встал вопрос о «разлучении» их земель в силу пограничного размежевания, жители Иломанского погоста и их соседи решили разделить лесные угодья между своими деревнями поровну, а послы России и Швеции признали проведенную крестьянами линию государственной границы, скрупулезно зафиксировав на бумаге равные расстояния в верстах до пограничной черты между стоящими напротив друг друга пограничными деревнями.

Итак, в основе формирования границ Карелии лежало крестьянско-общинное освоение края карелами, вепсами и русскими. Чем успешнее происходило освоение, тем быстрее возникали новые этнотерриториальные и этнолокальные общности и, соответственно, размежевание между ними. Поскольку основными путями передвижения долгие века оставались водные трассы, то и освоение земель шло сообразно природному делению края на водные бассейны, и границы между возникавшими общностями в целом придерживались линий водоразделов. Так как общинное обычное право оказалось «встроенным» в общегосударственное законодательство, то и возникавшие границы между общинами, погостами, административными областями и даже государствами узаконивались и поддерживались властями всех уровней. Поэтому при создании административных областей и при их разграничении государство – и Великий Новгород, и Московская держава – следовало двум главным критериям: во-первых, объединение в единые административные единицы различных общностей, сложившихся в ходе крестьянского освоения, и, во-вторых, разграничение их в соответствии с естественно-природным фактором членения обширной водораздельной территории между Балтийским и Белым морями на более локальные водные озерно-речные бассейны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 257–302, 303–416; Прибалтийско-финские народы России / Серия «Народы и культуры». М., 2003. С. 160–467; Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 158–301.

² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962; Витов М. В., Власова И. В. География

сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974; Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

³ История Карелии... С. 92–93.

⁴ Переписная окладная книга по Новгороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы [Далее – ПК 1500 г.]. С. 120–188.

⁵ Полное Собрание русских летописей [Далее – ПСРЛ]. М., 2001. Т. I. Лаврентьевская летопись. Стб. 449.

⁶ ПК 1500 г. С. 2–3, 9–10, 15, 19, 21–22, 26–27, 29–31.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 27, 39, 213, 230; Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. М., 2001. С. 45; Ермолинская летопись // ПСРЛ. М., 2004. Т. XXIII. С. 35 (сообщения русских летописей под 1143/44, 1148/49, 1149/50, 1191/92 гг.).

⁸ Муллонен И. И. Указ. соч. С. 145–152.

⁹ ПК 1500 г. С. 128–133, 143–156. И ныне по оз. Пюхьяярви проходит госграница России с Финляндией.

¹⁰ ПК 1500 г. С. 1–188 (разница численности между «старым письмом» 1480-х гг. и «новым письмом» 1500 г.).

¹¹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 31–40; Беляев А. А. Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка в Карельской АССР // Труды Кар. Филиала АН СССР. Вып. 12. Петрозаводск, 1958. С. 60.

¹² Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 372–396; Платежная книга Корельского уезда 1571 г. / Manttaledh aff Kexholms Lhänn pro Anno 1590 // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 265–283. Карту-схему см. в конце данного издания: Реболы показаны частью Лопских погостов.

¹³ Тявзинский мирный договор от 16 мая 1595 г. и три списка русско-шведской границы 1595–1596 гг. // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1840. № 9. С. 342–378. Общую карту-схему передвижений новгородско(российско)-шведской границы в XIV–XVI вв. см.: Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. I–II. Helsinki, 1976. II. Karjala taistelukenttana.

¹⁴ История Карелии в документах... С. 186–233. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г.

¹⁵ Российский архив древних актов [Далее – РГАДА], ф. 1209, оп. Поместный приказ, д. 15056. Переписная книга Кольского уезда 1678 г., л. 97 об.–155 об. (перепись Ребольских волосток).

¹⁶ Жуков А. Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: Сб. ст. к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 36.

¹⁷ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 94–95.

¹⁸ РГАДА, ф. 96. Сношения со Швециею, оп. 3, д. 34, л. 27–46.

¹⁹ Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1. С. 71–73.

²⁰ РГАДА, ф. 96, оп. 3, д. 34, л. 44–46.

²¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 [Далее – ГВНП]. С. 67–68 (№ 38); Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 112 (№ 286). О «Каянском рубеже» см.: Северные грамоты XV в. / Сост. Н. С. Чаев // Летопись занятий археографической комиссией за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 149–150 (купчая, до 1478 г.); Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. С. 436–437 (Жалованная грамота 1530 г. Василия III кемлянам и шуеречанам).

²² Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов. Петрозаводск, 1941. С. 236 (из «Отдельной записи» Семена Юренева Соловецкому монастырю на земли в Кемской и Подужемской волостях, 1591 г.).

²³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 475; Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. С. 92; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. С. 82–83, 310–311; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. XV. Стб. 401.

²⁴ ГВНП. № 3. [1268 г.] Договорная грамота Новгорода с князем Ярославом Ярославичем; Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 149–150.

²⁵ Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. С. 118.

²⁶ ГВНП. С. 149 (№ 93). Датирована 1434 г., позднее 29 июня (Петрова дня).

²⁷ На время начала крестьянского освоения Заонежья указывает лингвистический анализ местных русских говоров. Они возникли из древневепского говора р. Ояти (южное Присвирье) и из нерасчлененного новгородско-псковского диалекта древнерусского языка, а расчленение это на отдельные псковский и новгородский диалекты происходило во второй трети XIII в. (см.: Герд А. С.: 1) Русские говоры бассейна реки Ояти // Очерки по лексике северорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188–194; 2) К истории образования говоров Заонежья // Северорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 206–211; Зализняк А. А. Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 г.) // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 218; Муллонен И. И. Указ. соч. С. 35–36, 134).

²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 512; Т. III. С. 68, 69, 274, 277; Т. XV. Стб. 351–352, 356.

²⁹ ГВНП. С. 285 (№ 284).

³⁰ ГВНП. С. 67–68 (№ 38).

³¹ ГВНП. С. 147 (№ 90), 1415–1421 гг.; В. Л. Янин датирует 1435–1437 гг. (Янин В. Л. Указ. соч. С. 244–245).

³² ГВНП. С. 309–310 (№ 323). Датировка: Янин В. Л. Указ. соч. С. 268.

³³ История Карелии... С. 98–99.

³⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Пг., 1917. Т. 35. Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 7–9; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. С. 294–299; Материалы по истории Карелии... С. 316.

³⁵ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. С. 104–148.

³⁶ Жуков А. Ю. Правовая культура в традиционном самоуправлении крестьянства Северной России (на примере Карелии в конце XV – начале XVII в.) // Рябининские чтения – 2007. Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера (Петрозаводск, 17–21 сентября 2007 г.). Петрозаводск, 2007. С. 39–43.

³⁷ Жуков А. Ю. Традиционное природопользование крестьян западного Прионежья (на примере Шуйского погоста в XIII–XVII вв.) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 211–217.

Н. А. Кораблев
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Территориально-административное устройство Карелии в XVIII – начале XX в.

В XVIII в. как геополитическое положение Карелии, так и ее внешние и внутренние административные границы неоднократно менялись, что определялось воздействием внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов. Первый этап этих изменений связан с эпохой петровских преобразований и Великой Северной войной 1700–1721 гг. Изначально в планах Петра I уделялось важное место Южной, Олонецкой Карелии в качестве базы для борьбы за овладение Балтийским побережьем. Уже на начальном этапе войны – в 1702–1703 гг. – начал складываться самостоятельный административно-территориальный округ, объединявший возвращаемые Россией прибалтийские территории и земли Олонецкого уезда. В 1702 г. последовал указ «приписать к тому городу Шлютельбургу город Олонец с посадом»¹. В ходе губернской реформы Петра I, когда страна была разделена на 8 губерний, по указу 18 февраля 1708 г. в состав Ингерманландской (с 1710 г. – Санкт-Петербургской) губернии в числе 29 городов с уездами был включен и Олонец. На востоке Петербургская губерния включала также и Каргополь с уездом, охватывавшим в ту пору весь бассейн р. Онеги, вплоть до впадения этой реки в Белое море.

В то же время удаленная от основного театра военных действий северная часть Карелии (Карельское Поморье и внутренние погосты и волости к северу от Ругозера и Ребол) вошла в состав Архангелогородской губернии (Кольский уезд).

Видный дореволюционный исследователь проблемы А. Лохвицкий в своем исследовании «Губерния» считал петровские губернии образованными не столько для целей местного управления вообще, сколько для решения специальных военно-податных задач. Поэтому деление государственной территории на такие губернии совершенно не соотнобразовывалось с удобствами местного управления и с особенностями отдельных местностей, а определялось исключительно количеством податного населения и военной целесообразностью². И такое заключение не лишено оснований. Олонецкий и Каргопольский уезды в составе Петербургской губернии в первую очередь должны были обеспечивать бесперебойную работу ком-

плекса Олонецких Петровских заводов и Лодейнопольской верфи, выпускавших военную продукцию. Приморская же Архангельская губерния – питать людскими резервами растущий военный флот.

Западные рубежи Санкт-Петербургской губернии раздвигались по мере успехов русских войск в Прибалтике. 14 июня 1710 г. пала шведская крепость Выборг, а в сентябре того же года – Кексгольм (Жорела). Со взятием Кексгольма завершилась столетняя оккупация шведами Карельского перешейка.

В 1719 г. стало вводиться внутреннее деление губерний на провинции (доли), в связи с чем Олонецкий уезд в составе Петербургской губернии был переименован в провинцию, а Каргопольский включен в состав Белозерской провинции.

Великая Северная война окончилась подписанием в 1721 г. Ништадтского мирного договора, который определил новую границу между Россией и Швецией. Среди земель, вновь отходивших к России, были Карельский перешеек и Северо-Западное Приладожье. При определении границы абсолютистское государство Петра I исходило, прежде всего, из стратегических интересов обеспечения безопасности новой столицы и главного морского порта – Петербурга. Конфессиональные и этнические факторы при таком подходе становились делом второстепенным. Тем более не принималась во внимание проблема сохранения цельности землевладения отдельных крестьянских общин. Поэтому линия границы к северу от Балтики не повторяла прежнюю, существовавшую до Столбовского мира 1617 г. На Карельском перешейке она прошла западнее старой границы Тязвинского мира 1595 г., охватывая территории, утраченные Россией еще по Ореховецкому договору 1323 г., а в северо-западном Приладожье, напротив – значительно восточнее границы 1595 г. В силу этого северо-западная часть бывшего Корельского уезда (в основном территория Иломантского погоста и отпочковавшихся от него в XVII в. погостов и волостей Лиэкса, Липери, Тохмаярви, Палкъярви) с православным карельским населением осталась в составе Швеции³. В то же время в западной, привыборгской части Карельского перешейка несомненно преобладало финское и сильно финнизированное карельское население. Территория Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья с 1719 г. составляла Выборгскую провинцию Петербургской губернии.

При преемниках Петра I предпринимались попытки разукрупнить громадные по территории губернии. В 1727 г. Петербургская губерния была разделена на две – Петербургскую и Новгородскую, при этом Олонецкая и Белозерская провинции с Каргополем вошли в состав Новгородской губернии⁴.

В 1741–1743 гг. Швеция ввязалась в новую войну с Россией, пытаясь взять реванш за поражение в Великой Северной войне, однако потерпела неудачу. По мирному договору, заключенному в г. Або (Турку), южный участок русско-шведской границы отодвигался на запад до р. Кюмене, и в состав России включались Кюменегорская провинция с крепостями Фридрихсгам (Хамина) и Вильманstrand (Лаппенранта) и часть Саволакской провинции с городом-крепостью Нейшлот (Савонлинна)⁵. Эти вновь присоединенные территории вошли в состав Выборгской провинции, которая в следующем, 1744 г. была выделена из Петербургской губернии в самостоятельную губернию.

После потрясшей всю Россию крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева правительство Екатерины II осуществило реформу, направленную на укрепление государственной власти на местах и создание стройной системы административно-территориального устройства. По закону от 7 ноября 1775 г., получившему название «Учреждение для управления губерний Российской империи», в основу административного деления страны закладывался демографический принцип. В каждой губернии должно было проживать 300–400 тыс. ревизских душ. Провинции подлежали постепенному упразднению. Губернии делились на уезды, в каждом из которых должно было насчитываться 20–30 тыс. душ. При формировании территории губерний предписывалось также принимать во внимание расстояние от губернского до уездных центров. Создавалась соответствующая двухступенчатая система местных административных, финансовых и судебных учреждений.

«Учреждение для управления губерний» вводилось в действие постепенно, в течение десятилетия, вначале в центре страны, затем на окраинах⁶. На Европейском Севере России реформа имела определенные промежуточные этапы, причем на первых этапах реорганизации здесь наряду с губернским и уездным звеньями сохранялось и промежуточное – областное. В 1776 г. при переустройстве Новгородской губернии на новых началах во входившей в ее состав Олонецкой области были образованы Олонецкий, Петрозаводский, Вытегорский и Каргопольский уезды (с передачей нижней части бассейна р. Онеги в Архангелогородскую губернию) и Лопский Паданский округ⁷. В 1777 г. Петрозаводская слобода получает статус города. По указу от 11 декабря 1781 г. Олонецкая область из Новгородской губернии была передана в состав столичной Петербургской губернии⁸, что отражало рост стратегического значения края после постройки Александровского пушечного завода, ставшего одним из основных arsenалов русской армии. В 1782 г. областное (провинциальное) правление было перенесено из Олонца в Петрозаводск⁹.

Указом Екатерины II от 25 января 1780 г. вместо обширной, созданной еще в петровскую эпоху Архангелогородской губернии была образована Вологодская губерния (наместничество) в составе трех областей – Архангельской, Великоустюжской и Вологодской. В Архангельской области было образовано 7 уездов, включая Кольский, к которому относилась и территория Северной Карелии (Карельское Поморье и внутренние волости к северу от Ребол и Ругозера)¹⁰.

Окончательно губернское устройство Европейского Севера по Екатерининской реформе оформилось в 1784 г. 26 марта этого года указом Екатерины II Архангельская область реорганизуется в самостоятельную губернию¹¹, а 22 мая последовал указ императрицы о преобразовании в губернию и Олонецкой области¹². Первоначально в составе Олонецкой губернии было пять уездов: Петрозаводский, Вытегорский, Повенецкий (бывшая Паданская округа), Олонецкий и Каргопольский. Указом об определении границ данной губернии от 16 мая 1785 г. ее пределы были расширены до побережья Белого моря за счет передачи из Кольского уезда Архангельской губернии земель, расположенных южнее Пяозера, Топозера и Керети. Дополнительно образовывалось еще три уезда – Кемский, Пудожский (из отдаленных частей Вытегорского и Каргопольского уездов) и Лодейнопольский (из отдаленных частей Олонецкого и Петрозаводского уездов)¹³.

Таким образом, ко второй половине 1780-х гг. основной массив заселенных карелами земель разделяла только одна внутренняя административная граница – между Олонецкой и Выборгской губерниями. Однако такая благоприятная для карельского этноса ситуация сохранялась не долго. Указом от 12 декабря 1796 г. Павел I ликвидировал Олонецкую губернию, разделив ее территорию между Архангельской и Новгородской губерниями¹⁴. Пришедший к власти в результате дворцового переворота Александр I указом от 9 сентября 1801 г. вновь восстановил губернию. В отношении ее границ указ определял следующее: «..Положить пределы губернии, соображаясь не только бывшему доселе разграничению, но если усмотрят новые уважения к лучшему, могут назначить и перемены в нем...»¹⁵. В итоге Сенатским указом от 3 октября 1802 г. Кемский уезд, включая и карельские волости к северу от Кимасозера, был передан в состав Архангельской губернии¹⁶. В Олонецкой губернии осталось семь уездов (Петрозаводский, Олонецкий, Повенецкий, Пудожский, Вытегорский, Каргопольский и Лодейнопольский). Подробной мотивировки присоединения Кемского уезда к Архангельской губернии в указе не содержалось, говорилось лишь, что это делается «по удобствам». По всей видимости, «удобность» заключалась в

традиционных экономических связях Карельского Поморья с Архангельском и наличии морских коммуникаций между ними.

Значительное и неоднозначное влияние на геополитическое положение Карелии оказало присоединение в результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. Финляндии к России на правах автономного великого княжества, в котором сохранялась собственная законодательная система и устанавливалась своя верховная администрация. Бывшая граница со Швецией, откуда на протяжении многих веков на карельскую землю не раз приходили война и разорение, становилась мирной границей с автономным государственным образованием в составе Российской империи. В 1811 г. Александр I передал в состав Великого княжества Финляндского Выборгскую губернию, что явилось препятствием на пути этнической консолидации проживавших в северо-западном Приладожье карел с родственным карельским населением сопредельной Олонецкой губернии. По данным 1830 г. в восточной части Выборгской губернии (в приходах Салми, Суоярви, Суйстамо, Кителя, Тиурула и др.) проживало около 20 тыс. православного карельского населения¹⁷.

Сложившееся в начале XIX в. административно-территориальное устройство карельских земель с незначительными изменениями (включение в состав Кемского уезда района Пяозера, Керети и Кандалакши) сохранялось более столетия, вплоть до революционных событий 1917 г. Оно закрепило административную разобщенность карельского народа.

Необходимо, однако, отметить, что еще в 1877–1878 гг. земские органы и администрация Олонецкой губернии во главе с губернатором Г. Г. Григорьевым официально поставили перед правительством России вопрос о необходимости возвращения в состав губернии Кемского уезда. Предварительно этот вопрос был рассмотрен 8 декабря 1877 г. на очередной сессии Олонецкого губернского земского собрания по инициативе гласного, подрядчика по постройке Повенецко-Сумпосадской почтовой дороги, купца из г. Вытегры В. М. Матвеева. В своем докладе В. М. Матвеев охарактеризовал существующую административную границу между Олонецкой и Архангельской губерниями как «искусственную», мешающую интеграции Поморья с общероссийским рынком и требующую пересмотра. «Олонецкая губерния, находясь на перепутье между Поморьем и внутренними рынками империи, – заявил он, – самой природою назначена служить посредницей в торговле между этими пунктами». Гласный акцентировал внимание и на этническом факторе, указав, что «Кемская корела... составляет продолжение сплошного населения карельского племени, занимающего пограничные с Финляндией части Олонецкого, Петрозаводского и Повенецкого уездов»¹⁸.

Олонецкое губернское земское собрание приняло по докладу следующее постановление: «Вполне разделяя взгляд губернского гласного г-на Матвеева на обоюдные выгоды для развития нравственного и экономического быта населения западного побережья Белого моря и жителей Олонецкого края, от слияния этой части севера с Олонецкой губернией... ходатайствовать пред правительством, чрез г. начальника губернии о присоединении Кемского уезда Архангельской губернии, в полном его современном составе, к Олонецкой губернии»¹⁹. Земцы нашли полную поддержку у губернатора Г. Г. Григорьева, представившего 1 мая 1878 г. ходатайство губернского земского собрания Министру внутренних дел А. Е. Тимашеву. Более того, в сопроводительной записке он углубил и конкретизировал ряд положений, выдвинутых В. М. Матвеевым, прежде всего в плане экономической интеграции Кемского уезда и Олонии. Так, он указывал, что административная разобщенность тормозит освоение богатых лесных ресурсов в бассейнах рек Выг и Кемь, осложняет проблему доставки продукции рыбных промыслов Поморья на петербургский рынок, мешает реализации крупных коммуникационных проектов общероссийского значения (строительство Беломорско-Балтийского канала, железной дороги к незамерзающим гаваням Баренцева моря и др.). Г. Г. Григорьев также добавил управленческо-административный аргумент, указав, что правительственные распоряжения из столицы через Петрозаводск будут поступать в Кемь и на Мурман значительно быстрее, чем через Архангельск.

Однако, несмотря на обоснованность своих предложений, олончане потерпели неудачу. Против них выступил не только архангельский губернатор Н. П. Игнатъев, что можно было ожидать, но и министры. Причина заключалась в том, что олонецкие деятели считали необходимым ввести в Кемском уезде, в случае его присоединения к губернии, земские учреждения «на общих основаниях». Тем самым ставилась под сомнение позиция правящих кругов, упорно не желавших давать земское самоуправление Архангельской губернии из-за отсутствия в ней поместного дворянства. О политической остроте данного вопроса свидетельствует тот факт, что когда три с половиной десятилетия спустя, в 1913 г., III Государственная Дума проголосовала за введение земских учреждений в Архангельской губернии, Государственный Совет провалил этот законопроект. При этом о причинах отклонения закона весьма откровенно высказался на страницах газеты «Новое время» один из лидеров правых в Госсовете П. П. Кобылинский: «Так пишут законы только лавочники... Гос. дума совершенно не подумала о том, что по отсутствию культурных элементов и по малонаселенности Архангельской губернии, там в земские управы

пришлось бы выбирать, как у нас острили, одного мужика, одного оленя и одного медведя... Образования мужицкого земства, каким его проектировала III Гос. дума, мы не допустим». Интересно, что с противоположного политического фланга на выступление Кобылинского отозвался В. И. Ленин, который в заметке «Благодарим за откровенность» писал: «Лавочники в государственной думе... Мужики и медведи в земстве... лавочников и мужиков не допустим... Вот прямой язык помещика-крепостника»²⁰.

Не удивительно, что в ответ Григорьеву, поднявшему большой для правительства вопрос, из канцелярии Министерства внутренних дел были высланы отрицательные заключения управляющего Министерством финансов и Министра государственных имуществ. Министр государственных имуществ писал: «В виду неимения закона, коим казенные земли ограждались бы от произвольного их обложения земскими налогами, я... нахожу, что присоединение Кемского уезда к Олонецкой губернии, как и вообще отделение уездов, от одних губерний, в коих земские учреждения не введены, и присоединение их к другим, в коих таковые существуют, представляется в настоящее время преждевременным и в интересах казны нежелательным». В том же духе высказался и другой министр: «Причины, побуждающее олонецкое земство ходатайствовать об означенном присоединении, весьма понятны, если принять во внимание, что помянутое присоединение обуславливается введением там земских учреждений, которые получили бы право для своих надобностей облагать земским сбором недвижимые имущества, в том числе и казенные земли, которых там имеется значительное количество...

Ввиду сего, я со своей стороны разделяю мнение архангельского губернатора и Министра Государственных имуществ, что присоединение Кемского уезда к Олонецкой губернии не оправдывается никакими существенными соображениями, а потому и ходатайство о сем... должно быть отклонено»²¹.

Последующий ход событий показал, однако, что руководители земства и администрации Олонецкой губернии 1870-х гг., ставя вопрос о пересмотре административных границ, хорошо знали нужды края и были людьми дальновидными. Сама логика экономического развития вела к хозяйственной интеграции Кемского края и Олонии. Ключевым моментом в данном отношении явился ввод в эксплуатацию Мурманской железной дороги в период Первой мировой войны, на что обращал внимание видный карельский историк Я. А. Балагуров. В монографии, посвященной жизни Карельского Поморья в 1917–1920 гг., он отмечал: «После постройки Мурманской железной дороги установилась прочная и кругло-

годичная связь с Петрозаводском и Петроградом, а старинные связи с Архангельском стали постепенно отходить на задний план»²².

В политико-административном отношении необходимость объединения Кемского края с Олонией и учета специфики национального состава населения показали события революции 1905–1907 гг., когда администрация и епархиальные власти Олонецкой и Архангельской губернии были поставлены перед необходимостью тесной координации действий в связи со становлением карельского национального движения и угрозой пропаганды «панфинских» и лютеранских идей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ-И. Т. 4. № 1943, 2218, 2538.

² Лохвицкий А. Губерния. Ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб., 1864. С. 39–40.

³ См.: Bjorn I. Suur-Ilomantsin historia. Pieksamaki, 1991. S. 135, 136.

⁴ ПСЗ-И. Т. 8. № 5065.

⁵ ПСЗ-И. Т. 11. № 8766.

⁶ Желудков В. Ф. Введение губернской реформы 1775 г. // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 229. Л., 1962. С. 200–201, 223–224.

⁷ Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы. Т. 1. Петрозаводск, 2001. С. 387.

⁸ ПСЗ-И. Т. 21. № 15297.

⁹ См.: ПСЗ-И. Т. 20. № 14602; Т. 21. № 15394.

¹⁰ ПСЗ-И. Т. 20. № 14973.

¹¹ ПСЗ-И. Т. 22. № 15968.

¹² ПСЗ-И. Т. 22. № 15999.

¹³ ПСЗ-И. Т. 22. № 16204; Ушаков И. Ф. Кольская земля. Избранные произведения в 3-х тт. Т. 1. Мурманск, 1997. С. 180–181

¹⁴ ПСЗ-И. Т. 24. № 17634, 17677.

¹⁵ ПСЗ-И. Т. 26. № 20004

¹⁶ ПСЗ-И. Т. 27. № 20455, 22997.

¹⁷ Пашков А. М. Сочинение Франца фон Кнорринга «Старая Финляндия» // Сортавальский исторический сборник. Петрозаводск, 2005. С. 78–79.

¹⁸ Журналы Олонецкого губернского земского собрания очередной сессии 1–11 дек. 1877 г. Петрозаводск, 1878. С. 70–71.

¹⁹ Там же. С. 73.

²⁰ Ленин и Север. Сборник документов и материалов. Архангельск, 1969. С. 42.

²¹ НА РК, ф. 1, оп. 11, д. 34/20, л. 65–67.

²² Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Изд. 3-е. Петрозаводск, 1973. С. 25.

Е. Ю. Дубровская
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Российские военные власти и Сердобольская учительская семинария: противостояние в карельском приграничье в начале XX в.

Среди конкретных задач, стоящих перед автором, одной из самых важных является исследование феномена исторической памяти населения приграничья накануне и во время Первой мировой войны на материале Карелии. Изучение роли финского фактора в истории края на основе опубликованных источников и документальных материалов из фондов Национального архива Финляндии и периодических изданий, вышедших в начале XX в., позволяет проследить, как в этот период действовали механизмы сохранения, передачи, актуализации памяти населения карельско-финляндского приграничья о событиях прошлого¹. Прежде всего, интересно выяснить, как складывались такие представления у читательской аудитории епархиальных журналов начала XX в. – «Православного Финляндского сборника» (1910–1911) и «Карельских известий» (Салми-Выборг, 1913–1917).

Традиция публикации путевых заметок и дневников лиц духовного звания в начале XX столетия была положена «Православным Финляндским сборником». Исходя из целей своей миссионерской деятельности, представители православного духовенства, предлагавшие вниманию русского читателя наблюдения над самыми различными сторонами жизни сопредельных территорий в Финляндской и Российской Карелии, в первую очередь информировали о конфессиональном составе населения приграничья.

Попадая на страницы периодики, эти сведения приобретали особую ценность и потому, что давали представления об этнической структуре описываемых территорий. Хотя задолго до рубежа XIX и XX столетий сведения об этноконфессиональном составе населения Приладожья и Олонецкой Карелии становились предметом особого внимания русских путешественников и ученых.

Весьма показательны в этом отношении публикации в журнале «Карельские известия». Журнал увидел свет в 1913 г. первоначально как издание православного кружка в с. Салми Выборгской губ., издавался на квартире одного из церковнослужителей А. Михайлова машинописным

способом и редактировался настоятелем Крестовоздвиженской церкви на острове Мантсинсаари Петром Шмариным. С началом Первой мировой войны издание журнала взяло на себя Главное (Финляндское) отделение Карельского Православного братства с центром в г. Выборге.

Уже в «салминский» период существования «Карельских известий» на страницах журнала нашли отражение разногласия между финляндской общественностью и русской администрацией во взглядах на целесообразность деятельности ставшей неудобной для центральных властей Сортавальской (Сердобольской) учительской семинарии. Она готовила учителей, владевших финским языком, для карельских приходов с православным населением.

Основанная в 1880 г. семинария не являлась старейшей среди подобных учебных заведений края². Однако на нее было обращено пристрастное внимание имперских высших чинов, подозрительно относившихся к особому автономному положению Великого княжества Финляндского в составе Российского государства. Необходимость введения обязательного изучения ее воспитанниками русского языка уже в начале XX в. мотивировалась ощутимой потребностью в преподавателях государственного языка империи для школ российско-финляндского приграничья³.

В 1909 г. в Петербурге отдельной книгой была издана подборка материалов периодической печати с целью разоблачить намерения финляндцев завоевать на свою сторону карельское население Финляндской и Российской Карелии⁴. Среди этих публикаций значительное место отводилось выступлениям сортавальской газеты «Laatokka» («Ладога»), руководимой семинарскими кругами⁵. Разумеется, издания, подобные брошюре инспектора по делам православной религии в Финляндии протоиерея В. П. Крохина, не способствовали снижению напряженности в отношениях противоборствующих сторон⁶.

Еще в период правления финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова специально созданная комиссия признала необходимым «подвергнуть семинарию коренному преобразованию таким образом, чтобы вся ее учебно-воспитательная работа и административная часть были переданы в руки лиц истинно русского направления и все предметы преподавались в ней на русском языке»⁷. Последовавшее за убийством Бобрикова изменение правительственной политики в Финляндии не позволило осуществиться планам по преобразованию или упразднению семинарии, хотя неоднократно предпринимались меры репрессивного характера против выразителей господствовавших в ее стенах настроений. Так, в 1911 г. был отстранен от должности инспектор православных народных школ в Карелии Садовников, сторонник феннофильских взглядов⁸.

В марте 1914 г., знакомя читателей с ситуацией вокруг опального учебного заведения, машинописные «Карельские известия» критиковали «тот дух, в котором воспитываются ученики Сердобольской семинарии» и те «чувства и стремления», с которыми «выходят из этой семинарии молодые люди, принимающиеся за учительскую деятельность в финских народных школах». По мысли автора журнальной публикации, вполне естественно, что «такой учитель финской народной школы в проявлениях русского влияния видит „злое“ и ведет борьбу против него», т. е. «против русских обычаев среди карел, против мировоззрения русского простолюдина в кареле, против русских слов в языке карела, навязывая взамен этого финские обычаи, мировоззрение, слова»⁹.

Сами будущие учителя, продолжает автор заметки, во время пребывания в семинарии «вполне успевают проникнуться финским духом и усвоить финское обличье». Если в семинарию «они поступали еще православными карелами: Алексеевыми, Подушкиными и др.», то заканчивали ее «под фамилиями Арнио, Лайне, Харкинена, Канерво, Райнио» и т. д., «поступали они с именами Карпов, Парасковий и др., кончали с именами Карлов, Эв и пр.».

В цитируемой статье подчеркивается влияние на учащихся со стороны не только преподавателей, но и «товарищеской среды» и обстановки, в которой «приходится жить четыре года ученикам из православных карел». Таких учеников в семинарии «бывает обычно один-два на класс, состоящий из тридцати человек, чисто финнов». После четырехлетнего обучения «православный карел, сделавшись народным учителем, ревностно начинает вырывать „злые семена“, брошенные в православных карел „чужестранцем“, т. е. усердно очищает язык своих учеников от русских слов вопреки желанию родителей»¹⁰.

Подытоживая сказанное, автор публикации отметил, что «речь молодого поколения получила западный отпечаток и стала приближаться к языку остальной Финляндии», вот почему зачастую «в одной и той же семье говорят двумя разными наречиями», и «многие старые люди порицают это нововведение». Автор ссылается на сетование одного старика-карела по поводу его племянницы: «Весь свой разговор сменила, не умеет более говорить по-человечески»¹¹.

В январе 1912 г., в обстановке ужесточения отношения русских властей к семинарии, комиссия от гласных г. Сортавалы (в состав которой вошли директор семинарии К. А. О. Реландер, известный врач Г. Винтер и пятеро других уважаемых горожан) обратилась к председателю Совета министров В. Н. Коковцову. Комиссия просила воспрепятствовать переводу учебного заведения в какой-либо другой город Финляндии, сопро-

водив свое ходатайство подробным изложением истории создания и деятельности семинарии как крупного культурного центра княжества¹².

Коковцов, предваряя передачу вопроса на рассмотрение Министерства юстиции, запросил мнения финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна о характере работы семинарии. В 1913 г. в канцелярии генерал-губернатора была подготовлена соответствующая «Записка», содержащая разделы о истории возникновения семинарии, о ее «правовом положении» и направлениях деятельности.

В конце января 1914 г. Зейн предложил Финляндскому сенату разработать «меры к внутреннему преобразованию строя семинарии»¹³. С началом Первой мировой войны дальнейшее рассмотрение вопроса о судьбе учебного заведения перешло в сферу компетенции военных властей. Те предлагали закрыть семинарию, заявляя, что она является «проводником панфинской пропаганды» и содействовала вербовке сторонников егерского движения.

Движение, ставшее формой активного сопротивления унификаторским начинаниям центральной власти, было ориентировано на германо-финляндское секретное сотрудничество в области создания на немецкой территории добровольческой боевой единицы финляндских сепаратистов – 27-го Королевского Прусского егерского батальона¹⁴.

В середине сентября 1916 г. Финляндский сенат сообщил Зейну о том, что, согласно Высочайшему постановлению, введение в учительских семинариях обширного курса русского языка и преподавания на нем истории России является мерой, способствующей изменению характера обучения. Со своей стороны сенат предложил назначать на должности директора и преподавателей семинарии лиц, знающих русский язык. «Указанными мерами возбужденный вашим Высокопревосходительством в 1914 году вопрос мог бы, по мнению сената, считаться исчерпанным, и сенат не считал бы своевременным проводить в настоящее время какие-либо более радикальные реформы», – говорилось в документе¹⁵.

Обстановка военного времени давала широкие возможности применения репрессивных мер против действий, враждебных центральной правительственной власти, под которыми подразумевались и публикации в печати. К таким действиям оказалась причислена и деятельность директора Сердобольской семинарии Реландера.

Главкомандующий армиями Северного фронта Н. В. Рузский, заслушав доклад о работе учебного заведения, нашел пребывание его директора в Финляндии «вредным для русской государственности» и приказал выслать Реландера как «выказавшего себя активным сторонником идей панфинизма и сепаратизма особенно в настоящее военное время» во

внутренние губернии империи до окончания войны. Следуя этому приказу, Ф. А. Зейн шифрованной телеграммой дал распоряжение Выборгскому губернатору генерал-майору Ф. Фон Фалеру арестовать Реландера и препроводить под конвоем в выборгскую тюрьму для дальнейшей передачи в распоряжение петроградского губернатора¹⁶.

Такая мера пресечения деятельности финляндцев, задержанных по подозрению в вербовке егерей, шпионаже и саботаже, была весьма распространенной. В ноябре 1914 г. под арестом оказался многократно избиравшийся председателем финляндского сейма П. Э. Свинхувуд, впоследствии сосланный в Сибирь, а в 1916 г. до 250 человек содержались в тюрьмах или были вывезены в Петроград по соответствующим обвинениям¹⁷.

Введение военного положения уже в начале августа 1914 г. сразу же ограничило возможности гражданской администрации влиять на ход событий, поскольку сам генерал-губернатор был теперь подчинен командующему 6-й армии. Однако попытки Зейна противостоять слишком радикальным мерам военных властей, которыми они полагали обеспечить сохранение лояльности населения Великого княжества, позволяют согласиться с заключением, что его можно характеризовать как человека, вынужденного считаться с реальной обстановкой в крае¹⁸.

О его позиции, не лишенной осмотрительности, свидетельствуют ответы начальнику штаба главнокомандующего армиями Северного фронта Ю. Н. Данилову на поступивший в начале ноября 1916 г. приказ дать сведения о работе Сердобольской учительской семинарии ввиду возможного применения в отношении ее п. 15 ст. 19 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» на все время действия этого положения. Очевидно, именно к ноябрю 1916 г. относится подготовка приказа главнокомандующего армиями Северного фронта, который должен был определить судьбу отнюдь не военного учреждения, располагавшегося вдалеке от линии фронта, в Восточной Финляндии.

На основании «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» главнокомандующий распорядился: «1) Сердобольскую учительскую семинарию в Финляндии окончательно упразднить, 2) учащихся и учащихся семинарии перевести в другие учебные заведения Финляндии по усмотрению Императорского финляндского сената, 3) принадлежащие семинарии денежные суммы и другие ее имущества, как движимые, так и недвижимые, обратить на потребности народного просвещения в крае по соглашению Финляндского сената с финляндским генерал-губернатором»¹⁹.

Документ, обнаруженный в черновике среди бумаг канцелярии генерал-губернатора, свидетельствует о крайнем обострении конфликта меж-

ду русскими военными и гражданскими властями Финляндии вокруг учительской семинарии. Позиция Зейна, занятая им в этом вопросе, не могла не повлиять на то, что намерения военных властей так и остались неосуществленными²⁰.

Публикации в журнале «Карельские известия» позволяют увидеть, какие личности и события из имперской истории удостоивались коммеморации, кто из учителей русских школ в Северном Приладожье заслуживали, в отличие от преподавателей Сердобольской семинарии, упоминаний на страницах официальных православных изданий накануне и во время Первой мировой войны.

Так, построенная на средства Валаамского монастыря школа Карельского православного братства в с. Салми с Высочайшего позволения получила название Алексеевской в честь Наследника цесаревича, другая братская школа в д. Карку Салминского прихода именовалась Софийской, поскольку строилась на средства финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна и призвана была увековечить имя его супруги Софии Ивановны Зейн.

Рассказывая о своей поездке по Приладожской Карелии в 1916 г., помощник Выборгского синодального миссионера иеромонах Исаакий обратил внимание читателей на «историческое значение двух зданий» в д. Минала Салминского прихода, составляющих особую заботу местного купца Ивана Федоровича Хозяинова: «Часовня построена на братской могиле карел, избитых во время шведских нашествий в эти края», а Николаевская школа – в память финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, «безвременно погибшего от руки убийцы шведа Шаумана»²¹.

Во время православной миссионерской поездки по Приладожской Карелии в декабре 1915 г. путешественники посетили Орусъярви, находившееся в семи верстах от с. Салми. В опубликованных «Путевых впечатлениях» о нем сообщалось как о «месте историческом»: «глубокое предание говорит, что когда-то, в минувшие времена» здесь находился женский монастырь», в обители особо почитался чудотворный образ Святителя Николая. «Во время набегов полчищ „Шишая“ на Карелию Орусъярвская обитель была предана огню и мечу, с тех пор монастырь прекратил свое существование»²².

Автор «Путевых впечатлений» приводит легенду о происхождении названия о. Орусъярви – «Оружейное озеро»: «Как объяснили карелы, оно происходит от того, что во время войны в озере было потоплено много оружия, в нем также погружены монастырские колокола»²³. Вне зависимости от достоверности такого объяснения происхождения топонима следует отметить, что карельское слово *orozi* действительно означает «ружье»²⁴.

Сходное объяснение получило в путевых заметках и название стоящей на берегу Ладожского озера д. Карку Салминского прихода, где наряду с русской школой Карельского православного братства действовала и финская, находившаяся в ведении «школьно-просветительного общества и возведенная здесь печальной памяти инспектором финских школ Садовниковым»²⁵.

По свидетельству владевшего карельским языком иеромонаха Исаакия, топоним связан со словом «„каргу“ – убежище» (*kargu*²⁶ – уход, бегство). «По преданию, здесь недалеко от селения было убежище карел во время шведских нашествий», – пишет автор, – а с находящимся вблизи селения местом «Kalmiston rinne („Кладбищенский выступ“») связаны услышанные им рассказы старожилов «о зверском набеге шведов». В путевых заметках о посещении насчитывавшей 50 домов деревни, жители которой «все православные», миссионер приводит следующее высказывание: «„Теперь, слава Богу, не то время. Живем под могущественным крылом Российского Орла“, – так заканчивают свой грустный рассказ каркульские старики-карелы»²⁷.

Вступление России в мировую войну не только повлияло на активизацию памяти об имперском расширении и завоеваниях, изменилось восприятие Карелии как места противостояния Востока и Запада. Официальные периодические издания 1910-х гг., формируя представления своих читателей об этносах-соседах, прежде всего, карелах и финнах, стремились представить имперскую историю как общее прошлое жителей многонационального государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Дубровская Е. Ю. Северное Приладожье и «места памяти» в репрезентации российской периодики начала XX столетия // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии. Материалы II науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Т. А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы (11–13 июня 2007 г., Сортавала). Петрозаводск, 2007. С. 107–113.

² Военное обозрение Финляндского военного округа. Гельсингфорс, 1876. С. 605; Дмитриев А. П. Ректор Сортавальской Духовной семинарии протоиерей Николай Валмо и финское «литургическое пробуждение» // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1. Петрозаводск, 2005. С. 138–149.

³ Полвинен Т. Держава и окраина: Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904. СПб., 1997. С. 152.

⁴ Панфинская пропаганда: по финским источникам. СПб., 1909. См. также: Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России: 1905–1917. СПб., 2006; Шейкин А. А. Конструируя «панфинскую пропаганду» (Начальный этап «панфинской пропаганды») в документах канцелярии архангель-

ского губернатора) // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск, 2005. С. 160–165.

⁵ КА (Kansallisarkisto – Национальный архив Финляндии). ККК (фонд канцелярии финляндского генерал-губернатора) Fb Hd 105 Дело о Сердобольской семинарии 1912–1913 и 1916 гг. Письмо Ф. А. Зейна Ю. Н. Данилову 14 декабря 1916 г.

⁶ Например, Алексеев В. А. Панфинский лютеранский поход финляндцев на православную Карелию. СПб., 1910; Вальтер Н. Изнанка финляндской культуры (финляндская печать о финляндцах): материалы для очерка финляндских нравов. СПб., 1913; Крохин В. П. Как возникла в г. Сердоболе финская учительская семинария и как она офинивает Карелию. СПб., 1910; Смирнова С. Угнетенная страна. Заметки о Финляндии. СПб., 1908 и др.

⁷ КА. Там же. Сердобольская учительская семинария. Ч. III. Характер деятельности.

⁸ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 199.

⁹ Карельские известия. 1914, № 4. С. 14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Подробнее об этом: Пулькин М. В. Карельский язык в Олонецкой и Сердобольской семинариях // Приладожье и Русский Север. История, традиции, современность. Материалы науч.-практ. конф., г. Лодейное Поле, 8–12 июня 2002 года. М., 2003. С. 159–162.

¹² КА. Там же. Исторический очерк возникновения и деятельности Сердобольской семинарии. Перевод.

¹³ КА. Там же. Письмо Ф. А. Зейна Ю. Н. Данилову 14 декабря 1916 г.

¹⁴ Новикова И. Н. «Между молотом и наковальной». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006; Она же. «Финская карта в немецком пасьянсе»: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Петрозаводск, 1992. С. 18–23, 50–52.

¹⁵ КА. Там же. Копия секретного отношения Императорского финляндского сената финляндскому генерал-губернатору от 19 сентября 1916 г.

¹⁶ КА. Там же. Копии секретного отношения начальника штаба главнокомандующего армиями Северного фронта финляндскому генерал-губернатору от 5 ноября 1916 г.

¹⁸ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 139; Соломещ И. М. Указ. соч. С. 46.

¹⁸ Соломещ И. М. Указ. соч. С. 29–30, 35–36; Luntinen P. F. A. Seyn: A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. Helsinki, 1985. P. 253–254.

¹⁹ КА. Там же. Дело о Сердобольской семинарии 1912–1913 и 1916 гг.

²⁰ КА. Там же. Копия секретного письма Ю. Н. Данилова Ф. А. Зейну 27 декабря 1916 г.; письма Ф. А. Зейна Ю. Н. Данилову 14 декабря 1916 г. и 2 января 1917 г.

²¹ Путевые впечатления (Поездка по Карелии) // Карельские известия. 1916. № 14. С. 5.

²² Путевые впечатления // Там же. 1916. № 17. С. 5.

²³ Там же.

²⁴ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. С. 245.

²⁵ Иеромонах Исаакий. Из истории деревни Карку Салминского прихода // Карельские известия. 1916. № 22. С. 6–7.

²⁶ Словарь карельского языка... С. 125.

²⁷ Иеромонах Исаакий. Указ. соч. С. 7.

А. В. Голубев
ПетрГУ, Петрозаводск

«Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северокарельского приграничья в годы Гражданской войны

События 1917 г. повлекли за собой кризис российской государственности. В частности, в отношениях «центр – периферия» чрезвычайно усилились центробежные силы, что привело к резкому росту национальных движений во всех регионах бывшей Российской империи и в конечном итоге к ее территориальному распаду. Эти процессы были характерны и для российских территорий, населенных карелами. Как известно, в 1918–1921 гг. на приграничных территориях Карелии, входивших до 1920 г. в состав Олонецкой и Архангельской губерний, произошел целый ряд вооруженных и политических конфликтов и событий, трактовка которых в исторической науке до сих пор вызывает массу споров¹. В 1918–1920 гг. между Советской Россией и Финляндией шла необъявленная война за приграничные уезды Олонецкой и Архангельской губерний. В это же время в карельских волостях и уездах прошел целый ряд собраний, на которых представители местного населения решали вопросы о дальнейшей судьбе Карелии, о ее возможном союзе с Финляндией или автономном статусе в составе России и даже о возможности провозглашения независимости. В 1920 г. в приграничной Карелии была установлена советская власть, однако в конце 1921 – начале 1922 г. север Карелии был вновь охвачен крупным антисоветским восстанием, поддержанным добровольцами из Финляндии.

Именно иностранное вмешательство в годы Гражданской войны было значительным, а зачастую и решающим фактором, оказывавшим влияние на национальное движение среди карел. Однако до сих пор как в отечественной, так и в зарубежной историографии рост карельского национализма связывался лишь с Финляндией, развернувшей среди карел активную профинскую пропаганду и оказывавшей вооруженную поддержку профинским силам в их среде в течение 1918–1922 гг. Однако в 1918–1919 гг. на Европейском Севере России действовали и значительные силы союзников, среди которых ведущую роль играли британцы. В частности, в Карелии союзники заняли побережье Белого моря летом 1918 г. и ушли оттуда лишь осенью 1919 г. Таким образом, их интервенция в северной и центральной

Карелии продолжалась больше года, и войска союзников, оказавшиеся в условиях вакуума власти в Карелии своеобразным центром силы, не могли не оказать влияния на карельское национальное движение, находившееся на стадии зарождения и искавшее любую опору, которая могла бы помочь его становлению.

И хотя в работе финского историка С. Черчилля содержится краткое упоминание о поддержке британцами национального движения на севере Карелии², в трудах отечественных историков подчеркивается лишь экономическая и антисоветская подоплека иностранной интервенции. Подобная позиция тем более удивительна, что существует ряд мемуаров белогвардейских офицеров, где ответственность за рост национализма среди карел в 1918–1919 гг. возлагается напрямую на британцев³. До сих пор в исследовательской литературе не раскрыта подоплека решений съезда представителей волостей Карелии, состоявшегося в феврале 1919 г. в Кеми. Если аналогичные съезды, собиравшиеся на территориях, которые были захвачены финскими войсками, принимали решения о присоединении к Финляндии (например, собрания в августе 1918 г. в Реболах или в январе 1919 г. в Поросозере), а на территориях, контролировавшихся Красной армией, – об установлении Советской власти (например, Всекарельский съезд представителей трудящихся карел в июле 1920 г. в Петрозаводске), то февральский съезд 1919 г. в Кеми, которая в то время была центром британских сил на карельском побережье Белого моря, провозгласил независимость Карелии как от России, так и от Финляндии.

Все это диктует необходимость введения в научный оборот новых источников для более объективного изучения британского фактора в событиях Гражданской войны в Карелии, в первую очередь, за счет привлечения источников, представляющих позицию союзников в 1918–1919 гг. Таким источником и является «Карельский дневник» Филиппа Вудса.

Филипп Вудс (1880–1961) был британским офицером ирландского происхождения, прошедшим англо-бурскую и Первую мировую войны и участвовавшим в 1918–1919 гг. в интервенции союзников в Карелии в качестве командующего Карельским легионом – добровольческим соединением, чей личный состав был набран из местного карельского населения. Карельский легион действовал в составе британских войск в Кемском и Ухтинском уездах Архангельской губернии против отрядов белофиннов и в меньшей степени – против Красной армии. «Карельский дневник» – это мемуары Филиппа Вудса, в которых он описывает свое участие в британской интервенции начиная со своего прибытия в июле 1918 г. и до эвакуации сил союзников в сентябре 1919 г. «Дневник» Ф. Вудса был

опубликован английским историком Николасом Бароном в 2007 г. в качестве второй части своей книги «Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и Британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары»⁴, его оригинал хранится в Имперском военном музее в Лондоне. По предположению Н. Барона, «Карельский дневник» датируется концом 1938 или 1939 г.⁵, однако богатый фактический материал, обилие дат, фамилий и название предполагает то, что автор опирался на заметки, написанные им во время своей карельской кампании.

Текст «Карельского дневника» Ф. Вудса – яркий пример того, как необходимо четко представлять законы жанра, в котором написан текст. В предисловии к своей книге Н. Барон пишет, что мемуары Вудса напомнили ему прочитанные в детстве приключенческие романы британских авторов⁶, и это не удивительно. В течение XIX – начале XX в. одним из основных жанров английской литературы был приключенческий роман, имевший гораздо более значительную социальную функцию, чем просто развлечение читателя. Произведения таких видных писателей, как Р. Киплинг, А. Конан Дойль, Г. Хаггард и других, формировали у читателей (среди которых был и Ф. Вудс) особое «викторианское» мировоззрение, восприятие Британской империи как созидательной силы, несущей «правильную» цивилизацию диким народам колоний и чужих стран. Несмотря на то, что в основе повествования Ф. Вудса лежат исторические факты, а не художественный вымысел, его «Карельский дневник» имеет все жанровые признаки приключенческой литературы. Британский офицер, которого отправляют в дальний уголок мира (метафора, неоднократно повторяющаяся в тексте), ожидает встретить здесь местное население, свободное от цивилизации, – таким Вудс и изображает карел: целомудренные женщины, храбрые мужчины, суровые, но по-своему справедливые нравы и обычаи. «Невозможно применить просвещенные стандарты Европы к людям, столь сильно отставшим от нас в социальном развитии», – сокрушается Ф. Вудс в своем дневнике⁷ – и в то же время берет на себя «бремя белого человека»⁸, откровенно симпатизируя карелам. Жанр литературы приключений подразумевает контрастное изображение противоборствующих сторон, и в противовес карелам русское население представлено совсем в ином свете: большевики ведут себя в высшей степени бестолково (например, в сцене противоборства с войсками комиссара Спиридонова⁹, которая в советской историографии изображена совершенно иначе¹⁰), а большинство белогвардейских офицеров изображены и вовсе классическими, едва ли не шекспировскими злодеями¹¹ (естественно, в мемуарах белогвардейских офицеров отношения с британскими союзниками описываются совсем

по-другому¹²). Подчеркнуто литературны и многочисленные описания северной природы.

Впрочем, было бы крайне ошибочно толковать «Карельский дневник» Ф. Вудса лишь как объект интереса для филологов и культурологов. В первую очередь, он все-таки является уникальным историческим источником, который требует критического анализа и осмысления, но не отрицания. Мемуары Ф. Вудса открывают новый взгляд на целый комплекс проблем, связанных с историей Гражданской войны на севере, национальным движением среди карел, советско-финляндским противостоянием из-за Карелии, с той перспективы, которая до сих пор отсутствует как в российской, так и в финляндской историографии.

Одной из центральных проблем в «Карельском дневнике» Ф. Вудса является карельское национальное движение, что находит объяснение в ирландском происхождении самого Вудса. В своем дневнике он неоднократно сравнивает карел с ирландцами¹³, в чем проявляется явная симпатия Вудса по отношению к карельскому национализму. В мемуарах Вудса раскрывается роль Карельского легиона как одного из центров карельского национального движения. Карельский легион был создан англичанами в июле 1918 г. для борьбы с финскими войсками, оккупировавшими Ухтинский и Кемский уезды, и поступление на службу (легион формировался исключительно на добровольной основе) предполагало определенный уровень националистических взглядов¹⁴. Более того, развитию этих взглядов способствовала дальнейшая служба в легионе. Уже в июле у легиона появилась собственная символика – кокарды в виде трилистника, символа Ирландии (из-за этих кокард британское командование окрестило Карельский легион «ирландскими карелами»)¹⁵. К сентябрю Ф. Вудс придумал для Карельского легиона и полковое знамя – зеленый трилистник на оранжевом фоне. Как писал он в мемуарах, «карелы так восхищались этим красивым знаменем, что в конце концов выбрали его в качестве национального флага, а когда им объяснили, что три листика имеют религиозный смысл, символизируя веру, надежду и милосердие, флаг был безоговорочно поддержан и церковью. [...] Одно из наших знамен развевалось на флагштоке здания городского совета в Ухте, другое – над казармами и зданием телеграфа в Ускозере, примерно в девяносто миль от Ухты, третье – над казармами в Кеми и четвертое было поднято под „Юнион Джеком“ над зданием штаб-квартиры Карельского полка на станции Кемь»¹⁶.

Неудивительно, что Карельский легион оказался своеобразным «инкубатором» национализма среди карел. Вудс достаточно подробно описывает, как изменялись взгляды карельских офицеров легиона на будущее Карелии,

упоминает об их консультациях с красными финнами, в том числе с членом бывшего социалистического правительства Финляндии Оскари Токоем¹⁷. Кульминационной точкой деятельности Карельского легиона в национальном движении в Северной Карелии стали два события – февральский съезд представителей северных карельских волостей и принятая этим съездом петиция к британскому королю Георгу V, в которой содержалась просьба признать Карелию британским протекторатом. В петиции приводилось следующее обоснование этой просьбы: «В течение веков Карелия находилась под русским господством на бесправном положении. Россия, обладая над Карелией полной властью, держала ее в темноте и неграмотности, забирала у нас наши богатства, и никаких выгод от этого Карелия не имела. Жить вместе с Россией мы не можем и категорически отказываемся от этого. Быть друзьями с Финляндией, которая низко попыталась захватить власть над нашей родиной, перед этим ограбив наши деревни до последнего гроша, также является невозможным»¹⁸.

Причины обращения карел за помощью именно к Британии были достаточно явно объяснены в петиции: основную роль здесь сыграла военная поддержка, оказанная британцами карелам в 1918 г. и выразившаяся в организации, вооружении, снабжении Карельского легиона, что позволило карельским националистам изгнать финнов и в то же время сохранить независимость от Советской власти. Данная петиция полностью приводится в «Карельском дневнике» Ф. Вудса¹⁹. Не менее подробно описана негативная реакция британских властей на это обращение, а также вызванный им антагонизм между карельскими националистами и представителями белого движения²⁰.

Несомненный интерес представляет «Карельский дневник» для изучения военных действий, в которых принимали участие северные карелы в 1918 и 1919 гг. Три главы из шестнадцати посвящены подробному описанию летне-осенней ухтинской кампании, в результате которой Карельский легион разбил и вытеснил за границу финские войска, оккупировавшие карельские земли к западу от Кеми. Как профессиональный военный, Вудс уделяет особое внимание тактике и стратегии Карельского легиона и подробному описанию отдельных боев (захвату Юшкозера, Ухты и Вокнаволока). Из его мемуаров можно видеть, что антагонизм между финнами и карелами приводил к крайней жестокости как с одной, так и с другой стороны. Вудс подробно описывает, как карелы делали чучела из убитых финских солдат и как финны, со своей стороны, пытали захваченных в плен карел²¹. Характерен эпизод с захватом пленного финна: карелы, находившиеся в подчинении Вудса, вопреки приказам не оставляли в живых солдат противника, и Вудсу пришлось объявить награду в фунт

табака, чтобы ему доставили хотя бы одного пленного, а потом приставить к нему значительную охрану, чтобы переправить в контролируемую британцами Кемь²². Еще одна глава, посвященная военным действиям, – «Боевые действия под Онегой» – рассказывает об участии карельских добровольцев в боях против Красной армии в районе Сумского Посада летом 1919 г.

«Карельский дневник» Вудса является ценным источником для понимания причин поражения антисоветских сил на Севере России. В Карелии в 1918–1919 гг. эти силы были представлены белофиннами, войсками союзников, белогвардейцами и национальными отрядами. Белофинны как союзники Германии были прямыми противниками Антанты и сформированных ею национальных сил. Однако не было согласия и между другими антисоветскими силами. Ф. Вудс неоднократно упоминает о том, что лидеры белого движения возражали (подчас в категорической форме) против формирования национальных карельских частей, а когда Карельский легион был все-таки создан, начали настраивать британское командование против него в целом и против Ф. Вудса как его командующего в частности²³. Особую интенсивность эти попытки приобрели зимой 1918–1919 гг., когда, как пишет Вудс в мемуарах, «администрация мурманской армии постоянно пыталась подорвать наше влияние и авторитет среди карелов, при этом одновременно генерал Мейнард получал доклады, согласно которым карелы просто ожидали удобного случая, чтобы восстать и перебить всех британцев в Карелии. Эти попытки не прекращались вплоть до нашей эвакуации из России и вызвали совершенно ненужные трения между штабом генерала Мейнарда и нами. Влияние этой пропаганды на наш мурманский штаб было таким большим, что, мне кажется, я сам стал объектом подозрения...»²⁴. Это противостояние принимало настолько серьезные формы, что, по воспоминаниям Вудса (одна из глав его «Карельского дневника» так и называется: «Заговоры против союзников»), белогвардейцы организовали несколько покушений на жизнь как его самого, так и других британских офицеров, находившихся в Кеми²⁵. Однако не было монолитным и само белое движение. Мемуары Вудса показывают, как оно разрывалось социальными и политическими противоречиями, которые делали белые части подчас просто небоеспособными – как, например, в случае со столкновением между солдатами и офицерами одного из белых отрядов, расквартированных в Кеми²⁶.

Помимо изображения политических и военных событий в Карелии в 1918–1919 гг., «Карельский дневник» Ф. Вудса представляет значительную ценность и как источник для изучения культуры и этнографии карел

Кемского и Ухтинского уездов начала XX в. Вудс, несомненно, обладал талантом хорошего этнографа – его описания быта, повседневной жизни и обычаев местного карельского, а также русского населения точны и подробны, он четко выделяет особенности специфической культуры приграничной Карелии, в которой переплелись финские и русские черты. Вот как он, например, описывает интерьер карельской избы: «Внутренняя дверь вела из маленькой прихожей, где оставляли верхнюю одежду, в большую квадратную гостиную с натертыми, без единого пятнышка полами. В одной стене обычно было два маленьких окошка с двойными стеклами, все стыки между которыми были проклеены бумагой или занопачены ватой. Четверть площади комнаты занимала огромная кирпичная печь высотой примерно пять футов. На ее верху было устроено спальное место для семьи, которым пользовались зимой, а также летом в те дни, когда не пекли хлеб. В углу стояли неизбежные иконы, под которыми обычно горела маленькая красная лампадка с ароматизированным маслом. Деревянные стены были пустыми, лишь иногда на них висели рождественские картинки из финских или шведских, реже русских журналов. Мебель обычно состояла из белого отполированного стола, двух скамеек без спинок и иногда двух кресел в виндзорском стиле, стоявших в противоположных углах комнаты. В любое время дня и ночи был готов кипящий самовар. Дом вентилировался с помощью трехдюймовой трубки, идущей сквозь стену; когда было нужно, ее внутренний конец затыкали круглой пробкой»²⁷.

В общей массе источников по истории Карелии в годы Гражданской войны «Карельский дневник» Ф. Вудса является одним из действительно уникальных документов, без которого невозможно объективно реконструировать события 1918–1919 гг. в их взаимосвязи. Для российского читателя – как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся историей и культурой Карелии, вопросами национального движения карел, ходом Гражданской войны и иностранной интервенции в Карелии, структурой и особенностями белого движения и пр. – он будет представлять значительный интерес, и можно надеяться, что уже в ближайшее время появится его научный русский перевод.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разные, подчас подчеркнуто полемические мнения см., например Шумилов М. И. Исторический выбор карелов в 1917–1920 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Петрозаводск, 2000. С. 6–14; Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. и вопросы национально-государственного

самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 88–97; Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999; Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo-Helsinki, 1970 и др.

² Churchill S. *Op. cit.*

³ См., например: Игнатъев В. И. Некоторые факты и итоги четырех лет Гражданской войны // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. С. 155.

⁴ Baron Nick. The King of Karelia. Col P. J. Woods and the British Intervention in North Russia 1918–1919. A History and Memoir. London: Francis Boutle Publishers, 2007.

⁵ Baron N. *Op. cit.* P. 8.

⁶ *Ibid.* P. 5.

⁷ Woods P. Karelian Diary // Baron N. *Op. cit.* P. 176–177. Здесь и далее перевод автора.

⁸ Метафора Р. Киплинга из одноименного стихотворения.

⁹ Woods P. *Op. cit.* P. 158–160.

¹⁰ Балагуров Я. А. Борьба за советы в Карельском поморье. Петрозаводск, 1973; Матвеев И. В. Красный командир. Петрозаводск, 1964.

¹¹ См., например, главы 7 и 11 в: Woods P. *Op. cit.*

¹² См., например, мемуары белогвардейских офицеров: Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. В 2-х тт. Архангельск, 1993.

¹³ Woods P. *Op. cit.* P. 163, 189, 245 и др.

¹⁴ *Ibid.* P. 160–162.

¹⁵ *Ibid.* P. 165, 169.

¹⁶ *Ibid.* P. 186–187.

¹⁷ *Ibid.* P. 235–246.

¹⁸ *Ibid.* P. 264.

¹⁹ *Ibid.* P. 263–265.

²⁰ *Ibid.* P. 266–267 и далее.

²¹ *Ibid.* P. 182–183.

²² *Ibid.* P. 183.

²³ *Ibid.* P. 161, 167 и далее.

²⁴ *Ibid.* P. 194.

²⁵ *Ibid.* P. 194–196, 205–211 и далее.

²⁶ *Ibid.* P. 219–221.

²⁷ *Ibid.* P. 189.

А. Ю. Осипов
ПетрГУ, Петрозаводск

Карельская Освободительная Армия: между Финляндией и советской Россией

В июле 1920 г. части Красной армии вступили в деревню Ухта (ныне г. Калевала), расположенную на севере Карелии, что позволило говорить о завершении гражданской войны. Под властью финнов оставались лишь две приграничные волости – Ребольская и Поросозерская. Заключение Тартуского мирного договора в октябре того же года означало возвращение волостей в состав Карельской Трудовой Коммуны (далее КТК) и урегулирование карельского вопроса на дипломатическом уровне.

Зимой 1921–1922 гг. на территории Карелии произошли события, получившие название «карельской авантюры», «белофинской интервенции» или «карельского восстания». В октябре 1921 г. в северных волостях КТК вспыхнуло крестьянское восстание, вызванное тяжелым экономическим положением. Значительную помощь восставшим оказали финские добровольцы и карелы, ранее бежавшие в Финляндию. До сих пор в отечественной историографии не утихают споры о характере этих событий: интервенция или восстание?

В советской историографии события зимы 1921–1922 гг. традиционно именовались «каравантюрой» или же рассматривались в качестве очередного, третьего по счету, похода финских добровольцев в Карелию¹. Введение в научный оборот новых архивных данных в 1990-х гг. привело к пересмотру этой концепции. В работах карельских и московских исследователей были изучены экономические причины, приведшие к взрыву крестьянского недовольства и в конечном итоге к восстанию². В современной исторической науке присутствуют обе точки зрения. Некоторые исследователи по-прежнему рассматривают события в Карелии как финскую интервенцию³.

Для зарубежной, прежде всего, финляндской историографии применительно к советско-финляндским отношениям 1918–1922 гг. был характерен тезис «племенные войны»⁴, т. е. помощь финнов родственному народу – карелам – в их борьбе против большевиков. Соответственно, события зимы 1921–1922 гг. рассматривались как восстание карельского народа, которому оказали помощь финские добровольцы⁵.

На наш взгляд, эти события являются продолжением Гражданской войны, что было вызвано мерами советской власти. Введение продналога, трудовые и

военные мобилизации и отсутствие продовольствия привели к масштабному крестьянскому выступлению, которое по сути своей не отличалось от войны 1918–1920 гг.⁶ Более того, именно карелы составили большинство в отрядах, которые перешли границу в октябре 1921 г. и активно сражались против советской власти. Изучение отрядов карельских повстанцев, их численности и структуры и является целью нашего исследования.

В отечественной историографии эти вопросы получили освещение в работах лишь двух авторов. При этом проблема вооруженных сил карельских повстанцев была только частично затронута ими⁷.

Основными источниками по данной теме послужили списки личного состава частей, составленных из карелов и финских добровольцев, хранящиеся в Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto – КА). Кроме того, привлекались материалы Архива МИД Финляндии (Ulkoasiainministeriön arkisto – УМА) и Национального архива Республики Карелия (НА РК).

В конце сентября – октябре 1921 г. советско-финляндскую границу на севере Карелии пересекли несколько вооруженных отрядов, самый крупный из которых достигал 60 чел. Пользуясь слабостью советской власти в Кемском уезде, они приступили к организации сил для борьбы с большевиками⁸. По мнению финляндского исследователя М. Лакмана, роль финнов в начальной фазе восстания остается не вполне выясненной⁹. Поэтому, скорее всего, следует говорить о том, что на первоначальном этапе восстания действия развивались параллельно: хаотичные выступления крестьян сопровождалась попытками финских офицеров организовать единый фронт. Но уже вскоре все руководство перешло к финнам.

Восстание началось в Тунгудской волости 23 октября. Несколькими днями позже на собрании представителей ряда волостей в селе Тунгуда было принято решение свергнуть советскую власть, расстрелять ее представителей и оказывать сопротивление всем высылаемым отрядам¹⁰. Восстание охватило также Кимасозерскую, Летнеконцецкую, Маслозерскую, Ругозерскую и Юшкозерскую волости¹¹.

В период карельского восстания на территории Карелии действовали три крупные группировки, входившие в Карельскую Освободительную Армию. На северном направлении в Олангской и Кестеньгской волостях действовал Беломорский полк (Vienan rykmentti), в состав которого входили три батальона, а общая численность достигала свыше 700 чел.¹² Отечественные исследователи 1920–1940-х гг. ошибочно связывали второе название полка – Архангельский – с замыслами финнов по захвату Европейского Севера России¹³. В действительности, название происходит от финского аналога Беломорской Карелии – Viena, Vienan Karjala, которое имеет и второе значение – Архангельская Карелия.

Из 700 человек, входивших в полк, лишь около 400 представляли реальную военную силу, поскольку остальные относились к штабу, обозам и комендатурам, разбросанным по деревням. Укомплектованность трех батальонов Беломорского полка винтовками составляла лишь 75%¹⁴, в связи с чем было принято решение о снабжении их трофейными¹⁵.

Помимо Беломорского полка в состав северной группировки входили также отдельные лыжные отряды – Олангский и Аллоярвский, достигавшие в общей численности в 250 чел.¹⁶

Южнее Беломорского полка действовал Карельский полк лесных партизан (Karjalan Metsäsissirykmentti), являвшийся самым крупным формированием. Полк состоял из трех батальонов, каждый из которых включал в себя четыре роты. В каждой роте было по два взвода. Согласно накладным на выдачу продуктов, на 18 января во втором батальоне полка числилось 474 чел. Из них 201 боец входил в состав рот и 55 чел. – в лыжный отряд. Остальные служили в штабе, двух резервных ротах и четырех комендатурах¹⁷.

Формирование частей происходило по географическому принципу. К примеру, бойцы 7-й роты 2-го батальона были выходцами из Юшкозера, а 8-й роты – из Куркиеки. Соответственно роты получили названия Юшкозерской и Куркиекской. 5-я и 6-я роты этого батальона носили названия Панозерской и Сопосалмской¹⁸.

2-й батальон, в состав которого входили карелы и русские, был весьма боеспособным соединением. 61% личного состава представляли лица в возрасте от 18 до 30 лет, 35% – люди от 31 до 45 лет. Самому молодому бойцу было 16, а самому старшему – 46 лет. Свыше 70% солдат имели опыт боевых действий (в Первой мировой войне) либо служили в царской армии. Роты имели, как правило, двух командиров – финского и карельского (русского). Например, 6-й ротой командовали Киркканен и А. Т. Артемьев¹⁹.

Из всех трех батальонов Полка лесных партизан 2-й был лучше всего укомплектован офицерами, которых насчитывалось 32. Командир батальона и еще 13 человек были финнами, остальные – карелами. Все офицеры служили в русской или финской армии²⁰. В 1-м и 3-м батальонах офицеры составляли соответственно 27 и 20 чел., большинство из которых были карелами²¹.

Входившие в состав 2-го батальона резервные роты и комендантские команды не представляли собой реальной военной силы. Резервная рота, состоявшая из карелов, финнов и русских, была лишь на 65% укомплектована винтовками. Только 18% личного состава имели опыт боевых действий (в основном в качестве добровольцев в Эстонии, некоторые участвовали в

Олонецком походе и гражданской войне в Финляндии). И это несмотря на то, что 75% находились в возрасте от 18 до 30 лет²².

Еще менее боеспособную силу представляли комендантские команды. Отряд села Панозера, составленный из местных жителей и беженцев, имел 15 винтовок на 37 чел., из которых никто не имел опыта боевых действий. Более того, 32% еще не исполнилось 18 лет, 40% находились в возрасте 31–45 лет, а остальные были еще старше. Самому молодому участнику отряда было 13 лет, а самому старому – 62 года²³.

По своему составу и вооружению комендантские команды напоминали шюцкор, который создавался в 1919 г. в южной Карелии во время Олонецкого похода. Однако опыт создания шюцкора, эффективность которого была крайне низкой, не был учтен финнами.

В состав Карельского полка лесных партизан входили также 1-й и 3-й батальоны, структура которых была идентична 2-му: 4 роты, штаб, пулеметная команда и отдельный лыжный отряд. Численность 1-го батальона превышала 400 чел., а 3-го – достигала 300²⁴. Кроме того, в состав Полка лесных партизан был включен отдельный лыжный батальон под названием «Зимняя ночь». Батальон под командованием лейтенанта Паю состоял из четырех мобильных лыжных отрядов по 15, 5, 24 и 19 человек. Еще 2 отряда, численность которых неизвестна, оставались в резерве²⁵. В задачи батальона входило препятствовать отступлению противника и прерывать его коммуникации. Таким образом, общая численность Полка лесных партизан достигала 1300 чел.

Третьим крупным соединением являлся Ребольский батальон, действовавший в Ребольской и Поросозерской волостях. Первоначально командиром батальона был назначен егерский капитан Г. Свинхувуд (он же Кархуваара), которого сменил майор П. Талвела (он же Уйнонен)²⁶.

Батальон, численность которого достигала 450 чел., на 53% состоял из карелов и русских, остальные были финнами. Большую часть карелов составляли выходцы из Ребол, также были представлены Ругозерская и Тивдийская волости. Батальон формировался по национальному признаку: изначально существовало разделение на карелов и финнов²⁷, однако впоследствии батальон был разбит на три роты, которые включали в себя представителей различных национальностей²⁸.

90% карелов и русских представляли возрастную категорию от 18 до 30 лет, 8% относились к старшим возрастам. Средний возраст финских добровольцев был меньше – 13,5% не достигли 18 лет (самому молодому бойцу было 14 лет), а лица от 18 до 30 составляли чуть более 80%. Более 90% личного состава имели опыт боевых действий: для русских и карелов это, как правило, Первая мировая война, а для финнов – гражданская

война или Олонецкий поход 1919 г. Более того, около 20% финнов Ребольского батальона имели военное образование, окончив военную школу либо курсы²⁹.

Таким образом, на декабрь – январь 1921–1922 гг. общая численность Освободительной Армии достигала 2700 чел. В действительности, цифра повстанцев была несколько больше, поскольку оказались неучтенными отдельные лыжные диверсионные отряды. В частности, в декабре было организовано три таких отряда (один финский и два карельских) для взрыва мостов в Карелии – в Лодейном Поле, Суне и Ладве. Впрочем, все три группы вернулись, не выполнив задание³⁰. Кроме того, не всегда подлежали учету беженцы и финские добровольцы, пополнявшие ряды восставших (все безоружные, но годные к военной службе люди отправлялись в Ухту)³¹. Тем самым цифра в 3 тыс. чел., из которых около 500 составляли финские добровольцы, приводимая в современных исследованиях отечественных и зарубежных авторов, является наиболее точной³².

Восставшие были вооружены русскими и японскими винтовками, кроме того, имелись отдельные пулеметные команды. Силы повстанцев были укреплены финскими егерями, участвовавшими в прежних походах в Карелию. Всего к восстанию присоединились 28 егерей, которые заняли руководящие должности в отрядах: егерский майор П. Талвела возглавил восстание на заключительном этапе, фельдфебель В. Хейккинен командовал полком, ротмистр Г. Свинхувуд, лейтенант Т. Тенхунен и фельдфебель А. Исотало командовали батальонами³³. Тем не менее отряды испытывали острую нехватку квалифицированных офицеров. Существовали также и трудности с вооружением. Приказы начальника штаба Беломорского участка фронта требовали собирать все пустые гильзы и отправлять лишнее оружие в штаб³⁴.

Командование силами восставших осуществлялось как на русском, так и на финском языке, повстанцы имели нарукавные повязки с надписью «Карьяла». В декабре 1921 г. было утверждено знамя Полка лесных партизан, которое состояло из «зеленого полотна, на середине которого находился черный крест с красными краями, и на каждой четверти полотна был изображен черный медведь, гордо держащий оружие»³⁵.

На начальном этапе восстания фронт был разделен на три части. Олонецким участком фронта командовал майор Талвела, Ребольским – капитан Свинхувуд, а Беломорским – майор Моттонен. Превосходство повстанцев в начале восстания объяснялось численным преимуществом, использованием лыжных отрядов в условиях бездорожья и хорошим знанием местности.

В то же время восстание было обречено на поражение по целому ряду причин. Официально Финляндия осталась в стороне от восстания и не оказала необходимой помощи, а обращение Финляндии в Лигу Наций по карельскому

вопросу не было удовлетворено. Численность группировки частей Красной армии в Карелии к завершению восстания превышала 30 тыс. чел.³⁶ Таким образом, было достигнуто десятикратное преимущество в численности. Наконец, решающую роль в поражении карело-финских добровольцев сыграл лыжный рейд отряда Т. Антикайнена.

Судьба солдат Освободительной Армии после отступления на территорию Финляндии была различной. Вместе с добровольцами Карелию покинуло большое количество гражданского населения: члены их семей, сочувствовавшие повстанцам. Исследователи оценивают число беженцев в 11–12 тыс. чел., которые покинули КТК, опасаясь преследования по политическим мотивам, или были уведены насильно³⁷. В мемуарах майора Талвела приводятся данные о 15 тыс. беженцев³⁸. В докладе Политического отдела МИДа Финляндии говорится об 11 239 беженцах, которые располагались тремя большими группами: в Оулу и Куусамо находилось 3640 чел., в Каяни, Суомусалми и Кухмониemi – 4884 чел., в Йозенсуу и Нурмексе – 2715. Кроме того, по мнению Политического отдела, общее число беженцев достигало 13 тыс. чел. вместе с мелкими и неучтенными группами³⁹.

Часть беженцев была отправлена в военную школу в Халла и Мюрюсальми, а затем в Лапуа. Среди остальных проводилась просветительская работа, а для детей были организованы специальные школы⁴⁰. Впоследствии часть беженцев вернулись в Карелию, чему способствовала объявленная амнистия. Ее сила не распространялась на «участников расстрелов и идейных вдохновителей их», остальные возвратившиеся беженцы получали от государства материальную помощь и хозяйственную ссуду. Беженцы, возвращавшиеся официально, проходили «филтрацию», т. е. подвергались допросу и брались на учет ГПУ. Часть беженцев были признаны активистами и полуактивистами и подверглись арестам. В общей сложности в ходе и после восстания было арестовано 1165 чел. по обвинениям в «бандитизме и шпионаже». Из них в амнистии было отказано 397 чел., как активным участникам восстания⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гардин Е. С. Разгром белофинской авантюры (1921–1922 гг.). Петрозаводск, 1947; Седякин А. И. Ликвидация белофинской авантюры в Карелии // Красный страж. 1937. № 2. С. 5–9; Хесин С. С. Разгром белофинской авантюры в 1921–1922 гг. М., 1949.

² Гусев К. В. К истории карельского мятежа (По материалам комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–84; Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999; Фатуева Н. В. Противостояние: кризис власти – трагедия народа. Рязань, 1996. С. 94, 102.

³ Барышников В. Н. От прохладного мира к Зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. СПб., 1997; Уткин Н. И. Россия – Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003.

⁴ Immonen K. Ryssästä saa puhua. Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Helsinki, 1987. S. 315, 331. Более подробно об этом см. также: Осипов А. Ю. Термин «племенные войны» в финской историографии // Политическая история и историография (от античности до современности): Сб. науч. ст. Вып. IV. Петрозаводск, 2007. С. 144–148.

⁵ Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa 1917–1922. Porvoo, 1970; Nygård T. Suur-Suomi vai lähidemolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Keuruu, 1978; Jääskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyhteydet Suomen ulkopolitiikassa vuosina 1918–1920. Helsinki, 1961.

⁶ Осипов А. Ю. «Карельская авантюра» или восстание // XV конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Ч. I. М., 2004. С. 55–56; Он же. О новой периодизации гражданской войны в Карелии // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации. Материалы науч. конф., посвящ. 10-летию РГНФ. Т. 1. Петрозаводск, 2004. С. 153–155.

⁷ Килин Ю. М. Указ. соч.; Соколов-Страхов К. И. Зимняя кампания в Карелии в 1921/22 гг. М., 1927.

⁸ Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918–1922 гг. Сборник документов. Петрозаводск, 1944. С. 119, 120; Хесин С. С. Указ. соч. С. 42.

⁹ Lackman M. Punasissit suksilla. Punaisten sissitaktiikka Neuvosto-Karjalan kapinan kukistamisessa. 1921–1922 // Sotahistoriallinen aikakauskirja. Helsinki, 1998. № 17. S. 84.

¹⁰ НА РК (Национальный архив Республики Карелия), ф. 549, оп. 1, д. 5/57, л. 19, 20; д. 6/64, л. 201.

¹¹ НА РК, там же, д. 7/77, л. 2.

¹² Подсчитано по: КА (Kansallisarkisto), Karjalan kansannousun arkisto, kansio 14, taistelu-kertomukset, Vienan rykmentti.

¹³ Соколов-Страхов К. И. Указ. соч. С. 52; Хесин С. С. Указ. соч. С. 62.

¹⁴ Подсчитано по: КА, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 14, taistelu-kertomukset, Vienan rykmentti.

¹⁵ КА, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 9, Vienan lohkon päällikön määräys Metsäsissirykmentin komentajall, 04.01.1922.

¹⁶ Соколов-Страхов К. И. Указ. соч. С. 53.

¹⁷ Подсчитано по: КА, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 4, kahtikirja, 18.01.1922.

¹⁸ КА, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 3, 2-n pataljoonan 7-n komppanian luettelo; 2-n pataljoonan 8-n komppanian luettelo, 20.12.1921; kansio 2, Metsäsissirykmentin päällikön päiväkäsky 2-n pataljoonan päällikölle № 5, 20.12.1921.

¹⁹ Подсчитано по: КА, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 3, 2-n pataljoonan 7-n komppanian luettelo, 20.12.1921; 2-n pataljoonan 8-n komppanian luettelo, 20.12.1921; kansio 2, 2-n pataljoonan 6-n komppanian luettelo, 20.12.1921.

²⁰ KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 4, 2-n pataljoonan upseeriston luettelo.

²¹ KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 7, Metsäsissirykmentin upseeriston luettelo. 21.01.1921.

²² Подсчитано по: KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 4, 2-n pataljoonan reservikomppanian luettelo, 04.01.1922.

²³ Подсчитано по: KA, Karjalan kansannousun arkisto, Ibid. Список комендантской команды с. Панозера, 18.01.1922.

²⁴ Подсчитано по: KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 5, Суточные сведения по 1-му батальону, 22.01.1922; Именной список солдат 2-й роты 1-го батальона; Kansio 4, Päiväilmoitus. 16–17.01.1921.

²⁵ KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 11, Pataljoonan käsky № 1. 14.12.1921.

²⁶ Niinistö J. Heimosotien historia. 1918-1922. Helsinki, 2005. S. 248. Подробнее об этом см. также: Осипов А. Ю. Вяйнмейнен и Илмаринен против Красной Армии // *Literarus*. 2007. № 3. С. 16–19.

²⁷ Подсчитано по: KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 1.

²⁸ KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 11, Repolan pataljoonan vahvuusilmoitus, 28.12.1921.

²⁹ Подсчитано по: KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 1, Luettelo Repolan pataljoonan karjalaisesta miehistöstä; Luettelo Repolan pataljoonan suomalaisesta miehistöstä.

³⁰ KA, R. Holstin kokoelma, Ulkoasiainministerion tiedoituksia, 20.12.1921.

³¹ KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 9, Pohjoisen rintaman komentajan päiväkäsky Vienan rykmentin komentajalle, 23.01.1921.

³² Килин Ю. М. Указ. соч. С. 55; Lackman M. Op. cit. S. 89.

³³ Lauerma M. Kuninkaallinen preussin jääkäripataljoona 27. Vaiheet ja vaikutus. Porvoo, 1966. S. 931.

³⁴ Lackman M. Op. cit. S. 89; KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 15, Vienan lohkon esikunnan päiväkäsky № 4, 13.12.1921; Vienan lohkon esikunnan päiväkäsky № 14, 29.12.1921; Vienan lohkon esikunnan päiväkäsky № 1, 02.01.1922.

³⁵ KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 2, Karjalan metsäsissirykmentin komentajan päiväkäsky № 4, 16.12.1921.

³⁶ Соколов-Страхов К. И. Указ. соч. С. 69; UMA (Ulkoasiainministerion arkisto), 11, A 3, 4 d, Pääesikunnan ilmoitus Ulkoasiainministeriöön, 03.12.1921; 11, A 3, 4 e, Pääesikunnan ilmoitus Ulkoasiainministeriöön, 23.01.1922.

³⁷ Килин Ю. М. Указ. соч. С. 66; Соколов-Страхов К. И. Указ. соч. С. 108; Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset. 1917–1922. Jyväskylä, 1980. S. 65.

³⁸ Talvela P. Sotilaan elämä. Jyväskylä, 1976. S. 50.

³⁹ KA, R. Holstin kokoelma, kansio 24, Ulkoasiainministeriön Poliittisen Osaston tiedoituksia, 21.04.1922.

⁴⁰ Niinistö J. Op. cit. S. 262; KA, Karjalan kansannousun arkisto, kansio 12, Talvelan käsky, 05.06.1922; Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset... S. 104, 105.

⁴¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 445; Килин Ю. М. Указ. соч. С. 69; НА РК, ф. 549, оп. 1, д. 7/78, л. 181–193.

А. Б. Изотов
*Карельский институт,
Университет Йозенсуу, Финляндия*

Повседневная жизнь пограничного города: послевоенная Сортавала*

На протяжении веков регион Северного Приладожья был ареной столкновения геополитических интересов. На этой территории происходил этногенез карельского народа. Примерно в XIII–XIV вв. новгородцы основали здесь погост, а позднее она была в сфере влияния то Шведской, то Российской империи. На короткий срок после 1917 г. город получил динамичное развитие как территория независимого Финляндского государства. Один из самых драматических периодов в истории Сортавалы начинается во время Зимней войны 1939 г. Он длился почти до конца Второй мировой войны, и на его протяжении финское население дважды полностью покидало регион и уходило в Финляндию. В конце концов территория отошла к Советскому Союзу, и с 1944 г. она планомерно заселялась мигрантами из внутренних районов страны и бывших советских республик. Для их потомков Сортавала стала родиной. В послевоенный период сортавальский район становится закрытой пограничной зоной. С конца 1980-х граница открывается сначала для иностранных туристов, а позднее и для российских граждан. В данной статье предпринята попытка рассмотрения повседневной истории города в послевоенный период.

1. Особенности формирования местной идентичности

Сортавала, как и в целом Северное Приладожье, на изучаемом историческом этапе представляла собой типичный периферийный пограничный район. В то же время город являлся уникальным для Советской Карелии и в определенной степени для всей страны местом. Несмотря на разрушения в ходе войны, городская среда во многом сохранила облик

* Статья подготовлена при поддержке Академии наук Финляндии в рамках проекта «Роль трансграничного взаимодействия в переустройстве северо-запада России как экономического, социального и политического пространства» («Reconstitution of North-West Russia as an economic, social and political space: The role of cross-border interaction»).

динамично развивающегося финского города 1930-х гг. В сочетании с редкой по красоте природой архитектура, созданная выдающимися финскими зодчими, не могла не оказать воздействия на характер восприятия первым поколением мигрантов окружающей среды. Вместе с тем, поскольку многими современными учеными идентичность понимается как результат социальной деятельности, формирование местной идентичности нами рассматривается как результат политики. Безусловно, в советский период местная политическая элита транслировала задачи общенациональных идентификационных проектов. Однако не менее важно выявить специфику их артикуляции на местном уровне, а также особенности локальных факторов конструирования идентичности.

Понимание советской идентичности в целом важно в процессе концептуализации её локальных вариантов. В то же время внутри советского дискурса мы видим существенные различия, связанные с историческими периодами, такими как тоталитарный режим Сталина, либерализация советской системы при Хрущеве, брежневская стагнация. Впрочем, как на повседневной жизни, так и на основных составляющих элементах дискурса о границе это практически не отразилось. Менялась лишь степень открытости информации. Если в 1940–1950-е гг. местная сортавальская газета вовсе не обнаруживала того, что она издается на приграничной территории, то в период с конца 1950-х и до середины 1980-х гг. «Красное Знамя» в той или иной степени отражает факт существования государственной границы и ее влияния на местную жизнь.

Некоторые существенные характеристики советского дискурса проанализированы Олегом Хархординим¹. В частности, он подчеркивает традиционное для России в целом подчиненное положение личности по отношению к государству и коллективу. Анализируя особенности этих отношений в советский период, исследователь отмечает различные формы контроля политической элиты над массами. Теоретические подходы к пониманию коллектива в советской социологии, указывает автор, обязательно предполагали включенность любой группы людей в более широкие социальные связи. Коллективы были призваны служить интересам общества, артикулированным свыше². Совпадение интересов социалистического коллектива и общества обосновывалось наличием общественной собственности. В рамках такого подхода участие самих рядовых граждан на общественных началах в выполнении некоторых функций государства считалось естественным.

Так, в хрущевский период предполагалось, что постепенно общественные организации, такие как добровольные народные дружины (ДНД), заменят собой государственные³. На деятельности ДНД в условиях закрытой приграничной зоны мы остановимся в этой статье далее.

Другой исследователь, Сергей Медведев, интерпретирует советский дискурс как феномен, базирующийся на власти символов⁴. Его постмодернистский подход особенно полезен при оценке роли границы в советской официальной риторике, потому что символика защиты рубежей – одна из самых выразительных. В советском политическом дискурсе, отражавшемся в массмедийной пропаганде, искусстве и общественном сознании, государственная граница приобретает сакральное значение. Это была граница социалистического Отечества, противостоящего капитализму. Граница защищала «священные рубежи Родины»⁵.

Как официальная, так и неформальная культура СССР отражала эту символическую роль государственной границы. Так, в популярной песне «Катюша» любовь молодых людей друг к другу освящается святостью любви к Родине («пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбережет» – М. Исаковский, 1938). Сходные мотивы можно найти в стихотворении «Письмо» финноязычного поэта из Сортавалы Илмари Сааринена⁶. На это же обращает внимание Ирина Сандомарская, проанализировавшая маскулинность советского военного дискурса о Родине. Она ссылается на слова солдатских песен более позднего периода, в которых воина в родном краю обычно ждет «далекая любимая», что «для солдата главное». Автор отмечает обязательную моральную выдержанность героя подобных текстов, которая объясняется осознанием ответственности защиты священных границ Родины, интересы которой выше личных душевных порывов и узких семейных интересов⁷. Как отмечает Гасан Гусейнов, концепция границы основана на некоем взаимоуравновешивании чувства защищенности и страха⁸.

Официальная риторика, фразеология, лозунги и т. д. сформировали «новояз». Так некоторые ученые назвали советский официальный язык, следуя термину Джорджа Оруэлла *new speak*⁹. Эта традиция породила такие устойчивые идиоматические выражения, как «нерушимые границы». Некоторые клише из официального языка перешли в повседневную речь, а другие иронически обыгрывались в произведениях альтернативной культуры, особенно в песнях. Например, Булат Окуджава использовал идеологическое клише «граница на замке» в одной из своих песен¹⁰.

2. На страже завоеваний

В отличие от жителя Москвы, персонажа песни Булата Окуджавы, который в авторском воображении «ходит вдоль границы на замке», жители Сортавалы практически не имели шансов это делать. Сортавальский район был закрытым как в прямом, так и в переносном смысле.

В советский период были установлены тесные связи пограничного отряда и общеобразовательных школ. Офицеры-пограничники часто выступали в классах перед школьниками, информируя их о задачах жителей приграничного района по защите границы. Обращалось внимание на то, как учащиеся могут помогать в этом деле пограничникам. Уже в 1946–1947 гг. пограничники стали осуществлять шефство над школами¹¹.

Одновременно коллективы местных предприятий и организаций привлекались к помощи погранвойскам. Роль ДНД в общегосударственном масштабе проанализирована в уже упоминавшемся исследовании Олега Хархордина¹². В пограничном районе они выполняли дополнительную работу по охране границы. Особенно важное значение эта функция ДНД приобретала в прилегающих к границе районах. Так, в отчете дружины г. Питкяранты за 1963 г. говорилось о том, что при содействии милиции дружинники стали обращать внимание на соблюдение паспортно-пограничного режима и охрану государственной границы. Отмечалось, что группой дружинников с завода «Питкяранта» задержано и доставлено в органы милиции 36 нарушителей паспортно-пограничного режима. За активное участие в мероприятиях по охране границы и поддержанию общественного порядка в июне 1963 г. исполком горсовета наградил 7 дружинников почетной грамотой¹³. ДНД поселка Ляскеля, состоявшая из 105 человек, организовала дежурство по проверке документов пассажиров автобусов и поездов¹⁴.

В новых условиях либерализации режима при Хрущеве в конце 1950 – начале 1960-х гг. в советском официальном дискурсе появилась новая риторика. В частности, при артикуляции задач воспитания масс упор делался на изучение и претворение в жизнь «морального кодекса строителя коммунизма». Политическая элита провозгласила в качестве основной задачи «воспитание человека коммунистического общества». Примерно в этот период в официальных речах и материалах газеты появляется термин «пограничный город». Вот одно из характерных обращений той поры: «Товарищи депутаты! Наш пограничный город борется за звание города высокой производительности труда, образцового порядка и бытовой культуры» (1964)¹⁶.

В 1960 г. письма местных жителей, отражающие их мнение о принятых правительством шагах по сокращению вооруженных сил в Советской армии, были опубликованы в газете «Красное Знамя». Так, один из работников металлургического завода в Вяртсиля в своем письме выразил уверенность, что «наши границы после этих шагов будут защищены»¹⁶.

Новые изменения в советском дискурсе произошли в брежневский период. После попыток либерализации режима наступила эра застоя, которая характеризовалась нежеланием власти менять сложившуюся систему. Тем не менее в 1970-е гг. осуществлялся ряд крупных социально-экономических проектов, таких как строительство БАМа, сопровождавшихся пропагандистской идеологической кампанией. В начале десятилетия было принято специальное решение правительства Российской Федерации по развитию районов, прилегающих к российско-финляндской границе. Совет министров РСФСР принял резолюцию, направленную на развитие территорий Карелии и Ленинградской области, принадлежавших прежде Финляндии. Эта резолюция последовала за такой же резолюцией, принятой Советом министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству населенных пунктов пограничных районов Карельской АССР». Этот документ предусматривал широкие социально-экономические меры по «дальнейшему развитию пограничной территории». Одновременно с развитием местной промышленности предусматривалось строительство и реконструкция учреждений культуры.

Однако претворение этой программы в жизнь столкнулось с трудностями. На заседании исполкома отмечалось: «Согласно резолюции по развитию региона Северного Приладожья, благоустройство этой территории должно быть осуществлено к 1980 году. Фактически мы отстаем. Наши строительные организации не имеют достаточных мощностей для выполнения этих задач. Нам выделены бюджетные средства для этих целей, однако недостаток рабочей силы не позволяет нам осуществить принятые планы»¹⁷.

3. Освоение территории

Как уже указывалось в начале статьи, с 1944 г. начинается заселение окончательно отошедшей к СССР в 1944 г. территории Северного Приладожья мигрантами из других регионов Советского Союза¹⁸. Особенно много было выходцев из Белоруссии. Нередко солдаты, проходившие срочную службу в этом районе, обзаводились семьями и оставались здесь жить.

Многие из этих людей были горожанами первого поколения, выросшими в глухих деревнях, им приходилось осваивать городскую культуру. Среди пожилых людей часто встречались малограмотные, многие имели лишь начальное образование. Надежда Мандельштам видит в проводившемся принципе депортации сознательное подрубание корней и уничтожение внутренних социальных связей. Практика непрерывной вербовки на работу за тридевять земель, по ее мнению,

ускоряла процесс распада и потери личности¹⁹. Судьбы многих переселенцев представляют собой пример распада старой, традиционной культуры и формирование новой – советской.

Те из мигрантов, кто поселился на бывших финских хуторах, не имели навыка и материальных возможностей поддержания домов и хозяйства в первоначальном виде. Этому препятствовала и советская система сельского хозяйства. В наследство району от бывших хозяев достались сотни небольших садов. Они оказались на землях совхозов и колхозов, но за ними никто не ухаживал. Кроме того, на конец 1956 г. в районе насчитывалось около 40 га крупных, занимающих площадь до одного гектара садов и ягодников. По подсчетам специалистов с них ежегодно можно было бы собирать не менее 700–800 тонн яблок, ягод смородины, крыжовника и т. д.²⁰ Сегодня от этого процветавшего некогда хозяйства почти ничего не осталось.

Но, оказывается, подобная заброшенность садоводства и хуторского хозяйства в целом обосновывалась идеологическими установками. Вот как об этом пишет в своих дневниках знаменитая советская писательница Мариэтта Шагинян, побывавшая здесь в 1948 г.: *«...все так же ходят и делают свое дело люди во дворике одинокого коттеджа, промелькнувшего перед вами на опушке леса... Как одиноко тут жить! Кто тут живет? Оказывается, живут тут наши колхозники, волей-неволей используя жилой фонд прежних мелких хозяйчиков, селившихся на расстоянии нескольких километров друг от друга. Очередная задача республики – и задача огромной важности – свезти эти одинокие дома в наши обычные деревни. Колхозники, расселенные так далеко друг от друга, очень страдают от этих просторов... Наши советские крестьяне привыкли к общественному быту, необходимому для личного быта...»²¹.*

Мест, подобных Сортавале, в бывшем СССР было не так много. Кроме Калининграда, это города бывших Прибалтийских республик, на Украине – Львов. Но в некоторых из них местное население продолжало сохранять культурные традиции и историческую память. Сортавала, Выборг и другие населенные пункты, принадлежавшие Финляндии и отошедшие к СССР, уникальны тем, что бывшее население покинуло их в одночасье. С уходом прежних жителей прервалась память, связывающая место с его обитателем. Мигранты не имели корней в этой земле. Зачастую сам Север с его холодом был чужд этим выходцам из более южных регионов. Люди ощущали себя непрошеными гостями. Для них это было «чужое место». Горный ландшафт вызывал психологическое отторжение и даже страх²².

Еще одной особенностью процесса адаптации советских жителей на бывших финских землях было то, что разрушения, связанные с боевыми

действиями, были минимальными. Жилые и хозяйственные постройки, административные сооружения остались в полной сохранности. Однако мигранты часто не знали, как обращаться с доставшейся им инфраструктурой. Она отвечала тогдашним требованиям европейских стандартов, но совсем не вписывалась в привычный уклад жизни переселенцев. Совершенно чуждой была хуторская система расселения. В результате происходило переструктурирование пространства жизнедеятельности: снижалась гомогенность культурного ландшафта, люди постепенно концентрировались в основных населенных пунктах²³.

4. Военный городок

Хотя все населенные пункты, озера, реки и другие природно-географические объекты сохранили свои финские названия, советские мигранты переименовали почти все улицы. Они получили традиционные для СССР имена – Ленина, Кирова, Пушкина и т. д. Наряду с этим некоторые районы получили такие новые названия, как Гидрогородок или Авиагородок. Еще один живописный уголок города стали называть Военным городком. Это русское название одного из городских районов, который финны называют Sortavalan Puikkola, можно было бы распространить на всю Сортавалу. В пограничном городе людей в военной форме можно было встретить повсюду. Кроме пограничных войск, в городе располагалась бригада дивизии. Это дислоцировавшееся в Сортавале войсковое соединение покинуло район в феврале 2001 г.²⁴

В этом «закрытом» городе были свои «закрытые» зоны: территории, на которых располагались воинские части. В здании, похожем на старинный замок, возле Кухавуори находился военный госпиталь (в финское время – городская больница), территория которого тоже была обнесена забором. На территории города находилось стрельбище и собачий питомник. В той же стороне чуть дальше располагался так называемый Гидрогородок, тоже находившийся в ведении армии. Там, в частности, в послевоенные годы дислоцировалось военно-морское училище. Возвращаясь на пассажирском поезде из дальних поездок, горожане торопились к узкому выходу с вокзала в город, где их встречали пограничники с автоматами, проверявшие паспорта. Впрочем, проверка документов начиналась еще по ходу поезда, при подъезде к Сортавале. Сам вокзал был оцеплен вооруженными солдатами с собаками. Попасты в город людям, не проживавшим в нем, можно было лишь по специальным разрешениям. У сортавальцев же в паспортах были соответствующие отметки.

В школах города создавались отряды юных друзей пограничников. Военно-патриотическим воспитанием занимался также клуб юных моряков учебного судна «Пограничник Кайманов». Члены клуба совершали на катере походы по местам боевой славы²⁵. На смену детским играм в войну приходили организованные сверху общесоюзные военно-спортивные игры «Зарница». Обязательным предметом в школе была военная подготовка и гражданская оборона. Некоторые средства массовой информации на Западе сейчас преувеличивают значение этих уроков, утверждая, что занятия военным делом были чуть ли не главным школьным предметом. Это, безусловно, сильное преувеличение. Нередко вместо проведения уроков в школе организовывались экскурсии в воинские части, где школьникам показывали военную технику, знакомили с армейскими буднями.

Спортивная жизнь в советскую эпоху тоже рассматривалась под углом зрения военной подготовки. Ежегодно проводились общегородские соревнования – марафоны, эстафеты и т. д. Работники предприятий сдавали так называемые нормы ГТО (Готов к труду и обороне). Однако ДОСААФ (Добровольное Общество Содействия Армии, Aviации и Флоту), основанное в 1927 г., до сих пор, уже под другим названием, продолжает свою деятельность. Это общество, в частности, подготавливало молодежь к некоторым видам военно-технических специальностей²⁶. Добровольным ДОСААФ было чисто номинально, все граждане поголовно начиная со школьных лет были его членами и платили членские взносы, которые, правда, были тоже символическими.

5. Трансграничное взаимодействие

В 1990-е гг. по сравнению с предыдущими десятилетиями дискурс о границе претерпел существенные изменения. Из «железного занавеса» государственная граница превратилась в «зону взаимодействия». Для жителей Карелии общая граница с Европейским Союзом является важным фактором социально-экономического развития республики.

После либерализации пограничного режима в начале 1990-х гг. началось трансграничное взаимодействие. Оно проходило в разных сферах и на разных уровнях. Это было экономическое сотрудничество предприятий и организаций, повседневные неформальные контакты частных лиц, институциональное взаимодействие муниципальных органов и местных администраций, неофициальные контакты.

Объем статей о жизни на границе и в приграничном районе становится несопоставимым по сравнению с советским периодом. Так, за период с 1998 по 2002 г. в газете «Ладога»²⁷ нами было обнаружено около 60 публикаций,

посвященных деятельности вяртсильской таможни, и более 30 статей, затрагивающих вопросы пограничного режима. Средства массовой информации публикуют статистические данные о работе таможни, освещают проблемы, с которыми сталкивается эта служба, а также отражают различные правонарушения, допускаемые гражданами при пересечении границы. «Ладога» публикует материалы, в которых выражается озабоченность и разные точки зрения местного сообщества на приграничное сотрудничество в области лесозаготовки. Особенно много противоречивых статей появляется о предприятии «Ладэнсо», действующем в Северном Приладожье²⁸.

В газетных публикациях также высказываются мнения жителей Сортавалы о значении приграничного сотрудничества для социально-культурной сферы города. Известно, что 1990-е гг. были тяжелыми для многих рядовых граждан страны: в значительной степени снизилась социальная защищенность, месяцами не выплачивалась зарплата, появилась безработица, ухудшилась криминальная ситуация. В этих условиях предприятия района, работавшие по заказам Финляндии и других Скандинавских стран, оказались способными выстоять и обеспечить определенные социальные гарантии своим работникам. Так, директор Вяртсильского металлургического завода Виктор Камелин подчеркивал, что «только благодаря зарубежным заказчикам мы до сих пор не задерживаем зарплату своим работникам»²⁹.

Вместе с тем социальный эффект от сотрудничества мог бы быть более существенным, если бы не бюрократические препоны. Так, по мнению директора швейного предприятия «Вега Плюс» Сергея Львова, производство продукции по зарубежным заказам могло бы быть расширено на окружающие Сортавалу поселки. В частности, открытие филиала «Веги» в Кааламо могло бы существенно снизить имеющуюся там женскую безработицу. Однако, отметил Львов, реализация этих планов по привлечению финских партнеров к инвестированию проекта сталкивается с препятствиями по вине таможни³⁰.

Большие трудности в первые постсоветские годы переживало здравоохранение. Многие авторы газетных статей выражали благодарность финским организациям и частным лицам за помощь в медицинском обслуживании. Значительная часть этих публикаций приходится на середину 1990-х гг. Особенно отмечалась поддержка, оказываемая соседней коммуной Раякюля. Врач Тапио Хямяляйнен оказывал активную помощь городской больнице, Центру социальной помощи и школе-интернату. В 1995 г. группа финских семей инициировала отдых интернатских детей в Финляндии. В 1994 и 1995 гг. 80 учащихся провели каникулы в этих семьях. Семьи из приграничных районов соседней страны привозили в интернат игрушки, детскую одежду и различное оборудование. В условиях недостаточного

финансирования это значительно облегчало ситуацию в детском учреждении и вызывало благодарность его сотрудников³¹.

Кроме интенсивных связей по линии гуманитарной помощи как учреждениям, так и гражданам Сортавалы, газетный материал отражает активное сотрудничество в решении проблем различных слоев населения (молодежи, женщин и др.) в рамках международных проектов. Интенсивно в этот период организуются совместные спортивные состязания, различные контакты в культурной сфере. Определенное развитие получили также научные связи. Проводились совместные исследования экологического состояния Ладоги. В 1990-е гг. местная газета информирует читателей о поисковой работе, которая позволила обнаружить и перезахоронить воинов, погибших во время Второй мировой войны на территории Северного Приладожья. Эта работа проводилась совместно с финнами и свидетельствовала об обоюдном желании восстановить историческую правду о том тяжелом времени и воздать воинские почести павшим солдатам с обеих сторон. Наконец, в эти годы налаживаются связи профессионалов в самых разных областях – таможенников, пожарников, представителей правоохранительных органов и т. д. В большинстве случаев авторы публикаций позитивно оценивают эти тенденции и видят в них фактор, позволяющий решить многие проблемы приграничного региона.

6. Газетная риторика в новых условиях

В последние годы наметился определенный возврат к патриотической риторике. В контексте местного дискурса о границе в сортавальской прессе эти тенденции тоже находят свое выражение. Наряду с большей по сравнению с эпохой «железного занавеса» открытостью информации, как в артикуляцию вопросов пограничной жизни, так и в повседневную жизнь начинают возвращаться советские традиции. Поднимается вопрос о возрождении шедских связей пограничников с населением и предприятиями, усиливается риторика, направленная на повышение престижа пограничников и пропаганду службы в пограничных войсках. Опыт предыдущего десятилетия позволяет делать определенные выводы о результатах и последствиях приграничного сотрудничества. Этот анализ уже не характеризуется взглядом через «розовые очки». Так, в комментариях представителей «силовых ведомств» часто звучит озабоченность ситуацией, вызванной чрезмерной открытостью приграничной территории. Представители местных органов ФСБ, в частности, склонны видеть в усилении трансграничного взаимодействия и контактов с финскими соседями расширение возможности действия на территории Северного Приладожья секретных служб третьих стран. По их мнению, значи-

тельное увеличение числа зарубежных туристов осложняет работу российских спецслужб в регионе³².

В лексику местной прессы возвращаются устойчивые идиоматические выражения советского дискурса о границе, о котором мы уже упоминали. Вот одна из характерных цитат, взятая нами из статьи журналиста Николая Максимова «Замок для границы»: «Меняется солдатская форма, армия становится другой, меняются шевроны на рукавах и боевая техника, изменилось название страны с СССР на Российскую Федерацию, и сами пограничные войска уже мало напоминают самих себя в 20-х и 40-х, но неизменной остается аксиома о нерушимости границ и необходимости их надежно охранять»³³.

Наряду с воспроизведением советского дискурса о границе появляются новые образы и стереотипы границы в общественном сознании, связанные с ее большей открытостью. Если во времена «железного занавеса» граница отождествлялась исключительно с государственной границей, то теперь создаются условия для более расширительного толкования. Это влияет на самоидентификацию местного сообщества. Наряду с лучшим знанием жизни заграничных соседей, взаимным обменом опыта, приходит осознание жителями приграничного Северного Приладожья того, что от них зависит повседневная жизнь на этой территории. Газета «Ладога» освещала целый ряд случаев, когда жители региона отстаивали свои интересы – в сфере бизнеса, защиты окружающей среды, культуры и т. д. Это свидетельствует о гораздо более интенсивном процессе формирования местной идентичности по сравнению с советским периодом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press, 1999.

² *Ibid.* P. 88–89.

³ Эта и некоторые подобные формы работы добровольных общественных организаций, считавшиеся изжитым наследием советских времен в 1990-е гг., вновь реанимируются уже в рамках иной идеологической концепции в современной России.

⁴ Медведев С. СССР: деконструкция текста (К 77-летию советского дискурса) // *Иное. Хрестоматия нового российского самосознания* / Ред.-сост. С. Б. Бобышов. М.: Аргус, 1996; <http://www.russ.ru/antolog/inoe/medved.htm> (1994).

⁵ Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Ред. В. А. Колосов. М., 2003.

⁶ Красное знамя. 1960. 8 марта.

⁷ Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик // *Wiener Slawistischer Almanach*. Wien, 2001.

⁸ Gusseinov G. Our Motherland's or "the Border is under Lock and Key": Metamorphoses of an Ideologem // Кочующие границы. Сб. ст. по материалам международного семинара (Нарва, 13–15.11.1998) / Ред. О. Бредникова и В. Воронков. СПб., 1999.

⁹ Земская Е. А. Новояз, new speak, nowomowa... Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

¹⁰ Бойко С. «Новояз» в поэзии Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого // Веб-сайт www.visotsky.ru.

¹¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 2203, оп. 1, д. 2/57, л. 7.

¹² Kharakhordin O. Op. cit. P. 285–286.

¹³ НА РК, ф. 2203, оп. 1, д. 38/935, л. 71.

¹⁴ Там же, л. 29.

¹⁵ НА РК, ф. 2203, оп. 1, д. 44/1005, л. 48.

¹⁶ Красное Знамя. 1960. 19 января.

¹⁷ НА РК, ф. 2203, оп. 1, д. 78/1347, л. 37.

¹⁸ История Карелии в документах и материалах. Петрозаводск: Карелия, 1992. С. 292–293; Antti Laine. Where East meets West: The last stand of Finns and Karelians in contemporary Karelia? // Nationalities Papers. 2001. Vol. 29. No. 1. P. 56–57.

¹⁹ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 2001. С. 253.

²⁰ Красное знамя. 1957. 27 августа.

²¹ Шагинян М. Карело-финский дневник. Северный берег Ладоги. Петрозаводск, июнь 1948 // heninen.net/pitkaranta/1948/

²² Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка // *Studia Ethnologica*. Вып. 2. СПб., 2005.

²³ Недавно изданный сборник воспоминаний «Граница и люди» – результат совместного российско-финляндского проекта – содержит ценные устные свидетельства переселенцев г. Лахденпохья (территория сортавальского района) 1940–1950-х гг. Это важная информация, характеризующая само переселенческое сообщество и отношение его к новому месту жительства, финнам, их культуре. Аналитические статьи, посвященные интерпретации этих материалов, изданы в сборнике "Moving in the USSR" (Moving in the USSR: Western anomalies and Northern wilderness / Ed. P. Hakamies. Helsinki: Finnish Literature Society, 2005).

²⁴ Ладога. 2001. 2 марта.

²⁵ Красное знамя. 1979. 18 августа.

²⁶ Красное знамя. 1957. 25 января.

²⁷ В 1990-е гг. прежнее название газеты «Красное знамя» было изменено и стало созвучно довоенному финскому изданию «Laatokka».

²⁸ Ср.: Ладога. 2000. 22 сентября и Ладога. 2000, 10 ноября.

²⁹ Ладога. 1995. 29 марта.

³⁰ Ладога. 2002. 7 июня.

³¹ Ладога. 1995. 23 августа.

³² Ладога. 2000. 5 мая.

³³ Ладога. 2005. 27 мая.

Л. И. Вавулинская
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

**Побратимские связи городов СССР и Финляндии
в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых
форм сотрудничества на региональном уровне
(на примере Петрозаводска и Варкауса)***

В современных условиях возрастает значение североевропейского направления внешней политики России. Не случайно одной из главных задач внешнеполитической концепции Российской Федерации является формирование пояса добрососедства по периметру российских границ, что имеет непосредственное отношение к развитию региональной и субрегиональной интеграции России и Финляндии. Карелия, как российский приграничный регион, осуществляет разноплановое международное сотрудничество. В 1993 г. она вошла в состав Регионального Совета Баренцева Евро-Арктического Региона. Новой формой регионального приграничного сотрудничества стал официально оформившийся в 2000 г. «Еврорегион „Карелия“», объединивший Республику Карелия, финляндские региональные союзы Северной Остерботнии, Кайнуу и Северной Карелии. Особым направлением международного сотрудничества является продвижение инициативы «Северного измерения». В его рамках Карелия и Восточная Финляндия осуществляют совместное пространственное планирование сопредельных территорий, обустривают Северный транспортный коридор.

Активизации всесторонних связей между Карелией и Финляндией в сфере экономики, культуры, образования, обмена информацией способствуют географическое расположение, сходные климатические условия, большая протяженность совместной границы, общность истории, близость языков финно-угорских народов, населяющих Север России и Финляндию. В связи с этим особый интерес представляет изучение опыта, накопленного в результате осуществления побратимских связей между Петрозаводском и Варкаусом в 1960–1970-е гг., когда закладывались основы новых форм сотрудничества на региональном уровне.

* Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века»).

После окончания Второй мировой войны стремление к миру стало трансформироваться в попытки налаживания конструктивного диалога. Учрежденное в октябре 1944 г. общество «Финляндия – Советский Союз» уже через год насчитывало 700 отделений, а количество членов достигло 170 тыс.¹ В 1948 г. между двумя странами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, на основе которого между СССР и Финляндией заключено более 100 договоров и соглашений по различным вопросам взаимоотношений и сотрудничества обоих государств². В 1955 г. состоялся первый в истории межгосударственных отношений обеих стран официальный визит президента Финляндской Республики в Советский Союз.

Последовательное проведение политики «доброй воли», нового внешнеполитического курса, известного под названием «линии Паасикиви-Кекконена», способствовало снижению степени конфронтации, разрядке международной напряженности, обогащению содержания международного развития на Европейском Севере. На фоне этих мирных настроений развивалась тенденция межгородского сотрудничества. В начале 1950-х гг. в соответствии с решением Всемирного конгресса представителей городов различных стран началось движение под названием «Породненные города». Между собой сотрудничали города Германии и Франции, Англии и Германии, пострадавшие во время Второй мировой войны. Вскоре к этому движению присоединился Советский Союз. Побратимские связи обозначили зарождение новых форм отношений, осуществлявшихся не только на официальном, но и на местном, региональном, личном уровнях. Именно в 1950-е гг. началась история побратимских отношений городов Финляндии и Советского Союза, когда такие связи, представлявшие по существу прорыв в советско-финских отношениях, объединили города Лахти и Запорожье, Турку и Ленинград.

В середине 1950-х гг. завязалась переписка между молодежью Петрозаводской слюдяной фабрики и Варкаусским территориальным комитетом Демократического союза молодежи Финляндии. «Мы с глубоким удовлетворением восприняли возможность завязать взаимную дружескую переписку с нашими соседями, молодежью Финляндии, и, в частности, с вами, дорогие юноши и девушки Варкаусского района», – написали в письме работницы фабрики. Они рассказали о своей работе, о подготовке к шестому Всемирному фестивалю молодежи и студентов в г. Москве. В ответном письме молодежь Варкауса поделилась своими проблемами и выразила желание продолжить переписку³.

В конце 1962 г. организуется Карельское отделение общества «СССР – Финляндия», которое возглавил председатель Союза писателей республики

Антти Тимонен. С образованием общества расширилось издание книг финляндских писателей в Карелии. Карельское издательство и журнал «Север» регулярно знакомили читателей с произведениями финских писателей Мартти Ларни, Вяйне Линна, Пенгги Хаанпяя, впервые вышедших на русском языке в Карелии. На сценах Карелии ставились спектакли финских драматургов М. Лассила, А. Киви, М. Кант, Т. Паккала, Х. Вуолийоки. По мотивам народного эпоса «Калевала» было осуществлено совместное производство кинофильма «Сампо». В 1965 г. 5 тыс. подписчиков в Финляндии получали из Карелии журнал «Пуналиппу»⁴.

В июне 1964 г. в СССР создается Ассоциация по связям советских и зарубежных городов. Дружественные контакты городов разных стран дополнили и расширили существующие между ними официальные связи. Они способствовали взаимному обмену опытом ведения городского хозяйства, расширили возможности взаимовыгодного сотрудничества.

В 1965 г. во время неофициального визита Президента Урхо Кекконена в СССР по предложению Советского правительства принимается соглашение о породнении 50 советских и финских городов. Были разсланы письма в несколько городов Финляндии, но решение о побратимстве с Петрозаводском принял лишь муниципалитет города Варкауса – одного из наиболее промышленно развитых муниципалитетов Восточной Финляндии. Зарождение побратимских отношений последовало вслед за письмом исполкома Петрозаводского горсовета от 3 мая 1965 г. в адрес властей Варкауса с предложением об установлении дружеских связей. Предложение получило в Варкаусе положительный отклик, и 18 августа 1965 г. было заключено соглашение между двумя городами, но официальный Договор о побратимских отношениях подписан 10 лет спустя, 13 августа 1975 г. Несмотря на это, Варкаус считается первым побратимом Петрозаводска и потому занимает особое место в истории развития международных связей столицы Республики Карелия.

Карельский поэт Николай Лайне, посетивший Варкаус в составе петрозаводской делегации в 1967 г., поделился своими впечатлениями о поездке на страницах журнала «Север». Он писал: «В настоящее время Варкаус является едва ли не одним из наиболее развитых промышленных центров на финляндском полуострове. Фабричное оборудование с клеймом „Варкаус“ поступало и к нам, в Советский Союз, в частности, в Архангельск. В перспективе – новые поставки, в том числе для заводов Сегежи. И все же кто-нибудь может спросить: почему городом нашей дружбы был избран именно Варкаус?»

Несмотря на свой сравнительно юный возраст, – Варкаус получил статус города лишь пять лет назад, – он во многом напоминает наш Петрозаводск.

Оба города находятся на одной географической широте и климатические условия в них одинаковые. Мы уехали из Петрозаводска при слякоти и мокром снеге, приехали в Варкаус – такая же картина... У нас жилые кварталы раскинулись вокруг Онежского тракторного, у них – вокруг заводского комплекса А. Альстрема. Оба города переживают дни большого индустриального подъема»⁵.

Проект Петрозаводск – Варкаус сразу начал бурно развиваться и считался эталонным на союзном уровне. На первом этапе отношений шел в основном обмен официальными делегациями. В 1966 г. по поручению отделения общества «Финляндия – СССР» в г. Варкаусе был разработан меморандум о возможных формах побратимского сотрудничества и перспективах деятельности на будущее, получивший одобрение в Петрозаводске. Речь, в первую очередь, шла о расширении просветительной деятельности с целью распространения сведений о городах-побратимах. Предусматривались организация лекций и докладов, обмен информационными материалами, документальными фильмами и т. д. Вторым важным направлением было выделено развитие туризма как одной из форм просветительной работы. Третье направление – изучение языка с помощью телевидения, организации уроков в училищах и кружках. Предусматривались также организация цикла лекций о Петрозаводске, регулярное проведение Дней дружбы городов-побратимов, художественных выставок, различных семинаров, спортивных соревнований между городами, обмен отраслевыми делегациями, группами артистов, творческих коллективов, расширение прямых контактов между предприятиями. С финской стороны было высказано пожелание о том, чтобы граждане в частном порядке приглашали либо по одиночке, либо с семьей своих коллег по профессии в гости на определенный срок, беря при этом на себя связанные с визитом расходы⁶. Следует сказать, что постепенно все эти планы воплощались в жизнь.

Во второй половине 1960-х – 1980-е гг. «в СССР постепенно рушились преграды в области международного общения, происходило неофициальное налаживание контактов советских граждан с иностранцами, создавалась атмосфера доверия, возрастала численность неформальных общественных организаций. Другими словами, возникали элементы гражданского общества. Это, а также появление альтернативных источников информации о западном мире привели к постепенной эрозии устоявшихся внешнеполитических стереотипов»⁷.

Расширялись контакты между молодежными, женскими, профсоюзными организациями, учебными заведениями, творческими коллективами. Сотни петрозаводчан и жителей Варкауса побывали друг у друга в

гостях. В 1969 г. Варкаус посетила первая молодежная организация из Петрозаводска. В ходе состоявшихся бесед представители молодежи Варкауса рассказали о работе молодежной комиссии, о проблемах молодежного движения. Они интересовались деятельностью комсомольских организаций Петрозаводска, участием молодежи в общественной жизни. Тогда же впервые по плану дружеских связей в пионерском лагере Онежского тракторного завода в Лососинном отдыхала группа школьников из Варкауса.

В постановлении комиссии Верховного Совета Российской Федерации по иностранным делам (1969 г.) среди городов, областей и краев России, установивших постоянные контакты с зарубежными городами, был особо отмечен наряду с Москвой, Ленинградом и Хабаровском опыт Петрозаводска и Варкауса⁸.

В то же время побратимство в этот период являлось, в первую очередь, элементом внешней политики Советского Союза, и отношения между городами носили политико-культурный характер. Серьезным препятствием для расширения контактов на уровне различных делегаций служила ограниченность бюджетов городских органов власти.

23 сентября 1966 г. Комиссия Президиума Совета Министров РСФСР по текущим делам рассмотрела вопрос о сокращении расходов в иностранной валюте на временные командировки за границу, в частности, по линии культурного сотрудничества с зарубежными странами, включая связи породненных городов. Было предложено в каждом отдельном случае при подготовке предложений о командировании за границу исходить из целесообразности поездок, сокращения состава делегаций и срока их пребывания за границей, а также ограничения расходов в иностранной валюте на возложение венков, устройство приемов от имени делегаций и др. Министерство иностранных дел РСФСР было обязано впредь информировать Совет Министров РСФСР о результатах поездок делегаций в зарубежные страны, имея в виду ту конкретную пользу, которую получают делегации от заграничных поездок⁹.

В постановлении бюро Президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами «О мерах по осуществлению координации дружественных связей советских городов с зарубежными городами» от 12 января 1968 г. подчеркивалось: «...считать важнейшей задачей работы в области дружественных связей советских городов с зарубежными городами дальнейшее повышение деловой и политической эффективности этих связей, активное использование их в интересах укрепления взаимопонимания и дружбы народов, ознакомления широких кругов населения зарубежных стран с успехами экономического и культурного

строительства в СССР, внутренней и внешней политикой КПСС и Советского государства, а также для изучения и обмена опытом ведения городского хозяйства и организации жизни населения городов... Особое внимание следует обратить на подготовку советских делегаций, коллективов и групп к выездам в породненные города»¹⁰.

В постановлении Комиссии по иностранным делам Верховного Совета РСФСР, рассмотревшей вопрос о развитии дружественных связей исполкомов городских советов депутатов трудящихся РСФСР с муниципальными органами городов зарубежных стран (22 декабря 1969 г.), как недостаток отмечался тот факт, что в зарубежных поездках зачастую не использовались возможности ведения активной информационно-пропагандистской работы среди различных слоев населения соответствующих стран, и предлагалось включать в состав делегаций, выезжающих за рубеж, специалистов по различным отраслям городского хозяйства и промышленности, имея в виду необходимость повышения практической отдачи развивающихся связей и более эффективного ведения за рубежом работы по пропаганде наших достижений¹¹.

До конца 1980-х гг. города-побратимы практически не участвовали в работе по сотрудничеству в торгово-экономической, производственной и научно-технической областях, хотя эти вопросы обсуждались уже в конце 1960-х гг. В одном из отчетов о поездке делегации Петрозаводского исполкома в Варкаус говорилось о том, что представители муниципалитета Варкауса вносили предложения об открытии автомобильной трассы из Финляндии в Петрозаводск через Сортавалу и о более широком размещении заказов СССР в Финляндии¹².

Во время поездок делегации из городов-побратимов знакомились с постановкой школьного дела, работой кооперативов, жилищным строительством. В 1969 г. по инициативе финской стороны в Ленинграде была проведена встреча представителей советских и финских городов-побратимов. На встрече был одобрен опыт обмена отраслевыми делегациями, накопленный за время сотрудничества Петрозаводска и Варкауса¹³.

Взаимное сотрудничество на профессиональном уровне принесло немало пользы. В 1969 г. в Варкаус выезжала делегация специалистов деревообрабатывающей промышленности Петрозаводска, подробно изучившая опыт использования отходов деревообработки в Варкаусе. Этот опыт нашел применение на Петрозаводском лесопильно-мебельном комбинате. В 1969–1970 гг. состоялся обмен делегациями работников профессионального образования двух городов. Работники профтехобразования Петрозаводска побывали в двух профессионально-технических училищах Варкауса и городской народной школе, ознакомились с материальной ба-

зой училищ, практикой преподавания и трудового обучения. В результате в Петрозаводске был применен опыт выполнения учащимися профтехучилищ заказов населения. В 1973 г. в Петрозаводске побывала делегация работников просвещения Варкауса, которая особо отметила положительный опыт общеобразовательных школ Петрозаводска по организации системы внеклассной воспитательной работы¹⁴. В 1978, 1979 гг. Варкаус посетили работники водоканала и трикотажной фабрики, а также работники пищевой промышленности. Подобные встречи, проводившиеся по официальной схеме, нередко носили по-настоящему сердечный характер.

К началу 1970-х гг. значительно расширились связи исполкомов городских советов РСФСР с муниципальными органами зарубежных стран. Если в 1965 г. только 9 городов имели контакты с зарубежными городами, то в апреле 1972 г. 66 городов РСФСР поддерживали связи со 134 городами Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. В 1971 г. 656 человек в составе около 80 делегаций и различных групп горисполкомов РСФСР выезжали в зарубежные города. В городах РСФСР было принято 90 делегаций муниципалитетов (650 человек)¹⁵.

Успешно развивался туризм. В 1966 г. в Финляндии в организованном порядке побывало 110 туристов из Карелии. Кроме того, по вызовам родственников и другим причинам в Финляндию выезжало около 300 частных лиц. За то же время Карелию посетили около 300 туристов из Финляндии¹⁶. К концу 1980-х гг. количество побывавших друг у друга туристов по обе стороны границы достигало 500 человек в год¹⁷.

«К эпохе с конца 1950-х до начала 1970-х гг. можно отнести действительно подлинный и основополагающий поворот в отношении к СССР... – подчеркивает финляндский ученый Т. Вихавайнен. – К концу эпохи СССР оказался популярным и признанным партнером по сотрудничеству, работать с которым было делом славы и чести. Перемена была очень резкой и основательной, хотя, разумеется, простиралась не на все сферы. С другой стороны, Финляндия, к которой в СССР еще в 1950-х гг. публично относились как к одной из капиталистических стран, ничем не выделяющейся из ряда других, а, следовательно, являющейся представителем ненавистного и несправедливого общественного строя, в 1960-х гг. начала в публичных декларациях превращаться в друга... Все вместе эти происходившие в 1960–1980-х гг. многочисленные процессы способствовали исчезновению старого образа врага. Русскость в Финляндии уже в конце 1960-х гг. более или менее вошла в моду... Можно считать, что в 1960-х гг. начался период так называемой „финляндизации“, неотъемлемой частью которой были хорошие и даже замечательные отношения с Советским Союзом. Финляндизация была популярной в народе политикой, и с ней в действительности

было связано не только соглашательство с Советским Союзом, но и положительное отношение ко всему русскому. В международном ракурсе ситуация была уникальной, и даже с российской стороны финнов считали „почти что нашими“»¹⁸.

Особенно оживленный взаимобмен на уровне городов-побратимов происходил в области культуры и искусства. Ежегодно согласовывались планы культурных связей. В Варкаусе побывали многие профессиональные и самодеятельные творческие коллективы Карелии, демонстрировались фото- и художественные выставки. Выставка художников Петрозаводска в Варкаусе в декабре 1966 г., как вспоминал один из руководителей муниципалитета, бывший мэр города Пууттонен, вызвала много разговоров, споров и дискуссий в общественных кругах. Побывав на выставке, художница Ирья Пиетикайнен заявила: «Когда я была в Ленинграде, мне удалось посмотреть одну из выставок. Мне она не понравилась, в ней было много парадных, официальных картин, не оставивших у меня хорошего впечатления. И мы, художники Варкауса, ожидали, что вы привезете именно такую выставку. Мы были приятно поражены, что на вашей выставке мы увидели лица простых живых людей, любовь к своему краю, высокое мастерство»¹⁹.

В свою очередь, петрозаводчане знакомились с искусством артистов и художников Варкауса. В 1972 г. в Петрозаводске в течение 7 дней экспонировалась выставка работ молодых художников Варкауса и детского рисунка. За это время ее посетило более 2 тыс. человек, состоялся обмен мнениями между художниками двух городов²⁰.

Традиционными стали Дни дружбы. Первые дни Петрозаводска в Варкаусе были организованы в 1972 г. Тогда в Варкаус вместе с официальной делегацией прибыло более 20 профессиональных артистов, музыкантов, художников. Последующие Дни Петрозаводска в Варкаусе проводились в 1976, 1980, 1985, 1991 и 1995 гг., а Дни Варкауса в Петрозаводске – в 1974, 1978, 1982, 1988 и 2000 гг. Ежегодно проходили месячники дружбы «СССР – Финляндия». Эти мероприятия приобрели действительно массовый характер. Так, во время «Дней Петрозаводска в Варкаусе» в 1972 г. на вечер встречи делегации Петрозаводска с жителями Варкауса в местечке Куонторанта присутствовало около 5 тыс. человек, в том числе жители соседних поселков и 5 ближайших городов в радиусе до 100 км²¹. Организаторы встречи беспокоились за явку, учитывая период отпусков, однако благодаря широкому освещению предстоящих событий в печати, а также успеху предыдущих выступлений артистов из Карелии, число желавших попасть на вечер встречи было столь велико, что вместо билетов стоимостью 3 марки пришлось продавать зрителям программы вечера.

Однако непосредственные связи между творческими коллективами городов-побратимов налажены не были, так как прием в Петрозаводске творческих коллективов из Финляндии, а также направление их из Петрозаводска в Финляндию осуществлялись в централизованном порядке Министерством культуры СССР и РСФСР без учета побратимских связей. Ряд предложений городов-побратимов не был утвержден Ассоциацией по связям советских и зарубежных городов. Председатель Варкаусского отделения общества «Финляндия – СССР» Пентти Тюрвяйнен, являвшийся замдиректора театра Варкауса, в 1972 г. высказывал недовольство в связи с тем, что театру не была предоставлена возможность совершить гостерольную поездку в Петрозаводск²². Трудности с финансированием совместных мероприятий привели к сокращению контактов по ряду направлений. Так, Президиумом Ассоциации по связям советских и зарубежных городов в 1970 г. не был утвержден ряд мероприятий, запланированных Петрозаводским горисполкомом и муниципалитетом г. Варкауса, в частности, обмен делегациями работников просвещения и профессионально-технического образования²³.

В 1973 г. в Петрозаводске побывал мэр Варкауса Эйно Салми, который высоко оценил побратимские связи двух городов. Он признался, что «та осторожность и выжидание, которые имели место с финской стороны в первые годы установления связей между городами, осталась в прошлой истории. Она сменилась полным доверием и взаимопониманием, участием широких слоев населения обоих городов в осуществлении этих связей»²⁴.

Успешно развивавшиеся между Петрозаводском и Варкаутом контакты поставили вопрос об их юридическом закреплении. 13 августа 1975 г., т. е. спустя 10 лет после установления дружеских связей, был подписан официальный бессрочный Договор о побратимских отношениях. Мэр Петрозаводска Павел Васильевич Сепсяков в опубликованной недавно книге «Записки мэра» вспоминает: «В первый же день визита финской делегации во главе с мэром Варкауса Эйно Салми мы подписали договор о побратимских отношениях. Как это иногда бывает, случайный выбор стал счастливым. Глядя на то, как бурно и с успехом сотрудничают наши города, и другие мэры из Финляндии захотели дружить со столицей Карелии. Но было уже „поздно“, так заявил Эйно Салми на встрече с 14 мэрами финских городов в Петрозаводском горсовете»²⁵.

В 1970–1980-е гг. между городами-побратимами расширился обмен делегациями, художественными коллективами, спортивными командами, группами ученых, молодежи и туристов, информационными материалами. Ежегодно приезжали творческие и спортивные коллективы, проводились лыжные, хоккейные, футбольные соревнования и

соревнования по подледному лову, организовывались фотовыставки. Международные контакты способствовали расширению представлений о культуре, образе жизни, духовном мире людей разных стран, обеспечивали взаимопонимание между ними.

Несмотря на расширение международных культурных связей и большую открытость советского общества по сравнению с тремя десятилетиями сталинского режима, для руководства партии и государства по-прежнему основополагающим оставалось представление о том, что культура и наука должны обеспечивать интересы политики, исходя из задач коммунистической пропаганды.

Как вспоминает Виктор Талбонен, работавший в 1970-е гг. инструктором исполкома Петрозаводского городского Совета, «были, конечно, и определенные трудности. В те времена существовала сложная процедура принятия решений, каждое действие приходилось согласовывать с партийными органами. Состав делегации для участия в днях культуры утверждался заранее. В обкоме партии существовала специальная комиссия по выездам за границу, а окончательное разрешение на выезд давал ЦК КПСС. После каждой командировки необходимо было предоставить подробный отчет. Ежегодно в апреле я осматривал все учреждения, куда водили иностранцев. „Интурист“ всегда спрашивал согласия на то, чтобы показать тот или иной объект...»²⁶.

В 1980-е гг. в побратимских связях стало обращать больше внимания на развитие молодежных контактов. Новой формой работы стали Дни молодежи городов-побратимов, обмена молодежными туристскими группами на безвалютной основе, обмен рок-группами и танцевальными коллективами.

27 июля 1988 г. в Петрозаводске был подписан протокол о намерениях в целях развития экономического сотрудничества Петрозаводска и Варкауса и действующих в них предприятий. Расширился обмен специалистами различного профиля между двумя городами, проводились экономические семинары, способствовавшие развитию трансграничного сотрудничества. Новым явлением стало посещение промышленных выставок в городах-побратимах.

В 1990-е гг. появились новые формы сотрудничества – подготовка совместных заявок и реализация проектов в рамках программы технической помощи Европейского Союза странам СНГ Тасис, всевозможные языковые курсы, семинары, обмен преподавателями и учениками, пополнение библиотек литературой и др. К числу перспективных направлений сотрудничества между городами относятся охрана окружающей среды и социальная защита населения. Между Администрациями Петрозаводска

и Варкауса налажен регулярный информационный обмен, ежегодно составляются планы на следующий год. «Дружеские связи настолько упрочились, что стали похожи на надежные брачные узы», – сказал во время встречи в Петрозаводске в честь 30-летия установления побратимских связей председатель городского совета Варкауса Кари Раямяки²⁷.

Таким образом, побратимские связи городов Петрозаводска и Варкауса сыграли свою историческую роль в разрушении существовавших барьеров между двумя странами, в потеплении международной обстановки и закладывании фундамента прочного добрососедского сотрудничества в различных областях. Как подчеркнул мэр Петрозаводска Виктор Масляков, «сотрудничество с Варкаутом помогло сломать лед недоверия, который сформировался у граждан СССР по отношению к другим странам после Великой Отечественной войны. Для многих жителей Петрозаводска прямые контакты с жителями Варкауса в течение долгих лет были единственной возможностью познакомиться с жизнью обычных людей по ту сторону границы, по-настоящему расширить свой кругозор. Именно отношения с Варкаутом стали своего рода примером для дальнейшего построения контактов Петрозаводска»²⁸.

Договор о побратимских связях Петрозаводска и Варкауса оказался востребованной моделью возможных форм организации деятельности для других городов-побратимов. В 2002 г., по данным Союза коммун Финляндии, 114 российских и 169 финских городов и административных единиц имели побратимские связи²⁹. Дальнейшее углубление сотрудничества городов и районов Республики Карелия с зарубежными партнерами является одной из важных предпосылок развития приграничного сотрудничества в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сильченко Р. Россия – Финляндия: диалог продолжается // Северный курьер. 1994. 14 октября.

² Петров И. А. Добрые соседи. Краткий очерк дружественных советско-финляндских отношений. Петрозаводск, 1984. С. 21.

³ Во имя общего дела. Интернациональные связи Карелии. 1917–1977 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1980. С. 213–215.

⁴ Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф. 460, оп. 1, д. 1952-а, л. 153.

⁵ Лайне Н. В городе-побратиме // Север. 1967. № 2. С. 103.

⁶ НА РК, ф. 460, оп. 1, д. 1042-б, л. 2–6.

⁷ Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков. Серия под общей редакцией академика Е. П. Чельшева. Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998. С. 36.

- ⁸ НА РК, ф. 690, оп. 11, д. 1850-а, л. 6.
- ⁹ Там же, ф. 460, оп. 1, д. 1042-б, л. 7.
- ¹⁰ Там же, д. 1042-а, л. 26–27.
- ¹¹ Там же, ф. 690, оп. 11, д. 1850-а, л. 6.
- ¹² Там же, ф. 460, оп. 1, д. 1042-б, л. 121.
- ¹³ Там же, д. 1042-а, л. 49–50.
- ¹⁴ Там же, д. 1384, л. 87.
- ¹⁵ Там же, д. 1312, л. 28–29.
- ¹⁶ Там же, ф. 689, оп. 17, д. 839, л. 85.
- ¹⁷ Петрозаводск – Варкаус – города-побратимы. Петрозаводск, 2005. С. 27.
- ¹⁸ Вихавайнен Тимо. Из «рюсся» в «советикусь» – из «советикусов» в русские. Революция в представлении соседей // Два лика России. Под ред. проф. Тимо Вихавайнена. Институт Финляндии в СПб. Европейский дом. 2007. С. 313, 318, 319.
- ¹⁹ НА РК, ф. 460, оп. 1, д. 1042-б, л. 17.
- ²⁰ Там же, ф. 690, оп. 11, д. 2105, л. 133.
- ²¹ Там же, л. 134.
- ²² Там же, л. 132.
- ²³ Там же, ф. 460, оп. 1, д. 1258, л. 10.
- ²⁴ Там же, д. 1384, л. 78.
- ²⁵ Сепсяков П. В. Записки мэра. Петрозаводск, 2005. С. 153.
- ²⁶ Петрозаводск – Варкаус – города-побратимы. С. 42, 44.
- ²⁷ Трубин А. Будем дружить дальше // Северный курьер. 1995. 20 сентября.
- ²⁸ Петрозаводск – Варкаус – города-побратимы. С. 3.
- ²⁹ Открой для себя Финляндию. Информационный портал о Финляндии <http://suomi-fin.narod.ru/economic/rofinot.htm>.

Этнические ареалы и контактные зоны

С. И. Кочуркина
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Топонимы «линна» и этнические границы

В 1891 г. вышел труд финляндского исследователя Я. Аппельгрена о древних крепостях Финляндии, в котором большое внимание уделено памятникам северо-западного Приладожья¹. Когда исследователь приступил к разработке вопроса о каменных или, как их еще называли, «исполинских крепостях», в науке не было устоявшегося мнения о том, когда, с какой целью и кем сооружались такие крепости. Существовали многочисленные, опровергавшие одна другую гипотезы, сводившиеся к вольной датировке последних от периода каменного века до Средневековья, произвольной трактовке назначения (их называли святилищами последних язычников, загонами для оленей и т. д.) и этнической атрибуции.

Задавшись целью сопоставить топонимы «линнавуори» и «линнамяки» (крепость на возвышенности) с конкретными древними памятниками, Я. Аппельгрэн собрал сведения более чем о 300 так называемых крепостях на Аландских островах, территории Финляндии, северо-западных берегах Ладожского озера и нанес их на карту. Они представляли собой сооружения из дикого камня на вершинах возвышенностей разной высоты. Исследователь опроверг распространенное до него мнение о тождественности сооружений с церквами и крепостями в современном смысле слова и предложил их считать укрепленными поселениями древних финнов. Исключение составляли памятники на Аландских островах и некоторые материковые укрепления, созданные, по Аппельгрэну, викингами.

Выдвинутая гипотеза долгое время устраивала исследователей. Работа финляндского исследователя Ю. Ринне о каменных городищах выполнена в том же духе и направлении, как и исследование Я. Аппельгрена, которое он высоко ценил, но пополнилась новыми данными². Но когда спустя 20 лет вопросом заинтересовался А. Европеус и произвел раскопки в Паавола (южнее г. Оулу), то гипотеза Аппельгрена оказалась под сомнением. По наблюдениям Европеуса, валы имеют естественное происхождение и не связаны с населением, кратковременный характер которого подтверждается редкими вещами каменного века и отсутствием культурного слоя³. Работа А. М. Талльгрена не отличалась оригинальностью: он попытался соединить не только теории Аппельгрена и Европеуса, но и

позаимствовал из более ранних работ мнение об этих крепостях как оленьих загонах. Не избежал он и некоторых неточностей, поскольку полевых исследований не проводил⁴.

В 1920 г. Ю. Айлио и С. Пяльси посетили некоторые наиболее ярко выраженные «крепости» на побережье между рр. Пурмо и Кеми (губ. Оулу и Вааса), и это дало основание Айлио сделать вывод, что «исполинские крепости» в основном являются геологическими образованиями. Предшественников, видевших на возвышенностях прямоугольные каменные конструкции, он упрекал в субъективном взгляде и небрежных измерениях. Все так называемые хозяйственные ямы, развалы домов, каменные кладки погребений, Айлио считал результатом деятельности кладоискателей. Поскольку культурный слой отсутствовал, он их классифицировал как «места охоты»⁵. Двумя годами позднее Айлио подверг критике, но уже более осторожно, «крепости» Тулоса (южная часть губ. Хяме): из пяти упомянутых Я. Аппельгреном возвышенностей лишь одна, хотя и без находок, призна на таковой⁶.

Повышенный интерес к «линнавуори – линнамьяки» сменился заметным спадом: слабая изученность «крепостей», отсутствие планомерных археологических работ и как следствие – отсутствие материальной базы привели к тому, что в конце 1930-х гг. в Финляндии эта тема, за редким исключением⁷, исследователей не интересовала. Ё. Войонмаа исследовал крепости в 1935–1936 гг. и до начала 1960-х гг. в южных районах Хяме и Сатакунта, но результатов поздних изысканий не издал. Полевые исследования крепости Ванхалинна в Лието в 1950–1970-х гг. опубликованы⁸. В 1973 г. в университете Хельсинки в рукописи была представлена работа, касающаяся крепостей⁹.

Между тем из всех перечисленных Я. Аппельгреном «линна» 11 действительно являлись древними памятниками, а собранные археологические предметы, хотя и приблизительно, позволяли определить время их существования.

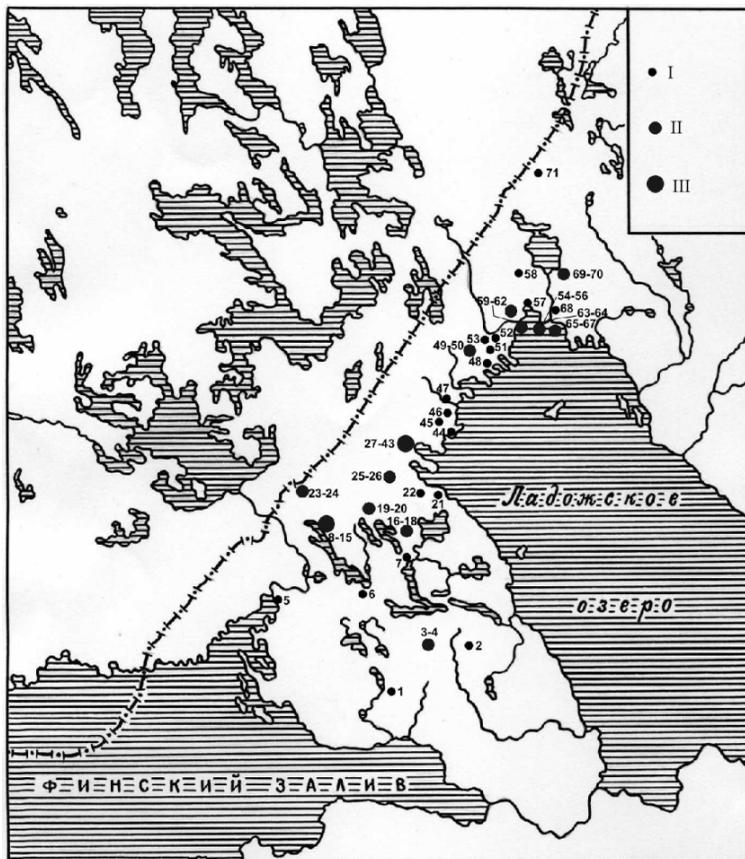
В монографическом исследовании Ю.-П. Таавитсайнена¹⁰, посвященном древним крепостям Финляндии, автор обратил внимание на проблему дефиниции укрепленных поселений. Безусловно, исследователь прав, когда говорит о геологических процессах, приведших, по всей вероятности, к образованию рядов из нагроможденных камней на некоторых объектах, принимаемых за созданные человеческими руками защитные валы. Но не всегда можно отличить естественные нагромождения камней от искусственных. Возникновение топонимической номенклатуры можно объяснить лингвистическими данными. Слова «линнавуори» и «линнамьяки»,

по мнению Л. Хакулинена, первоначально связывались не с понятием «крепость», а с понятием «вершина», «гора»¹¹. Вот почему на огромной территории, включая Аландские острова, Финляндию и северо-западное Приладожье, зафиксировано такое обилие прибалтийско-финского топонима. Созданные природой причудливо изрезанные скалы, крутые склоны с вертикальными обрывами, неприступные скалистые острова с нагромождением отколовшихся от основного массива валунов у подножия ассоциировались у местного населения с крепостями, созданными легендарными великанами.

В результате археологического исследования выяснилось, что топонимы не всегда тождественны археологическим памятникам. Конечно, для решения этой проблемы требуются многолетние полевые коллективные исследования представителей гуманитарных, геологических и других естественных наук. С этим согласны исследователи как в Финляндии, так и в России. Наличие культурного слоя с материальными остатками, безусловно, является главным критерием определения объекта как археологического памятника.

По подсчетам Л. Похьякаллио, в современных границах Финляндии имеется 72 крепости¹². В юго-западной Финляндии из девяти памятников исследования проводились лишь на двух. На территории Хяме помимо хорошо изученных замка Хямеенлинна и крепости Кухмойнен, датированной второй четвертью XI в. – концом XIII – началом XIV в., археологические работы проводились на ряде других памятников, которые удалось датировать: Линнасаари Валкеакоски – рубеж н. э. – XIII в.; Рапола – время Меровингов; Линнамяки Тенхола – IV–VII, XIII–XV вв.; Капатуосиа – VI–VII, XII–XIII вв.; Линнавуори Хакойнен – XIII–XIV вв.

В северо-западном Приладожье (Карельский перешеек и территория Республики Карелия) ареал топонимов «линнавуори» и «линамяки» довольно обширен (71) (рис.). Из них 30 объектов¹³ (№ 3, 4, 5, 11–15, 17, 18–20, 23–26, 32, 34–43, 51, 55, 56) пока не исследованы. На 15 возвышенностях с топонимом «линна» каких-либо остатков каменных оборонительных сооружений не прослежено (№ 2, 8, 9, 21, 22, 45, 46, 49, 50, 53, 54, 58, 68–70). На островах Мякисало (№ 66) и Тулолансаари (№ 63) зафиксированы сложные почти правильной геометрической формы сооружения из каменных стен, по всей вероятности, недавнего происхождения. Но выявлены объекты с хорошо сохранившимися укреплениями из камня (24), описание которых приводится ниже.

Ареал топонимов «линна» и археологических объектов:

I – единичные топонимы; II – два-три топонима; III – четыре топонима и больше

1. Кивеннапа; 2. Рауту; 3–4. Валкярви; 5. Выборг Линнасаари; 6. Хейнъёки Линналампи; 7. Тиверский городок; 8–15. Антра; 16–18. Каукола; 19–20. Кирву; 21. Асила; 22. Райваттала; 23–24. Яаски; 25–26. Хийтола; 27–43. Куркиёки; 44. Харвио; 45. Лахденпохья Линнанканта; 46. Рукола; 47. Яакима Кумола; 48. Суур-Микли Линнамяки; 49–50. Мийнала; 51. Кортеела; 52. Рауталаhti; 53. Отсойнен; 54–56. Сортавала; 57. Паасо; 58. Рютто; 59–62. Риеккалансаари; 63–64. Тулолансаари; 65–67. Мякисало; 68. Ляскеля; 69–70. Суйстамо; 71. Корписелья

1. Кивеннапа Линнамяки – высокая возвышенность северо-восточнее церкви. В исторических источниках Кивеннапа упоминается в 1452 г., когда на холме в центре находился каменный замок. В 1556 г. он был разрушен воеводами Шереметева и Палицкого, в 1706 г. во время первого

похода петровских войск к Выборгу русские солдаты овладели шведскими укреплениями¹⁴. При строительстве дома в XIX в. найдены немецкая монета 1000 г. (не идентифицирована), меч и серебряный перстень¹⁵.

6. Хейнъёки Линналампи. Возвышенность названа по озеру Линналампи, находящемуся в 3 км южнее церкви в Хейнъёки. На ней сохранились остатки каменных укреплений¹⁶.

7. Тиверский городок (Тиуринлиннасаари) – военно-оборонительный и ремесленный центр на Карельском перешейке в 14 км от пос. Мельниково (Ряйсяля) и в 3,5 км от дер. Васильево Приозерского района Ленинградской области. Оно располагалось у порогов Тиури на острове, омываемом двумя рукавами р. Вуоксы. Городище площадью около 1 га (археологической экспедицией ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С. И. Кочуркиной раскопано 1620 м²) окружено каменными стенами и валом. Археологические раскопки выявили жилые и хозяйственные комплексы, оборонительные сооружения и захоронения погибших защитников крепости (28). Вскрыто 14 фундаментов жилищ, сложенных из мелких, плотно уложенных камней, обмазанных глиной. Отопительные сооружения из камней и глины чаще всего располагались в северо-западном углу дома, ближе к выходу. Площадь жилищ колебалась от 18–20 до 54 м². Постройки составляли двухрядную цепочку соответственно конфигурации острова и, располагаясь в шахматном порядке, составляли оборонительную линию.

10. Антреа Каукола Линнамяки располагается в центре деревни. Северо-восточный и юго-западные склоны крутые и недоступные. Поверхность горы 80×100 м, высота 15–26 м. Расщелина, по которой вдоль восточного склона можно было забраться на гору, была перекрыта каменной стеной из крупных камней длиной 9 м, высотой 0,6–0,8 м. За стеной с внутренней стороны находилась окруженная камнями поляна. Кроме Аппельгрена, никто из исследователей Линнамяки не исследовал.

16. Каукола Коверила Линнамяки высотой 34 м. На ней им замечены небольшие участки каменных стен. В 1971 г. мною при посещении возвышенности внесены следующие уточняющие детали. Она находится у с. Бегуново; с одной стороны ограничена рекой и дорогой, ведущей на оз. Богатырское, с другой – дорогой на Приозерск. Южная часть возвышенности обрывистая, северо-западная – широкая и пологая. На северном и северо-восточном склоне сохранились три отрезка каменной стены: 3,10, 2,90, 6,80 м, а в северо-западной части – каменная кладка в виде буквы П (1,50 × 1,85 × 2,20 м) при высоте 0,2–0,4 м. Культурный слой отсутствует.

27. Лопотти Линнамяки – городище – располагается на высоте 31,77 м над уровнем реки, на возвышенности Лопотти. С севера оно омывалось

р. Рахолангёки, впадающей в залив Ладожского озера. Площадь поселения около 500 м² (археологической экспедицией ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С. И. Кочуркиной раскопано 444 м²). Помимо внешней линии оборонительных укреплений, сложенных из камней «насухо», защищающих возвышенность с трех сторон, существовала внутренняя – из жилых построек. Деревянные дома на каменных фундаментах (раскопано четыре) площадью от 13 до 25 м² имели печи-каменки в северо-восточном углу. Для защиты северного мыса, со стороны реки, поперек возвышенности был поставлен заслон из жилищ. Датируется приблизительно XV–XVI вв., а может быть, и более поздним временем.

28. Хямеенлахти-Линнавуори, городище, располагается в 3 км южнее пос. Куркиёки Лахденпохского района Республики Карелия, на южном берегу залива Хямеенлахти Ладожского озера на возвышенности высотой 50 м. Площадь около 7000 м². В конце XIX в. раскапывалась финляндским исследователем Я. Аппельгреном, в 1987 г. – А. И. Саксой (вскрыто 52 м²). В июле 2007 г. С. И. Кочуркиной на северной окраине четырехугольной площадки вскрыто 96 м². Расчищены остатки строительного сооружения, собран разнообразный инвентарь из глины, железа и цветного металла. Хямеенлахти-Линнавуори является укрепленным поселением древних карел, датирующимся по предварительным данным XII–XIV вв.

29. Соскуа-Линнамяки, городище, выявлено во время разведки в 2004 г. В 2005–2006 гг. вскрыто четыре раскопа общей площадью 76 м², произведена зачистка основания развалившейся стены, сложенной из камней без применения связующего раствора. Собранный материал (железные бытовые изделия; медные: обломок цепедержателя, звено цепи, кольцевидная замкнутая фибула, тонкие фигурные пластинки, обломок кольцевидной фибулы и орнаментированная копоушка (биллон), всего 17 индивидуальных находок) не противоречит датировкам, установленным для ранее исследованных древнекарельских городищ, существовавших в XII–XIV вв. Соскуа-Линнамяки, видимо, была рассчитана на защиту малочисленного сельского населения и не имела стратегического характера.

30. Корписаари Рангалинмяяки располагается на западном побережье о. Корписаари, на высоте 25 м над уровнем Ладоги. Размеры площадки 75 × 60 м. В 1985 г. А. И. Сакса под скоплениями камней металлоискателем обнаружил железную сковороду, датируемую им XI–XII вв.

31. Корписаари Линнамяки находится в полусотне шагов к югу от предыдущей возвышенности высотой 29 м, длинная, узкая, с крутыми склонами. На вершине скалы Аппельгреном обнаружил никаких сооружений, но на западной террасе он заметил два ряда камней, напоминающих основание вала, длиной не более 13 м.

33. Яямяки. Возвышенность (длина 350 м, ширина 40–100 м, высота около 50 м над уровнем Ладоги) с крутыми обрывами (наиболее пологий восточный склон) имеет сложный, пересеченный рельеф, малопригодный как для постоянного, так и для кратковременного местожительства. Остатки мощных каменных стен с пространствами для ворот прослеживаются до сих пор в нескольких местах, хотя и в худшем, чем во времена Аппельгрена, состоянии. Понять смысл этих сооружений и их назначение пока не представляется возможным.

44. Харвио Оссипала Линнавуори располагается на северной оконечности о. Осиппала, на высоте 33 м над уровнем воды. Северная часть со стороны озера имеет крутые обрывы. Поперек горы сохранились остатки вала длиной 20 м, шириной до 5 м. В середине сохранилось пустое пространство 2 м шириной. В северо-восточной части вал (длина 16,5 м, ширина 2 м) поворачивает на северо-запад почти под прямым углом и заканчивается на краю ложбины, заполненной камнями. Высота вала достигает 1 м. Второй вал, ориентированный в направлении запад – восток (длина 24,5 м), защищал площадку с северной стороны, западный конец сохранился в длину на 14 м, ширину 2 м и такую же высоту. Незащищенной была юго-западная часть возвышенности.

47. Яаккима Кумола Линнавуори высотой 37 м располагается на берегу залива. На западной отлогой стороне много мелких камней, что позволило Аппельгрелю сделать вывод о существовавших здесь прежде оборонительных укреплениях.

48. Суур-Микли Линнамяки на восточном берегу оз. Кирккоярви (Киркколампи). Верхняя овальная площадка (70 × 30–40 м) вытянута с северо-запада на юго-восток. Наиболее крутая – обращенная к озеру юго-восточная сторона. На северо-восточном и юго-западном склонах во времена Аппельгрена были заметны остатки стен длиной 13,5; 40; 13; 11 м, сложенных из камней. Высота сохранившихся стен 0,5–0,7 м, ширина до 4 м. На вершине возвышенности в пределах каменных стен Аппельгреном обнаружено 19 небольших низких холмов (4 × 2,5 м, высота 0,2–0,5 м), из которых восемь раскопано. Все они сооружены, по мнению исследователя, из принесенного со стороны песка. Внутри холмов и за их пределами прослеживались углистые прослойки, а под ними – красноватая зола. В нескольких холмах найдены камни, следы дерева и единичные фрагменты гончарных сосудов. В настоящее время холмы не сохранились: в конце XIX – начале XX в. возвышенность была застроена усадьбами.

Проведенные в 1983–1984 гг. исследования¹⁷ выявили остатки развалов из валунного камня на южной и восточной сторонах площадки, а

также у юго-западного края площадки в ложбине. В двух разведочных раскопах (56 м²) культурный слой отсутствовал.

52. Раугалаhti Линнавуори располагается на берегу Ладожского озера на высоте около 37 м над уровнем воды. Северо-западная часть высокая, юго-западная пологая мысообразной формы. Вершина горы четырехугольная ровная. По наблюдениям Аппельгрена, остатки каменных сооружений располагались по всему периметру площадки, исключая северо-восточную часть. Они достигали в длину 12, 15, 30, 35, 81 м (в некоторых, по всей вероятности, были деревянные ворота) при обычной ширине до 2 м. В центре площадки зафиксированы два развала камней (2,5 × 2,5; 3,4 × 3,4 м).

57. Паасо, городище XII–XIII вв., является уникальным памятником эпохи Средневековья в северо-западном Приладожье Республики Карелия. Оно расположено между г. Сортавала и пос. Хелюля, примерно в 1 км от места слияния рек Тохмаёки и Хелюляньёки, на высокой (83,2 м над уровнем Ладоги) с крутыми скальными обрывами возвышенности. Пологая южная сторона была укреплена двумя небольшими валами, между которыми располагались ворота. Площадь городища около 1000 м². Археологическими экспедициями ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С. И. Кочуркиной в 1974–1975, 1978–1980, 2005, 2006 гг. вскрыто 1000 м² (раскопы I–XI).

59. Риеккалансаари Токкарлахти/Тукианмяки Линнавуори. Линнавуори располагается в северной части залива Токкарлахти на мысу на высоте 34 м над уровнем воды. Линнавуори разделена оврагом шириной 20–50 м, длиной около 80 м на две части. Каменные сооружения видны на краях обеих частей. Аппельгреном зафиксированы отрезки вала длиной 8 (от него сохранилось несколько больших камней и земля), 15, 18, 48 м шириной 3–4 м, высотой 0,5–0,8 м. По информации Т. Швиндта, в сделанных им шурфах кое-где обнаружены угли и кусочки обожженной бересты¹⁸.

60. Токкарлахти Линнасаари. О. Линнасаари располагается в центре устья залива Токкарлахти с восточной стороны о. Риеккала, юго-восточнее предыдущей линнавуори. Остров почти четырехугольной формы размерами 180×180 м. Западная и северо-западная части острова скалистые и обрывистые. Высота над уровнем Ладоги 32 м. Глубокое ущелье делит возвышенность на две части: большую – северо-восточную и меньшую – юго-западную. На северо-восточной части возвышенности располагается терраса шириной 20 м. Остатки каменных валов хорошей сохранности отмечены на восточной части террасы и на обоих концах ущелья (отрезки валов, по данным Аппельгрена, были от 4,5 до 25,5 м, при ширине от 3,3

до 8 м и высоте 1–1,5 м). Крутые северо-западные обрывы в дополнительных искусственных укреплениях не нуждались.

Т. Швиндт в 1889 г. произвел раскопки на заросшей травой террасе и обнаружил очаг и небольшой дугообразной формы каменный настил, а также железную пластинку и точильный брусок. Раскопки производились и в 1879 (?) г. в трех местах на вершине горы, где было найдено много углей и обожженных камней¹⁹. Посетив в 1974 г. этот остров, убедилась в хорошей сохранности каменных валов, в искусственном происхождении которых сомнения нет.

61. Хийретсаари – скалистый остров – расположен в устье залива Токкарлахти юго-восточнее Линнасаари. Высота его над уровнем Ладоги около 15 м. Остатки валов замечены в прибрежных низинах. В 1970 г. при посещении острова у меня создалось впечатление, что так называемые валы образовались естественным путем в результате обрушения скальных массивов.

62. Лиеритсаари находится в заливе Паролансалми, восточнее о. Риеккала, примерно в 1,5 км севернее предыдущего острова; высота 12–13 м над уровнем Ладоги. Остров не имеет крутых склонов. Вал сохранился в самой низкой юго-западной части длиной около 40 м, шириной 2,2 м, высотой 1,6 м. По информации Аппельгрена, за валом прослежены остатки каменных фундаментов, возможно, от жилищ, в которых жили добытчики кварца. Остров нуждается в дополнительном исследовании.

64. Хулконвуорен линна (Лапинлинна) располагается на острове Тулолансаари на северном берегу пролива напротив острова Кирккосаари. На острове имелись православное кладбище, церковь св. Ильи и монастырь (сожжен в 1636 г.). Линна, с крутыми склонами со стороны пролива, располагается на высоте 48 м над уровнем Ладоги. Верхняя площадка окружена каменными валами, которые образуют почти правильный прямоугольник. На чертеже 1878 г. показаны круглые каменные кучи, о которых Аппельгрэн уже не упоминает. Ринне полагал, что крепость возникла не ранее 1200 гг.²⁰

65. Мякисало Линнавуори. Возвышенность находится в юго-восточной части острова на высоте 70 м над уровнем Ладоги. С юга и юго-востока подножие омывается озером. Наиболее пологий – северный склон, остальные крутые и недоступны для восхождения. Верхняя площадка (50 × 25–35 м) с северо-западной стороны защищена каменной стеной длиной 38 м, сохранившейся на высоту 1–2 м, при ширине 3–4 м. В стене зафиксированы два прохода (1,5; 2 м). Отрезок стены длиной 23 м, перпендикулярный основной стене, располагался у главного въезда на городище со стороны материковой части. Заложенные

три траншеи размерами 6×2 м продемонстрировали отсутствие культурного слоя. Лишь в центральной части оборонительного укрепления (траншея II), видимо, обнаружены остатки очага²¹.

67. Мякисало Лапинсаари – небольшой остров, расположенный в 0,5 км юго-восточнее южной оконечности о. Мякисало, на высоте 21 м над уровнем Ладоги. Отлогие склоны были укреплены каменными валами. Ложбина разделяет остров в направлении север – юг и перекрыта мощными валами, но уже во времена Аппельгрена они плохо сохранились: ширина основания 3,2 м, высота 1 м. В других частях острова валы достигали высоты 1,5 м при ширине 1,2 м. К западу от ложбины зафиксированы остатки вала в виде дуги длиной 101,8 м, оба конца которого соединяются с валами в ложбине. От южной части ложбины на восток шел вал длиной 41 м. После нескольких десятков метров пустого пространства, на самом мысу, сохранился отрезок вала 7 м длиной, ориентированный в направлении юго-запад – северо-восток. Затем он резко поворачивает на северо-запад и огибает северо-восточный край острова (длина 30 м). На отрезке в 39 м вал прослеживается в виде отдельных камней. В северной части острова находится глубокий овраг шириной 10 м, в котором тоже заметны остатки вала.

71. Корписелькя²² Кирконкюля Линнамяки находится на поле к северу от церкви. Остатки каменных стен в виде четырехугольной формы плохой сохранности.

Итак, не все возвышенности, носящие топонимы линнавуори и линнамяки, хорошо исследованы. Но в большинстве своем они не привязаны к археологическим объектам, нагромождение камней на них могли быть естественными. Однако некоторые из них действительно служили убежищами на случай опасности. Другие использовались в качестве хозяйственных объектов для загона скота, например, Мякисало (№ 66), Анттиланниеминен линна (№ 63) и т. д. Но только в северо-западном Приладожье, на территории, заселенной летописной корелой, изучены археологические памятники – городища, содержащие культурные остатки, позволяющие охарактеризовать разностороннюю материальную культуру средневекового населения на длительном историческом отрезке времени: Тиверск, Хямеенлахти, Лопотти, Соскуа, Паасо.

Сокращения

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М[осква]

SM – Suomen Museo. Helsinki

SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Appelgren Hj. Suomen muinaislinnat // SMYA. N 12, 1891.
- ² Rinne J. Suomen keskiaikaiset mäkilinnat. Helsinki, 1914.
- ³ Europaeus A. Paavolan pitäjän "jättiläiskirkot" // SM, 1913, n. 20. S. 80–91.
- ⁴ Tallgren A.M. Suomen esihistorialliset ja ajaltaan epämääräiset kiinteät muinaisjäännökset. Helsingfors, 1918. S. 28.
- ⁵ Ailio J. Ovatko Pohjanmaan "jättiläislinnat" muinaisjäännöksiä? // SM, 1922, n. 29.
- ⁶ Ailio J. Tuuloksen muinaislinnat // SM, 1924, n. 31.
- ⁷ Voionmaa J. Uusi muinaislinna Vesilahdelta // SM, 1937, n. 44. S. 47–50.
- ⁸ Luoto J. Liedon Vanhalinnan mäkilinna // SMYA, 87.
- ⁹ Pohjakallio L. Suomen, erikoisesti Lounais-Suomen muinaislinnoista. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. 1973.
- ¹⁰ Taavitsainen J.-P. Ancient Hillforts of Finland, 1990.
- ¹¹ Hakulinen L. Linna // Kalevalanseuran Vuosikirja. Porvoo, Helsinki, 1949, N 29. S. 33–40.
- ¹² Taavitsainen J.-P. Op. cit. P. 221.
- ¹³ Нумерация памятников соответствует нумерации на рисунке.
- ¹⁴ Иппо Б. Б., Турчанинов Н. Н., Штин А. Н. Карельский перешеек. Л., 1962. С. 194.
- ¹⁵ Uino P. Ancient Karelia // SMYA 104. Helsinki, 1997. S. 241–242.
- ¹⁶ Ibid. S. 214.
- ¹⁷ Спиридонов А. М. Городища-убежища древней корелы // КСИА. 1987. № 190. С. 49–51.
- ¹⁸ Uino P. Op. cit. S. 334.
- ¹⁹ Ibid. S. 328.
- ²⁰ Ibid. S. 336.
- ²¹ Спиридонов А. М. Указ. соч. С. 50–51.
- ²² Аппельгрэн упомянул две линнамяки, но одна осталась на финляндской стороне и называется Тууповаара (см.: Uino P. Op. cit. S. 242).

К. К. Логинов
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Этнографические зоны и этнические границы в Карелии

Единственной этнографической картой Карелии на сегодняшний день является карта, опубликованная Д. А. Золотаревым в 1927 году¹. На ней изображено расселение народов в Карелии, пока они еще проживали на территориях своего традиционного расселения. Эта карта, во многих отношениях замечательная, не отображала и не могла отображать реалии, к открытию которых специалисты пришли в более позднее время. Например, границы расселения групп, называемых ныне субэтническими. Карта, в силу ограниченности наносимых на нее сведений, не могла также отображать и некоторые иные параметры этнографического зонирования Карелии. Сведения об этнографических зонах Карелии мы изложим в виде текстового материала, а сведения о субэтнических и этнолокальных группах сопроводим соответствующей картой-схемой.

В XIX в. в России профессиональных этнографов с узкой специализацией никто не готовил, этнографические исследования в Олонецкой губернии производили люди в лучшем случае с классическим историко-филологическим образованием. По большому счету начало такого рода исследованиям положили работы П. Н. Рыбникова. Он опубликовал не только былины и другие фольклорные материалы, но и, например, такую статью, как «Этнографические заметки о заонежанах»². Работы этнографического содержания публиковались Е. В. Барсовым³, В. Н. Майновым⁴, Г. И. Куликовским⁵ и некоторыми другими исследователями. Учеными XIX в. была проделана определенная работа по этнографическому зонированию, результаты которой и сейчас еще используются исследователями. Олонецкую губернию они именовали «Олонией», а ее жителей – «олончанами», вне зависимости от национальной принадлежности. Тот же подход ими исповедовался и тогда, когда они писали об Обонежье и «обонежанах»⁶. Обонежье в трудах дореволюционных авторов выступало как центральная этнокультурная провинция Олонецкой губернии, за пределами которой оставались только карелы Олонецкого уезда и русские Каргопольского уезда. При более детальной градации населения Олонецкой губернии дореволюционные авторы использовали производные термины от существовавшего тогда административно-территориального деле-

ния по уездам: пудожане, повенчане, вытегоры, каргополы. Производным термином для обозначения населения Петрозаводского уезда не пользовались, чтобы не возникало путаницы с обозначением населения города Петрозаводска. Да и названия «лодейнопольцы» применительно к жителям Лодейнопольского уезда тоже не возникло. В обоих случаях этнографы и краеведы вели речь о населении Петрозаводского или Лодейнопольского уездов. Совершенно отдельно, под именем «заонежан», выделялось русское население Заонежского полуострова⁷. Имелось также название «даниловцы» для старообрядческого населения Даниловской волости, а область их расселения иногда именовалась Выгорецией⁸ или Сюземкой⁹. Таким образом, дореволюционные исследователи не только ввели в употребление (научный оборот) существовавшие тогда в Олонецкой губернии этногеографические понятия (Олония, Обонежье и др.), но и указали на две группы русских, обладающих заметно выраженной спецификой этнической культуры и этнического самосознания (заонежан и даниловцев).

Географические и этногеографические зоны Карелии. В результате административных преобразований начала 1920-х гг. в состав Автономной Карельской ССР не вошли территории Каргопольского, Вытегорского и Лодейнопольских уездов бывшей Олонецкой губернии, зато был присоединен Кемский уезд, ранее входивший в Архангельскую губернию. Окончательно нынешний свой вид на карте Карелия обрела лишь в 1947 г. в точном соответствии с Парижским мирным договором за счет территорий, входивших в период между двумя мировыми войнами в состав Финляндии. Территорию с удлинненным с юга на север силуэтом стало удобно разделять на три **географические зоны** – Южную, Среднюю и Северную Карелию. Граница между Южной и Средней Карелией проходит по параллели чуть севернее г. Медвежьегорска, а между Средней и Северной – к северу от озера Выгозеро. Для специалистов в области традиционной культуры эти зоны Карелии выступают также и в качестве **этногеографических зон**, поскольку для каждой из них характерна определенная специфика в ведении хозяйства проживающего в ней населения, в календарной смене одного вида деятельности на другой и т. д. Однако этническим единством эти зоны не обладают. На западе каждой из них традиционно проживали карелы, на востоке – русские (а в южной части Онежского озера – также и вепсы).

Этнокультурные провинции Карелии. Этнокультурные провинции всегда уже, чем этногеографические зоны. Специальных работ, в которых бы научно обосновывалось выделение той или иной этнокультурной провинции Карелии, не существует. Представления о них среди карельских фольклористов и этнографов сложились во многом стихийно.

Можно утверждать, что только в одном случае этнокультурная провинция Карелии, а именно Пудожье, территориально совпадает с границами районного административно-территориального образования. Обычно же в основе выделения этнографами и краеведами той или иной территории в этнокультурную провинцию Карелии лежит притяженность территорий к самым крупным и значимым географическим объектам Карелии. К таковым относят обычно Поморье (Карельское Поморье), Выгозерье¹⁰, Заонежье, Прионежье и Приладожье. При этом Пудожье, Заонежье и Прионежье в этнографических работах, как и в работах исследователей XIX века, нередко объединяются в более крупную провинцию – Обонежье, а Приладожье, наоборот, подразделяется на Северное и на Восточное. Менее масштабные территории Карелии, названия которых тоже связываются с географическими объектами в Карелии (Сегозерье, Сязозерье, Водлозерье и т. п.), в качестве этнокультурных провинций Карелии в трудах этнографов и краеведов не выступают.

Здесь следует обязательно отметить, что по поводу понятий «Обонежье», «Прионежье» и «Заонежье» представители разных исторических школ и исторических дисциплин современной России допускают серьезные разночтения. Этнокультурную провинцию Карелии, выше поименованную нами как «Обонежье», московские археологи именуют «Прионежьем»¹¹. Исследователи Карелии предпочитают исторически «новгородский» взгляд на данную проблему: Прионежье – это территории, прилегающие к Онежскому озеру с юга, а Заонежье – это территории «за Онежском озером»¹². Только археологи Карелии эту область нашей республики именуют то «Прионежьем»¹³, то «Обонежьем»¹⁴. Не менее серьезные разночтения имеются и по поводу понятия «Заонежье». Этнографы, фольклористы и музыковеды используют узкое понятие Заонежья, как собственно территории Заонежского полуострова, населенной русскими, которые называют себя «заонежанами»¹⁵. Историки в это понятие обычно включают обширные территории бывших Заонежских погостов Обонежской пятины Великого Новгорода¹⁶, имевших выход даже к Белому морю. На этой основе среди историков бытует убеждение, что русская часть Карелии к северу от Онежского озера состоит всего из двух исторических областей – Заонежья и Поморья¹⁷. Это верно в принципе, но применять исторический стереотип к реалиям XIX – начала XX в., считать их этнокультурными провинциями есть большое заблуждение и ошибка.

Субэтнические и этнолокальные группы Карелии. Субэтнические (в том числе и этнолокальные) группы выделяются этнографами с позиций этничности. Этничность проявляется, прежде всего, как этническая самоидентификация¹⁸, т. е. личное отнесение индивида к тому или иному на-

роду или его группе. В отечественной этнологии существует широкое и узкое понятия об этнографической группе. Среди русских, например, «крупнейшими этнографическими группами» считаются северные и южные русские (с соответствующими окающими и акающим диалектами)¹⁹, а среди них выделяются более мелкие этнографические группы. Все они обладают, как правило, общерусским самосознанием. Группы с более ярко выраженным этническим самосознанием, с подачи отечественного автора «теории этноса» Ю. В. Бромлея²⁰, принято именовать «субэтническими». Их характеризует наличие общего самоназвания, общая солидарность и оппозиционная выделенность и некоторые другие признаки. Ныне «теория этноса» подверглась основательной критике, если не ревизии²¹, но выявление этнографами все новых и новых субэтнических групп среди народов России продолжается. Наиболее удачное определение субэтнической группы принадлежит вовсе не Ю. В. Бромлею, а продолжателю его дела и соратнику В. И. Козлову. Субэтнические общности им были определены как «общности людей, составляющие часть этноса, занимающие компактную территорию и обладающие в силу этого культурной и языковой спецификой и элементами самосознания этнического»²². Наиболее крупным субэтносом на Русском Севере считаются русские поморы, в среде которых этнографами выделяется еще несколько более мелких групп, обладающих «элементами самосознания этнического», в том числе собственно поморы, «усть-цылемцы», «пустозеры»²³. Подобные мелкие субэтнические группы, уже в начале XXI в., в России стали именовать «этнолокальными»²⁴. Общее определение понятия «этнолокальная группа» нами было сформулировано в докладе на «Мавродинских чтениях 2008». Здесь мы его лишь воспроизведем, не вдаваясь в доказательную базу: *«Этнолокальной является субэтническая группа наименьшей таксономической величины (в составе крупной субэтнической либо этногеографической группы), название либо самоназвание которой связано с наиболее значимым географическим объектом на территории ее расселения, члены которой обладают ясным осознанием границ расселения группы и собственным протонародным наречием»*. Добавим также, что в качестве дополнительных признаков, по которым члены этнолокальной группы себя выделяют среди окружающего населения, могут также выступать особенности конфессиональной принадлежности, отдельные черты материальной и духовной культуры, специфически местные черты в исполнении народных песен, былин (у северных русских), народных танцев и т. д.

Исходя из приведенных определений субэтничности и этнолокальности, попытаемся выявить субэтнические и этнолокальные группы среди

коренных народов Карелии. При этом будем всегда иметь в виду самое главное: те и другие считают себя несколько обособленными (по особенностям местного говора и по самоназванию) от групп этнически родственного населения, но представители этнолокальной группы ясно осознают границы расселения собственной группы, чего не бывает в крупной субэтнической группе.

Карелы, так уж распорядилась история, к XIX – началу XX в. оказались расселенными дисперсно в Финляндии, Олонецкой, Архангельской, Тверской, Новгородской и других губерниях России. Карельский этнолог Е. И. Клементьев полагает, что карелы Карелии могут претендовать на то, чтобы именоваться карельским народом²⁵, поскольку лишь они компактно проживают на территории, часть которой является также и территорией исторического формирования карел. Мы бы не согласились с такой трактовкой, поскольку территория Приладожья между Невой и Воукой, где зарождался карельский этнос, расположена вне современной Карелии, да и Северное Приладожье, где шло формирование карел в более поздние эпохи, вошла в состав Карелии после 1947 г. К тому же карелы, где бы они ни проживали, это все те же карелы, образующие единый карельский этнос вместе с карелами Карелии. Используя современную терминологию этнических исследований, карел Карелии следует именовать этногеографической группой²⁶ карел. Русские Карелии в этом плане представляют собой этногеографическую группу северных русских, а прионежские вепсы – этногеографическую группу северных вепсов.

Карелы Карелии состоят из трех групп, привычно именуемых в этнографии «этноязыковыми» группами карел. Это «приладожские» карелы-ливвики (самоназвание – *livgiläine, livviköi*), «прионежские» карелы-людики (самоназвание – *lüüdiläine, lüüdikoi*) и собственно карелы (самоназвание – *karjala*)²⁷. Ливвики и людики, в отличие от собственно карел, за пределами Карелии не проживали. Наличие самоназвания у всех трех групп карел Карелии указывает на то, что представители этих групп выделяли себя среди родственного карельского населения на этническом уровне. Территории расселения ливвиков, людиков и собственно карел хорошо известны специалистам²⁸. В каждой из этих групп имеются более мелкие, причем этнолокальные группы.

Среди собственно карел под римской цифрой I на нашей карте-схеме отмечена этнолокальная группа сегозерских карел, русское название которой, «сегозерцы», со стороны русских идет от русского же наименования главного озера на территории расселения данной группы. Карельское самоназвание ее «лаппи» («*lappi*»), а название со стороны других карел – «*lapalažet*»²⁹. Группа сформировалась на основе саамского этнического

компонента, перекрытого тремя последовательными (по Д. В. Бубриху³⁰) волнами карел-переселенцев. Территории распространения сегозерского говора и география расселения сегозерцев в точности совпадают, охватывая четыре из семи бывших «лопских» погостов. Численность «этнолокальной» группы сегозерских карел на 2005 г. составляла 4684 человека.

Среди ливвиков под цифрой II на нашей карте-схеме отмечена этнолокальная группа сямозерских карел. Название ее на русском языке уже с XIV в. звучит как «сямозерцы», происходит оно от имени самого обширного озера на территории расселения сямозерцев. Название озера Сямозеро на карельском языке звучит как «Сямярви» («Sjämjärvi»), что может переводиться как «Саамское/лопарское озеро»³¹. Самоназвание сямозерцев «сямярвилайжет» («sjämjärviläižet») совпадает с названием их со стороны соседних карел. Этническими компонентами в составе группы «сямозерцев» были саамы, в южной и восточной части Сямозерья – древние вепсы, а также карелы ливвики. В качестве самостоятельной «этнолокальной» группы сямозерцы сформировались не позднее XIX века. Численность группы на 1905 г. составляла 6361 человек. Территория распространения сямозерского говора примерно на четверть шире, чем территория расселения собственно «сямозерцев»³². При этом жителей округи Нялмозера, разговаривающих на одном с ними говоре, сямозерцы к представителям собственной группы не относят. Существованию их в качестве «этнолокальной» группы тоже пока ничто не угрожает.

Под цифрой III, рядом с сямозерцами, на нашей карте-схеме обозначена этнолокальная группа «ведлозерцев», название которой на русском языке ведет свое происхождение от самого крупного озера округи Ведлозера. На карельском языке самоназвание «ведлозерцев» звучит как «висльдярвилайжет» («vielldjärviläižet»), что совпадает с названием со стороны соседних карел. Ведлозерцы пока недостаточно исследованы в этнографическом отношении. Автору на Ведлозере удалось собирать этнографические сведения всего лишь в течение одного дня³³. Однако точно можно сказать, что, подобно сямозерцам, они особо выделяют себя из общей среды карел-ливвиков, считают себя если не «пупком» земли карельской, то уж «солью земли ливвиковской» – это точно. Негласное соперничество сямозерцев и ведлозерцев сохраняется и по наши дни, поддерживая высокую степень их этнической самоидентификации. В 1905 г. численность ведлозерцев составляла 2179 человек.

На территории же расселения ливвиков под цифрой IV на карте-схеме обозначена этнолокальная группа карел «михайловцев», которая в языковом отношении ливвиковской не являлась. Михайловцы разговаривали и

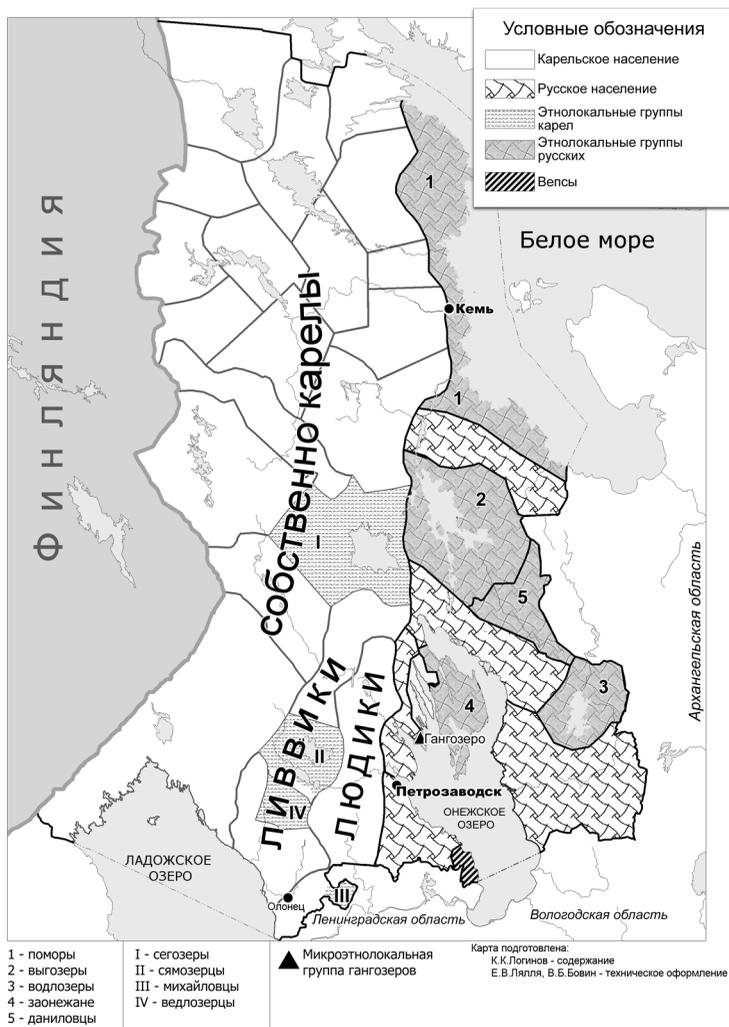
разговаривают ныне на людиковском наречии. Русское название группы идет от наименования их главного поселения – села Михайловское. В средние века жителей этой округи называли «лояницы» по названию Лояозера, вокруг которого располагались их селения. Скорее всего, нынешнее русское обобщенное название группы возникло от названия главного храма поселения – церкви Михаила Архангела. В XIX – начале XX в. территория «этнолокальной» группы михайловцев административно входила в состав Неккульской волости, занимая ее северную оконечность. Карельское самоназвание группы михайловцев звучит как «куярвилайжет» («kuujarviläizet»), совпадает с названием со стороны соседних карел. Оно восходит к названию самого крупного водоема на земле михайловцев. От олонецких карел автору доводилось слышать (правда, на русском языке) современную кличку михайловцев – «*михайловские евреи*». При этом их не считают совсем уж инородцами либо какими-то хитрыми-прехитрыми людьми. Считается, что михайловцы странновато говорят, странновато одеваются (в балахонах ходили в быту, а не только на работу), странновато хоронят своих умерших (в лаптях, а не в кожаной обуви) и т. д. Общая численность михайловцев в 1905 г. составляла 1564 человека.

Как видим, на территории расселения каждой из трех групп карел Карелии имелись этнолокальные группы. При этом ливвики и людики, исходя из выше приведенных определений, совершенно точно могут быть поименованы не «этноязыковыми», а субэтническими группами.

К числу субэтнических групп русских в Карелии могут быть причислены только поморы³⁴, основным занятием которых было не ведение крестьянского хозяйства, а морское рыболовство и промысел морского зверя. В Карелии поморы занимали приморскую область от селения Кереть на западе до села Нюхча на востоке, что и отражено на нашей карте-схеме (рис., 1). Характерной чертой данной этнографической группы является исключительно высокая степень этнической самоидентификации. Например, во время проведения последней переписи населения России (2002 г.) свыше 8 тысяч человек назвали себя «поморами», хотя все они, безусловно, являлись русскими. В Карелии поморы представлены лишь одной этнолокальной группой «*собственно поморов*», считавших себя этнической элитой на фоне поморов с берегов Кандалакшской губы или с Терского берега от Умбы до Поноя. Первых они пренебрежительно именовали «губянами» и «пяккой», вторых – «герчанами» и «роканами», за их отличное от собственно поморов происхождение³⁵. Формироваться в качестве русскоязычной группы собственно поморы начали в XVI–XVII вв.³⁶ На 1859 г., по нашим подсчетам, собственно поморов на территории современной Карелии проживало до 11 тыс. человек³⁷. Причисляли себя к поморам, но

не признавалось за таковых поморами представители *территориально-локальной группы*, расселенной в континентальной полосе Карелии между областью расселения поморов и выгозеров. Поморы именовали их «леса» или, описательно, «живущие в „лисях“». Это население вело крестьянский образ жизни, участвовало в поморских промыслах лишь в качестве наемных работников.

Этнолокальные группы Карелии

На путях проникновения русских из Обонежья в Поморье через Сегозерье сформировались еще две этнолокальные группы Карелии – «заонежане» и «выгозеры» (на карте-схеме под цифрами 2, 4). Обе группы формировались под непосредственным и сильным языковым и культурным влиянием соседнего карельского населения, а окончательное обрусение дославянского этнического компонента в составе заонежан и выгозеров произошло не позднее середины – второй трети XIX в.³⁸ Это самым серьезным образом сказалось на народном наречии обеих групп, на их этническом самосознании и на специфике традиционной культуры, отдельные элементы которой (тип лодки, тип выездной дуги и др.) стали восприниматься в качестве этнодифференцирующих признаков. На 1905 г. численность выгозеров составляла по нашим подсчетам 1869 человек, а заонежан – 27911³⁹.

С востока к территории расселения выгозеров примыкала территория расселения группы «даниловцев» или «выговцев» (на карте-схеме под цифрой 5), самоназванием которой было «Боговы дети»⁴⁰. Группа сформировалась на основе самых различных этнических элементов из разных областей России, включая и Карелию. Объединялась данная группа в единое целое на основе этноконфессиональной общности старообрядцев. Возникла она в конце XVII и просуществовала до последней трети XIX в. За это время крестьянское население Выгореции сформировало яркую и самобытную культуру, достаточно резко отличную от культуры крестьян соседних территорий⁴¹. После выселения в 1854 г. большей части даниловцев в Сибирь на освободившиеся земли старообрядцев были переведены крестьяне соседних районов Олонецкой и из Псковской губернии⁴². Среди них и растворились постепенно члены группы «даниловцев». Уже в 1872 г. старообрядческая молодежь в Даниловской волости больше не спорила о сущности троичности, а «тянула тютюночку и водочку. Последнюю, правда, по малости»⁴³. Местные женщины-старообрядки, правда, еще не одно поколение сохраняли обычай одеваться в одежды черного цвета и носить на голове монашеский клобук. Этноконфессиональные группы далеко не всегда можно причислить к этнолокальным, но в случае с даниловцами это вполне оправдано. Если до разорения 1854 г. Даниловской обители в одном только Данилове проживало до 1000 человек, то в 1905 г. во всей волости числились всего 1033 человека. Но это была уже не этнолокальная, а *административно-локальная группа* даниловцев.

В восточной Карелии, в Пудожье, на путях проникновения русских из Обонежья в Поморье по рекам Водле, озеру Водлозеро и рекам Илексе и Нюхче сформировалась еще одна этнолокальная группа русских Карелии, а именно «водлозеры» (на карте-схеме под цифрой 3). Группа сформировалась на основании преимущественно древневепсского этнического

компонента, разбавленного русскими выходцами из Новгородско-Псковских земель и представителями низовской («московской») колонизации. Карельский этнический компонент в группе водлозеров присутствовал, но в весьма небольшой доле. Не исключено, что в качестве «этнолокальной» группы выступали еще предки современных водлозеров в те времена, когда былой ареал расселения в Пудожье преимущественно древних вепсов был разорван продвижением русских переселенцев, в результате которого дославянское население Водлозерья оказалось в иноэтничном окружении. Самоназвание и название группы («водлозера») стали совпадать у данной группы к концу XIX в. Старое самоназвание звучало как «озера». Эта этнолокальная группа, как и вышеперечисленные, обладала компактной территорией расселения, особым местным говором и особенностями певческой культуры, специфическими элементами традиционной бытовой культуры, воспринимаемыми водлозерами в качестве этнодифференцирующих признаков, и т. д.⁴⁴ Численность ее на 1905 г. составляла 2810 человек.

К югу и к востоку от группы водлозеров были расселены «пудожане». Это русское население с административно-локальным самосознанием. С. А. Токарев в свое время назвал пудожан «аморфной» группой северных русских⁴⁵. Пространство между выгозерами, даниловцами, заонежанами и пудожанами в XIX – начале XX в. занимала территориально-локальная группа русских, именовавших себя «сюземцами»⁴⁶. Через данное самоназвание ее представители выражали близость собственной конфессии к истинному Сюземью, т. е. Данилову, но этнолокальную группу они не составляли и не претендовали на это. Восточный конец зоны расселения сюземцев занимал северную часть современного Пудожского района. Не имели своего самоназвания и названия со стороны других групп русские, проживавшие в западном Обонежье, а также русские, проживавшие в узкой полосе вдоль восточного берега Повенецкого залива Онежского озера. Пространство расселения последних было столь узким, что мы даже не смогли его отразить на нашей карте-схеме.

В качестве *микротнолокальной группы* русских на территории Карелии автор может указать пока лишь «гангозеров». На нашей карте-схеме она обозначена темным треугольником. Согласно семейному преданию, записанному нами от одного из жителей Гангозера, их деревня была основана четырьмя казаками и одним русским старообрядцем, сосланными на поселение на озеро Гангозеро в правление Екатерины Великой⁴⁷. Чтобы не утратить свою веру и этническую самоидентификацию, мужчины-гангозеры в жены всегда брали девушек у соседних карел, а дочерей выдавали замуж за русских Заонежья. Наш информант, например, в 1986 г.

никак не хотел признать себя русским, упорно стоял на том, что он «казак». В качестве самоназвания своей группы он указал нам слово «гангозер». В работе Н. В. Дранниковой приводится несколько иное групповое самоназвание жителей данной деревни – «*чистые воды*»⁴⁸. Она связывает его с исключительной чистотой вод в озере Гангозеро. Здесь, однако, может быть и иносказательное толкование самоназвания, которое отражает представление жителей Гангозера о самих себе как о людях духовно чистых, с не замутненной ничем правильной верой в Бога.

В качестве этнолокальной на нашей карте-схеме отмечены также и прионежские (*шелтозерские*) вепсы. Шелтозерские вепсы представляют собой этнолокальную группу в составе северных вепсов. Сформировалась она после того, как сплошной ареал расселения вепсов от западного до восточного Обонежья был разорван. Даже в XIX в. он простирался от д. Уя (расположенной в 28 км от г. Петрозаводска) до с. Вознесенье в истоке реки Свири из Онежского озера⁴⁹. Дославянское население Прионежья, исключая самую южную его часть с гористым рельефом, было ассимилировано волнами русских колонистов. В результате данных процессов прионежские (шелтозерские) вепсы очутились в иноэтничном (русском) окружении. Ныне шелтозерских вепсов русские именуют просто «вепсами». Самоназвание их – «людилайне» («*lüdiläine*»), т. е. тот же самый русифицированный этноним, которым себя называют и карелы-ливвики⁵⁰. Ареал расселения вепсов отображен на нашей карте-схеме под цифрой V. В шутку территорию расселения вепсов в современной Карелии называют «Шелтозерской Индией». В 1905 г. вепсы Прионежья компактно проживали на территории Шелтозерско-Бережской волости и их численность составляла 9122 человека.

В заключение статьи укажем, что карта-схема подготовлена при активном участии и содействии сотрудницы Петрозаводского университета Е. В. Ляля и сотрудника Института ЯЛИ КарНЦ РАН В. Б. Бовина. На ней учтены и материалы этнографической карты Д. А. Золотарева. При надлежащей технической поддержке наши данные вполне могли бы быть помещены на карту, выполненную целиком на основе карты Д. А. Золотарева. Это был бы новый, вполне современный, научно выверенный источник по этническим границам Карелии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. Л., 1927. Карта 1.

² Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах // Памятная книга Олонекской губернии на 1964 год. Ч. 2. Петрозаводск, 1965. С. 1–37.

³ Барсов Е. В. Из обычаев обонежского народа (этнографические заметки) // Олонецкий сборник. Вып. II. Ч. II. Петрозаводск, 1875. С. 130–144 и др.

⁴ Майнов В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.

⁵ Куликовский Г. И. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898 и др.

⁶ В наши дни работы такого рода буквально единичны. См.: Логинов К. К. Обонежские ритуалы срубания дерева // Живая Старина. 2000. № 3. С. 11–13; Он же. Традиционные и современные «маги» и народные целители в Обонежье (рукопись монографии). Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ), ф. 1, оп. 6, д. 709.

⁷ Рыбников П. Н. Указ. соч. С. 1–37.

⁸ Майнов В. Н. Указ. соч. С. 192–220.

⁹ Раткевич К. И. Жильбер Ромм и его «Путешествие к Белому морю в 1784 г.» // НА КарНЦ, ф. 1, оп. 20, д. 243, л. 14, 36 и др.

¹⁰ Единственным исследователем, заявившим в печати о существовании Выгозерья как особой этнографической провинции Карелии, расположенной между Заонежьем и Поморьем, оказалась пока С. И. Воробьева. См.: Воробьева С. И. Крестьянские намогильные памятники Заонежья и Поморья // Заонежье. Петрозаводск, 1992. С. 160–171.

¹¹ Напр.: Ошибкина С. В. Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

¹² Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 360–369.

¹³ Спиридонов А. М. Северное Приладожье и Прионежье в X–XV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

¹⁴ Спиридонов А. М. Административно-территориальные границы Обонежья в эпоху средневековья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. С. 352–359.

¹⁵ Крестьянское искусство СССР. 1927. Искусство Севера – Заонежье. Т. 1. Л., 1927; а также: Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993; Калашникова Р. Б. Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск, 1999; Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 2001; Песни Заонежья в записях 1980–1980-х годов / Составление, предисловие и примечания Т. В. Краснопольской. Л., 1987 и др.

¹⁶ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; а также: Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1961; Витов М. В., Власова В. И. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974 и др.

¹⁷ Витов М. В., Власова В. И. География сельского населения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974.

¹⁸ Александренков Э. Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 20–22.

¹⁹ Народы Европейской части СССР. Т. 1. М., 1964. С. 43; а также: Очерки общей этнографии. Европейская часть / Под ред. Толстова С. П., Чебоксарова Н. Н., Чистова К. В. М., 1968. С. 63 и др.

²⁰ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981; он же. Очерки теории этноса. М., 1983; он же. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987; Этнография / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М., 1987.

²¹ Элез А. Й. Критика этнологии. М., 2001; а также: Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследование по социально-культурной антропологии. М., 2003 и др.

²² Козлов В. И. Субэтническая группа // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 466.

²³ Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С. 31; а также: Бузин В. С. Этнография русских. Учебное пособие. СПб., 2007. С. 79 и др.

²⁴ Подробнее см.: Логинов К. К. Русские Водлозерья как этнолокальная группа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. СПб., 2007. С. 256–261.

²⁵ Клементьев Е. И. Карелы. Karjalaižet. Этнографический очерк. Петрозаводск, 1981.

²⁶ Термин был предложен Т. А. Бернштам. См.: Бернштам Т. А. Введение // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 5.

²⁷ Никольская (Тароева) Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 5–6.

²⁸ См. там же, рис. на с. 9.

²⁹ Никольская Р. Ф. Введение // Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века. Л., 1981. С. 4.

³⁰ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

³¹ Там же. С. 18.

³² Логинов К. К. Сямозерье как территория расселения этнолокальной группы карел // Сямозерские чтения (доклады, материалы). Петрозаводск, 2006. С. 61–64.

³³ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 628, л. 123–128.

³⁴ Громов Г. Г. Восточнославянские народы // Очерки по этнографии народов СССР (Европейская часть). М., 1962. С. 9–12.

³⁵ Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978; она же. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века. Л., 1983. С. 59, 77–78.

³⁶ Бернштам Т. А. Поморы... С. 70.

³⁷ Списки населенных мест Российской империи. 1. Архангельская губерния. СПб., 1861. Подсчитанная нами цифра 11682 человека не точна. Карел из карельского села Сеностров, конечно же, в эту цифру мы не включили, но и не смогли из нее исключить тех, кто пребывал здесь временно на военной или чиновничьей службе, а также не местного происхождения духовенство со всеми их чадами и домочадцами.

³⁸ Майнов В. Н. Указ. соч.; Логинов К. К. Являются ли «заонежане» локальной группой русских? // Советская этнография. 1986. № 2. С. 91–95; Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонезья (конец XIX – начало XX века.). СПб., 1993.

³⁹ Здесь и далее все подсчеты мы вели, исходя из данных «Списка населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год» (Петрозаводск, 1905).

⁴⁰ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 50, д. 957, л. 2–3.

⁴¹ Майнов В. Н. Указ. соч. С. 196–220.

⁴² Там же. С. 198.

⁴³ Там же. С. 214.

⁴⁴ Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.

⁴⁵ Токарев С. А. Указ. соч. С. 31.

⁴⁶ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 6, д. 401, л. 3–4.

⁴⁷ НА КарНЦ, ф. 1, оп. 50, д. 964, л. 19–21.

⁴⁸ Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск, 2004. С. 49.

⁴⁹ Винокурова И. Ю. Прионежье: этническая история ареала // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. С. 310–324; Она же: Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1996. С. 8–9.

⁵⁰ Муллонен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 345.

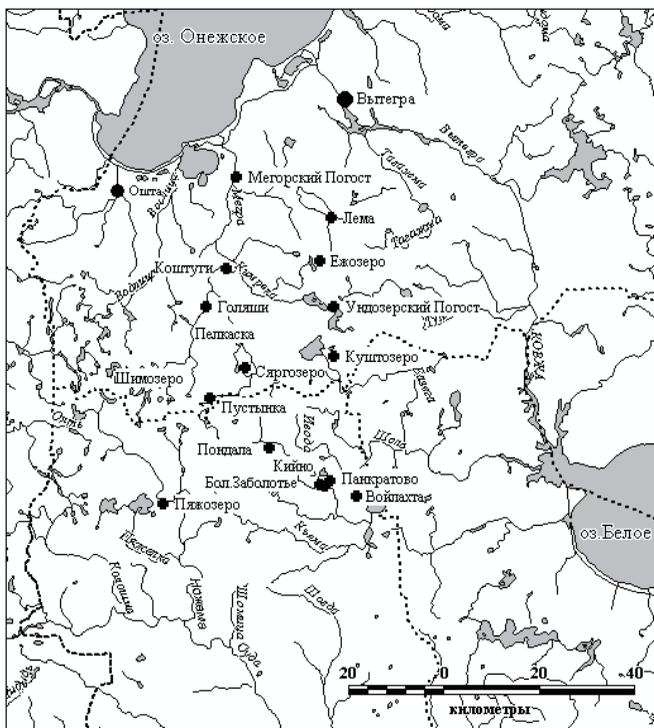
И. Ю. Винокурова
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Вепско-карельско-русские контакты в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии)*

На формирование культуры любого народа, ее дифференциацию и историческую традицию большое влияние оказывают этнокультурные контакты. Наиболее активными они бывают в зонах межэтнического пограничья. При изучении локальных вариантов севернорусской и вепской культур особый интерес вызывает этноконтактная зона, расположенная по обе стороны теперешней административной границы Бабаевского и Вытегорского р-нов Вологодской обл.¹ Эту зону нам удалось выявить в результате научных экспедиций в 1998 и 2001 гг.² Участники экспедиций побывали в поселениях Куя, Пондала, Пяжозеро Бабаевского р-на и Голяши, Ежозеро, Коштуги, Лема, Сяргозеро, Ундозеро Вытегорского р-на. Собрали сведения о соседних селах Куштозеро, Пелкаска, Пустынка, Шимозеро, опустевших за последние 45 лет (карта 1).

Приезжая в то или иное поселение, мы порою ничего не знали о его национальном составе или имели устаревшие данные о нем. Поэтому работа в любом населенном пункте начиналась с выяснения его современного национального состава, что оказалось делом довольно непростым. Для выполнения этой задачи автор использовала специальную методику, при которой беседа с каждым информантом обязательно включала два вопроса, определяющих: 1) этническую идентификацию человека; 2) идентификацию им данного и соседнего поселения в целом. Ответ на первый вопрос сопоставлялся с данными о возрасте человека, национальной принадлежности его родителей и других родственников, знании им вепского языка. Ответ на второй вопрос дополнялся сведениями о праздничных и брачных связях того или иного поселения. Полученные материалы сравнивались с различными источниками по национальному составу поселений второй половины XIX в.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов «Интеграция» № 5.1-Е0080 и РГНФ проект № 07-01-002549.

Карта 1. Территория обследования

Использованная методика позволила выявить картину происходивших за последние 150 лет изменений конфигурации исследуемой этноконтактной зоны, в которой этническая территория русских неуклонно расширялась за счет ассимиляции некоторых вепских поселений.

В источниках 1865 и 1873 гг. русскими поселениями считались Голяши, Коштуги, Ежозеро, Лема, Ундозеро; вепскими – Пяозеро, Пелкаска, Шимозеро, Куя, Пондала³. Такими же, за исключением Куи⁴, они остались и к настоящему времени.

Одно из первых упоминаний о вепсах Куштозера относится к 1861 г., оно принадлежит финляндскому лингвисту А. Алквисту⁵. В СНМ-1873 Куштозеро указывается как русское поселение. Однако по сообщению П. Бесидникова (жителя с. Кондуши) за 1875 г., «Куштозерский приход есть один из глухих и отдаленных приходов Вытегорского у. и составляет ту **границу** (выделено мной. – *И. В.*), до которой Русское население могло

дойти и утвердиться на земле Чудина, потому что в лесах Новгородской и Лодейнопопольского уезда Олонецкой губерний уже нельзя услышать ни русского наречия, ни увидеть русского обычая». Население Куштозера «по-племени принадлежит к Чуди, всего насчитывается 483 души обоего пола»⁶. П. Бесидников отмечает также изменения, затронувшие в это время национальный состав Куштозерского погоста за счет поселения в нем беглых русских крестьян и солдат, положивших начало обрусению: «Беглые были принимаемы, по всей вероятности, без всякого разбора местным населением и, мало помалу, вносили русский язык и русские обычаи, так что исходом всего было обрусение Чуди: в целом приходе, около полуторасот лет назад, нельзя было найти ни одного человека, понимавшего русскую речь; а теперь всякий понимает и знает, как и родной чудской язык – язык русский, который уже чуть не наполовину вытеснил из употребления язык природный, что очень резко отразилось в дер. Пустоше и Ивачевой»⁷. Последующие исследователи вепского языка считали, что в начале XX в. куштозерские вепсы полностью обрусели⁸. Но по наблюдениям археолога А. Я. Брюсова, еще в 1930-е гг. население Куштозера (д. Илекса) преимущественно говорило по-вепски⁹. В настоящее время с. Куштозеро не существует. О его былом вепском составе говорит этноним *кайбаны*, которым ундозеры вспоминают куштозеров.

В СНМ-1873 Сяргозеро – «чудское» поселение, насчитывающее 187 чел. Еще в 1962 г. языковеды записали здесь красочный рассказ на вепском языке о праздновании у часовни Ильина дня с закланием животных¹⁰. В 1998 г. в Сяргозере проживало 15 чел., из них 3 вепянки, которые вышли замуж за уроженцев этого поселения, остальные считали себя русскими. Вепянки Сяргозера определяли свою национальность по национальной принадлежности родителей, родному языку, «вепскому» месту рождения – Пондале, Пелкаске. Жители Сяргозера, считающие себя «русскими», по происхождению и знанию языка разделились на две группы. В первую группу вошли те, которые имеют родителей вепсов; знают вепский язык, но владеют им хуже, чем русским. На этническое самосознание этих людей явно повлияло устойчивое мнение о престижности русской национальности. Вторую группу составили представители вепско-русских смешанных браков во втором или третьем поколении. Одни из них наряду с русским родным языком владеют и вепским; другие – нет. Видимо, обрусение поселения началось в 20–30-е гг. XX в. Но его темпы замедлялись под влиянием национальной политики советского государства, проводимой в эти годы. Сяргозерский с/с был объявлен национальным. Сяргозерские дети в 1930-е гг. обучались вепс-

скому языку в школе в с. Шимозеро. Население Сяргозера соседние русские жители определяют как *кайванов*, вепсы Шимозерья – как смешанное (т. е. вепско-русское).

Пустынка – «чуждое» поселение с 80 жителями по СМ-1873. По бытующему преданию, здесь, как и в Куштозере, селились беглые солдаты или рекруты: «Сначала раскольники там появились, а потом беглые – должны в армию забрать. Так они уходили с Коштуг, скрывались. А потом смешение»¹¹. В советское время Пустынка относилась к Пелкаскому (вепскому) с/совету. В конце 1950-х гг. (до выселения Пелкаского с/с) здесь также проживало два этноса – вепсы (небольшое число) и русские. Причем последние в большинстве своем являлись представителями смешанных браков в третьем поколении. Так, И. А. Егорова, 1916 г. р., уроженка Пустынки, имела бабушку по материнской линии – вепсянку из с. Шимозеро, вышла замуж за русского в с. Коштуги. В 1998 г. в Коштугах с одной из своих соседок – А. Ф. Калоковой, родом из Шимозера, – свободно общалась на вепском языке. В. О. Егоров, 1928 г. р., родившийся в Пустынке, считал себя русским по национальности. Его бабушка по отцовской линии была из вепского с. Пондала, а родители немного говорили по-вепски.

Процесс обрусения Пустынки, скорее всего, начался на 10–15 лет раньше, чем в Сяргозере. Жителей Пустынки соседнее русское население определяло как *кайванов*, а вепсы Шимозерья – как преимущественно русских.

Итак, на исследуемой территории издавна контактировали два этноса: вепсы и русские. Однако переписная книга по Заонежским погостам (1678–1679) сообщает нам поразительный факт о расселении здесь еще одного прибалтийско-финского народа: в Сяргозере и Шимозерском погосте в XVII в. живут «корельские выходцы»¹². Упоминания о карелах, проживающих на этой территории, к нашему великому удивлению, встречаются и в других источниках более позднего времени. Так, в Национальном архиве РК в делах канцелярии Олонецкого губернатора за 1848 г. языковедом А. П. Баранцевым был обнаружен небольшой рукописный русско-вепский словарь с представленным в нем куштозерским говором вепского языка. Словарь, тем не менее, назывался «Лексикон корельского языка». Он был составлен Вытегорским исправником (предположительно Ларионовым). Загадочное название словаря А. П. Баранцев объяснил следующим образом: «Дислокация Куштозерского погоста и его ближайшее нерусское языковое окружение позволяет предполагать, что куштозерские „корелы“, сведения о которых Ларионов представил губернатору, являлись фактически, конечно, вепсами. В пользу этого

предположения говорит и тот факт, что в своем сообщении Вытегорский исправник никогда не пользуется этнонимом „чудь“. Коренное население своего и Лодейнопольского уездов, где и в настоящее время сохраняются вепские селения, он регулярно именует „корелами“». Поэтому своеобразное употребление Ларионовым терминов „корела“ и „корельский“ не должно вводить нас в заблуждение»¹³. Подобное объяснение согласуется с другим архивным источником, датированным 1870 г., – сообщением А. Ф. Головина из г. Белозерска (автор – 19 лет от роду, сын священника). А. Ф. Головин «инородческое население» Белозерского у. определяет как Чудь и в скобках поясняет «Чухари – Корелы». Он пишет, что «сами себя описываемые инородцы называют чухари, а окружающее славяне называют их карелами»¹⁴.

Имеются и другие свидетельства о *корелах* из этих мест. Одно из них – Н. Богословского за 1865 г. позволяет усомниться в интерпретации, данной А. П. Баранцевым. Н. Богословский сообщает, что среди вепского населения Пондальского прихода бытовало предание, что его основателями были «два человека корельские... Поселились они, по преданию, на том месте, где теперь деревня Малый Берег»¹⁵. В другом месте он пишет: «жители Белозерского у. почти наполовину Корела и Чудь, но успели уже так обрусеть, что свободно объясняются по-русски»¹⁶. Одновременное упоминание в сообщении двух прибалтийско-финских народов не дает нам никаких оснований обвинять его автора в этнографической неграмотности, как это было сделано по отношению к Вытегорскому исправнику. И, наконец, самый поздний обнаруженный нами документ о карелах датируется 1898 г.: корреспондент Тенишевского архива К. Черемхин называет «корелами» население Марковской вол. Белозерского у. Новгородской губ.¹⁷

Столь настойчивые неоднократные «сигналы» о карелах, исходящие из одной местности, на наш взгляд, не случайны. Они заставляют предположить, что на данной территории действительно в XVII в. поселилась группа карел, скорее всего немногочисленная, которая в XIX в. полностью растворилась среди окружающих превосходящих по численности вепсов, оставив в память о себе этноним *корела*. Подтверждением такого вывода могут быть данные о массовых миграциях карел в глубь России, вызванных подписанием унижительного для карельского народа Столбовского российско-шведского мирного договора 1617 г., по которому Корельский у. (Кексгольмский лен) отошел к Швеции. Один из потоков карельских беженцев, двигавшийся в сторону Белозерска, проходил по территории Шелтозеро – Ошта – Шимозерье и, видимо, частично оседал на ней¹⁸. В пользу такого заключения говорит и такой

факт: изучая топонимику Белозерья, А. И. Попов обратил внимание на местное название «Ракольское». Оно, по мнению исследователя, вполне может быть «отражением имени одного из карельских родов (Ракольцы), следы которого упоминаются многими актами XII–XV вв. в разных местах Новгородского Севера»¹⁹.

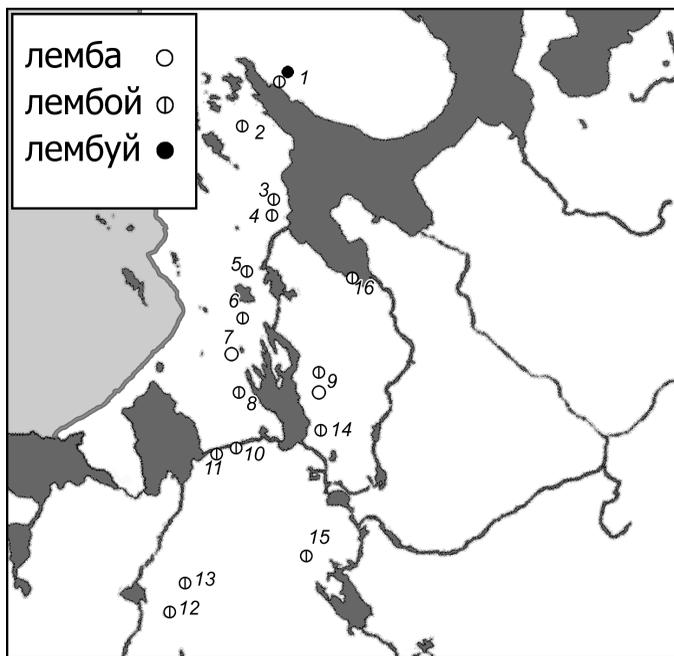
Рассмотрим теперь, как намеченная нами модель этногенеза отразилась на довольно хорошо сохранившейся сфере традиционного мировоззрения – демонологии.

Опрос вепских и русских информантов показал, что для мифологии двух контактирующих этносов были характерны одни и те же достаточно развитые представления о духах-«хозяевах» или, по выражению Е. М. Мелетинского, сильно развитая «религия хозяев»²⁰. В этой ситуации этногенетическое сравнение верований двух народов имеет большую сложность. Как пишет С. И. Дмитриева, «особое значение приобретает рассмотрение конкретных, специфических черт подобных верований и, в частности, названий мифологических персонажей»²¹.

С обрусением вепского населения происходил процесс «перевода» вепских названий мифологических персонажей на русские. Так, в Сяргозере вепсы называют лешего *mecižand*, водяного – *vedenižand*, а обрусевшие вепсы – *хозяин леса, водяной хозяин*, представляющие собой «кальки» с вепских терминов. В с. Коштуги уже появляются русские названия этих духов – *леший, водяной*. На данной территории распространено еще одно табуистическое наименование духа леса: русские Сяргозера называют его *другая половина*, вепсы Сяргозера и Пондалы – *toine pol*: «Степы тетка была. И она скотину ворочала [возвращала]. Так мало ли там бранишь, а ли чё ли подумаешь, либо скажешь, и не придет домой скотина. Так она в лес сходит и скажет, что найдешь. Ето она знала. Она говорила с *другой половиной*. Сказала: „Очень страшная“»²². Такое же название зафиксировано в Шелтозере и Войлахте. Известно оно и у финнов – *toinen puoli*. У вепсов Кривозера бытовало похожее название – *toine čura* ‘другая половина’. О. А. Черепановой также удалось записать среди северных русских термин *другая половина*, но как табу для домового²³. Данные сопоставления свидетельствуют о прибалтийско-финском происхождении этого названия.

В пантеон духов двух контактирующих этносов входит *лембой/lemboi* ‘черт’. Это слово в настоящее время используется как ругательство: «Lemboi sindai ota» / «Черт тебя возьми». На остальной вепской территории, за исключением Озровичей, данный термин не известен. Ю. Калима и М. Фасмер считают его прибалтийско-финским заимствованием²⁴. Однако география этого концепта, составленная

С. А. Мызниковым (см. карту 2)²⁵, и ограниченный вепсский ареал его распространения приводят к выводу о карельском происхождении слова, что вполне согласуется с изложенными выше фактами о карелях, некогда проживавших в данной этноконтактной зоне.

Карта 2. Ареал распространения лексем *лемба*, *лембой*, *лембуй* по данным С. А. Мызникова. Районы, представленные на карте:

- Мурманская область: 1 – Терский;
 Республика Карелия: 2 – Лоухский, 3 – Кемский, 4 – Беломорский, 5 – Сегежский,
 6 – Медвежьегорский, 7 – Кондопожский, 8 – Прионежский, 9 – Пудожский;
 Ленинградская область: 10 – Подпорожский, 11 – Лодейнопольский;
 Новгородская область: 12 – Валдайский, 13 – Окуловский;
 Вологодская область: 14 – Вытегорский, 15 – Кадуйский;
 Архангельская область: 16 – Онежский

Бука/buka – еще одно название мифологического существа, бытующее в вепско-русском пограничье. Имеет русское происхождение²⁶. Используется для запугивания непослушных детей.

В Пондале зафиксированы также представления о персонажах, представляющих периферию вепсской мифологии: *kikimora* – женский дух,

обитающий в подполье дома и связанный с прядением, и *valovnic* ‘баловница’ – дух в облике девушки, населяющий поле. Колыхание колосьев ржи объяснялось в народе игрой баловниц. Оба духа были заимствованы из русского пантеона²⁷.

Таким образом, налицо процесс взаимообогащения мифологическими образами между контактирующими этносами.

С верованиями в духов иного мира тесно связан обряд ряженных. Русские с. Коштуги называют ряженных *окрутники*, шимозерские вепсы – *čudilkad*, куйско-пондальские вепсы – *kudesad*. По сведению обрусевшей вепсянки И. А. Егоровой, *кудесами* называют ряженных карелы. Но в Карелии это название не распространено²⁸. Вполне возможно, что сообщение информанта – след предания о здешних карелах.

Характерной чертой демонологических представлений, бытующих в данной этноконтактной зоне, является парность большинства мифологических персонажей, наделение их не только женами, но и детьми. Феномен парности и семейности – общий признак «низшей» мифологии у всех вепских групп. Параллельные образы характерны и для многих других финно-угорских народов (финнов, коми, мордвы, марийцев). Они отмечаются у северных русских и отсутствуют в южнорусской демонологии²⁹. Данные сопоставления позволяют сделать вывод, что парность и семейность, распространенные в вепско-русском пограничье, представляют собой заимствования из вепской мифологии.

Такое же заключение можно сделать, анализируя русские заклинательные формулы на данной территории. В них, как и в вепских произведениях подобного жанра, обязательно содержится обращение к духу и всем членам его семьи (жене, детям, иногда внукам). Например, в с. Сяргозеро в случае пропажи скота хозяйка обращалась к лешему следующим образом: «Хозяин да хозяйка! Ваши милые детушки! Ваши милые внучата! Нет ли я худо сказала, нет ли я плохо думала. Буде есть ли скотинка у вас, так дайте!»³⁰. В других местах Русского Севера часто можно встретить обращения к одному лешему, например: «Царь лесовой, всем зверям батько, явись сюда!» или «Лесной князь, выдь сюда, помоги моей беде, сам удружу»³¹.

Влияние русского языка способствовало появлению в текстах вепских заклинаний наименований духов на русском языке. Например, от К. И. Кириковой, 1907 г. р., вепсянки из Пелкаски, было записано такое заклинание, которое произносилось при переходе в новый дом: «*Pert'ižandaine, pert'emagaine! Dedad, babad', tatad, mamad, lapsed! Hoz'ain i hozäika! Primkat mindei i minun lapsid (nimed)! Teide sei slavad, a lapsile i miile suf tervhud!*» – «Хозяин избы, хозяйка избы! Дедушки, бабушки, папы, мамы,

дети! Хозяин и хозяйка! Примите меня и моих детей! Вам слава, а детям и мне большое здоровье!»³².

Одними из самых популярных домашних духов среди населения вепско-русского пограничья до сих пор являются «хозяин» хлева и его жена: *хлевный хозяин* и *хлевная хозяйка* – у русских; *lävanižand* и *lävänemag* – у вепсов. Как известно, для вепсской мифологии был характерен развитый мифоритуальный комплекс, связанный с духами хлева³³. В отличие от вепсов, в целом ряде севернорусских мест, не говоря уже о южнорусских, образ хозяина хлева неизвестен, и функция покровителя скота там целиком возложена на домового³⁴.

В обследованных поселениях до сих пор бытуют верования в банного духа и его жену (у русских – *банный хозяин* и *банная хозяйка*, у вепсов – *külbeřižand* и *külbetemag*) и запреты думать о бане как о заразном месте, иначе ее дух, обидевшись, может наслать кожные болезни. Представления о банных болезнях – *külbetäpagan* ‘банная чесотка’, *külbet’kibu* ‘банная болезнь’ характерны для вепсской мифологии. В многочисленной литературе по русской (восточнославянской) народной медицине описание подобных заболеваний отсутствует. Верования в них свидетельствуют о том, что баня среди изучаемого населения рассматривалась как место опасное и нечистое. Следует также отметить, что во всех обследованных поселениях, за исключением Куи и Пондалы, банные обрядовые традиции были достаточно плохо развиты. Дело в том, что бани в этих местах – явление позднее. Еще в 1920-х – 1930-х гг. многие здешние жители мылись и парились в печах. Основным помещением для родов служил хлев, тогда как в Пондале, у карел Карелии и во многих севернорусских деревнях роды обычно происходили в бане³⁵.

Кроме того, в данной этноконтактной зоне, за исключением Куи и Пондалы, не было обнаружено обычая устраивать баню умершему на 40-й день. Такой обычай был распространен у прионежских вепсов и отсутствовал у тихвинских и южных³⁶. Этот еще один факт неразвитости банных обрядовых традиций в этих местах, видимо, имеет вепские истоки. Важная роль родильной и поминальной бани у куйско-пондальских вепсов объясняется карельским или русским влиянием.

Таким образом, в народной демонологии данной этноконтактной зоны прослеживается переплетение вепского, карельского и русского компонентов.

Литература

Баранцев А. П. О рукописном русско-вепском словаре середины прошлого века // *Fenno-ugristika*. Труды по финно-угроведению. 1. Tartu, 1975. С. 43–55.

Бесидников П. Куштозерский приход и озеро Куштозеро // *ОГВ*. 1875. № 68. С. 766–768.

Богданов Н. И. Вепский язык на современном этапе развития // ТКФ. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 76–82.

Богословский Н. Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губ., собранные из описаний приходов и волостей // Новгородский сборник. Новгород, 1865. Вып. 1.

Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994.

Власова М. Н. Русские суеверия. СПб., 1998.

Дмитриева С. И. Русско-финно-угорские связи (по материалам северно-русского фольклора) // Русский фольклор. Межэтнические фольклорные связи. XXVII. СПб., 1993.

Дынин В. И. Русская демонология: опыт выделения локальных вариантов // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 78–91.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969.

Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979.

Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 453–464.

Список населенных мест Российской империи. 27. Олонецкая губерния. СПб., 1879.

Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 95–106.

Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 65–85.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Архивные документы

Головин А. Ф. Иностранческое население Белозерского у. // Архив РГО, ф. 24, оп. 1, № 21.

Черемхин К. Представления о мироздании // Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, № 702.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По административному делению конца XIX в. эта зона охватывала Белозерский у. Новгородской губ. и Вытегорский у. Олонецкой губ.

² В экспедициях по гранту «Интеграция» № 5.1-Е0080 «Комплексное экспедиционное исследование локальных групп вепсов и карел в зоне Волжско-Ладожского водораздела» (рук. В. П. Орфинский) принимали участие архитекторы

ПетрГУ, лингвисты и этнографы КарНЦ РАН, музыковеды Петрозаводской консерватории.

³ Богословский Н. Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губ., собранные из описаний приходов и волостей // Новгородский сборник. Вып. 1. Новгород, 1865; Список населенных мест Российской империи. 1873 г. 27. Олонецкая губерния. СПб., 1879 (далее – СНМ-1873).

⁴ В настоящее время Куя включает три деревни: две вепсские – Кийно и Панкратово и одну русскую – Заболотье.

⁵ Ahlqvist A. Anteckningar i Nord-tschudiskan // Acta Societatis Scientiarum. Fennicae. Helsinki, 1861. N 6. S. 49–113.

⁶ Бесидников П. Куштозерский приход и озеро Куштозеро // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 68. С. 766.

⁷ Там же. С. 767.

⁸ Баранцев А. П. О рукописном русско-вепсском словаре середины прошлого века // Fennou-ugristika. Труды по финно-угроведению. 1. Tartu, 1975. С. 48.

⁹ Богданов Н. И. Вепсский язык на современном этапе развития // ТКФ. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 82.

¹⁰ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969. С. 74.

¹¹ Фонограммархив ИЯЛИ, зап. № 3411/33, записано от В. О. Егорова.

¹² Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 197.

¹³ Баранцев А. П. Указ. соч. С. 47–48.

¹⁴ Архив РГО, ф. 24, оп. 1, № 21, л. 1.

¹⁵ Богословский Н. Указ. соч. С. 221.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, № 702, л. 1.

¹⁸ Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 461 (карта).

¹⁹ Пименов В. В. Указ. соч. С. 198.

²⁰ Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979. С. 17.

²¹ Дмитриева С. И. Русско-финно-угорские связи (по материалам северно-русского фольклора) // Русский фольклор. Межэтнические фольклорные связи. XXVII. СПб., 1993. С. 136.

²² Фонограммархив ИЯЛИ, зап. № 3411/24, записано от Тарасовой М. С., 1922 г. р. с. Сяргозеро, русской.

²³ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 56.

²⁴ Там же. С. 84.

²⁵ Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003. С. 113.

²⁶ Черепанова О. А. Указ. соч. С. 46.

²⁷ Там же. С. 15, 124–128.

²⁸ Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994. С. 45–46.

²⁹ Дынин В. И. Русская демонология: опыт выделения локальных вариантов // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 79.

³⁰ Фонограммархив ИЯЛИ, зап. № 3410/1, записано от Прохоровой А. И., 1914 г. р., урж. с. Сяргозеро, русской.

³¹ Власова М. Н. Русские суеверия. СПб., 1998. С. 298, 305.

³² Фонограммархив ИЯЛИ, зап. № 3411/16.

³³ Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 29–31.

³⁴ Дынин В. И. Указ. соч. С. 82.

³⁵ Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 101; ср.: Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985; Власова М. Н. Указ. соч. С. 35.

³⁶ Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 80.

С. Б. Потахин
КГПУ, Петрозаводск

ШОКШИНСКИЙ ЛАНДШАФТ КАК АРЕАЛ РАССЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ (ПРИОНЕЖСКИХ) ВЕПСОВ

Исторически каждый этнос, каждая этнолокальная группа населения тесно связаны с окружающей их природной обстановкой, с «вмещающим ландшафтом». Этнос либо «подстраивается» под природную среду, либо, например в случае миграции, использует ее под присущие ему традиционные типы природопользования. Русские крестьяне на рубеже XIX–XX вв., перевалив через Саяны в Урянхайский край (Туву), освоили, используя опыт местного населения, ранее неизвестную им систему орошения. Однако успели совершить и множество технологических ошибок, которые привели впоследствии к засолению почв, например, на территории Турано-Уюкской котловины¹. А новгородцы еще в XII–XIII вв. свои навыки в рыбном промысле на Ильмене перенесли сначала на Онего и Водлозеро, а затем и на Белое море.

Нельзя отрицать тот факт, что ландшафтные особенности территории во многом предопределяют типы природопользования. Традиционное природопользование, или ландшафтопользование (по терминологии В. В. Рюмина²), повсеместно подчиняется в первую очередь природно-зональным факторам. Для каждой природной зоны и подзоны характерен свой спектр направлений хозяйственной деятельности местного населения. Некоторые своеобразные виды локальной экономики, например в таежной зоне восточной части Фенноскандии, связаны с наличием морских акваторий, орографических объектов, месторождений полезных ископаемых и других факторов. К ним относятся солеварение и охота на морского зверя русских Поморья, камнеобработка северных вепсов, карелов-людиков и ладожских карелов, добыча жемчуга северных карелов и т. д.

В представленных материалах на примере специфической этнолокальной группы населения – северные (прионежские, или шелтозерские) вепсы, и конкретной природной территории – Шокшинский денудационно-тектонический ландшафт Онежско-Ладожского среднетаежного ландшафтного района, рассматривается система «этнос – ландшафт», находящаяся в определенных пространственно-временных границах.

При проведении исследования использовались историко-литературные источники, документы Национального архива Республики Карелия, а также картографические материалы и результаты полевых историко-ландшафтных исследований.

Основными методами и подходами, применяемыми при выполнении данного исследования, являются: системный и диахронический подходы, метод исторических срезов.

Системный подход предусматривает изучение системы «этнос – ландшафт» во времени и пространстве, диахронический – анализ хозяйственной деятельности населения на конкретной территории в определенные временные интервалы. Метод исторических срезов помогает познать изучаемую систему на различных временных этапах.

Коренными народами Карелии являются представители русского и финно-угорского (карелы, вепсы) этносов. Каждый из этих этносов, как правило, состоит из этнолокальных групп³. Так, среди русского населения Карелии выделяются заонежане, водлозеры, выгозеры, поморы, а также другие, более мелкие группы. Карелы подразделяются на ливвиков, людиков и северных, или собственно карелов. В пределах Карелии сформировалась изолированная группа северных (прионежских, шелтозерских) вепсов.

Северные вепсы – одна из групп вепского этноса, проживающая на территории Республики Карелия и частично в Ленинградской области, к северу от Свири. От основного ареала расселения северные вепсы отделены рекой Свирь. Прионежье они стали заселять в конце XIV – начале XV в. Именно в это время, согласно исследованиям Н. С. Болотовой⁴, возникло большинство топонимов современной Вепской волости. По мнению И. И. Муллонен⁵, первые колонизационные потоки вепсов, поднимаясь вверх по правым притокам Свири, первоначально проходили мимо современного вепского Прионежья. Причина заключалась в непригодности территории для занятий сельскохозяйственной деятельностью: пастбищные угодья могли быть представлены только вторичными мелколиственными лесами вокруг поселений, кормовая база для животноводства была минимальной, возвышенные каменные пространства, чередующиеся с заболоченными лесами, скалистые или песчаные холодные побережья Онежского озера не были пригодны для возделывания пашни, а количество скота не обеспечивало необходимый объем органических удобрений. Однако активизация карел преградила вепсам пути расселения на север. Именно поэтому, под натиском карельской, а также русской крестьянской колонизации вепское население было вынуждено обратить внимание на юго-западное побережье Онежского озера.

В XVI в. поселения северных вепсов располагались в пределах Остреченского (Шокша, Вехручей, Шелтозеро, Залесье, Матвеева Сельга, Кушлега, Муровля) и Оштинского (Щелейки, Подщелье, Гимрека, Каскесручей, Другая Река, Рыбрека) погостов. Во времена Олонецкой губернии все вепские сёла и деревни были в границах Рыборецкой, а затем Шелтозерско-Бережной волости.

Согласно данным на 1847 г.⁶, в Шокшинском обществе Рыборецкой волости в 13 деревнях проживало 669 человек вепсской национальности, в Шетозерско-Бережном в 28 деревнях – 1559, в Шелтозерско-Горном в 10 деревнях – 877, в Рыборецком в 23 деревнях – 1783, в Гиморецком в 5 деревнях – 505, в Щелейском обществе в 8 деревнях – 657. Кроме того, в четырех деревнях Ладвинского общества Остреченской волости насчитывалось 125 вепсов.

В настоящее время северные вепсы проживают в основном на территории трех вепских сельских поселений Прионежского района (Шокшинского, Шелтозерского и Рыборецкого), в бывшей Вепсской волости (центр – с. Шелтозеро), основанной в 1994 г. и упраздненной в 2005 г. Обрусение некоторых вепских деревень (Гимрека, Щелейки и Подщелье), по данным С. А. Макарьева⁷, отмечалось уже в первой половине XX в.

Относительная изолированность от основной территории расселения вепского этноса способствовала установлению северного вепского диалекта, а также некоторых особенных черт хозяйственной деятельности и культуры, не в малой степени связанных с природными (ландшафтными) особенностями.

У каждой локальной этнической группы коренного населения Карелии сформировались наряду с основными свои специфические черты природопользования. На основании природных (ландшафтных) и этнических особенностей, а также направлений хозяйственной деятельности на вторую половину XIX – начало XX столетий в пределах современной территории Карелии нами выделены три историко-природно-хозяйственные провинции: Северная, Средняя и Южная⁸.

Южная провинция (ареалы проживания русских Заонежья и Водлозерья, южных групп карелов и прионежских вепсов) ограничена с севера плавным переходом от северотаежных к среднетаежным ландшафтам, находится в южной и юго-западной агроклиматических зонах, отличается относительно высокой степенью развития сельскохозяйственной деятельности.

В пределах Южной провинции выделяются Пудожский, Заонежский, Ливвиково-Людиковский, Северо-Вепсский и Ладожско-Карельский историко-природно-хозяйственные районы.

Северо-Вепский район находится в пределах Шокшинского денудационно-тектонического ландшафта Онежско-Ладожского среднетаежного ландшафтного района⁹. Вся территория лежит в южной агроклиматической зоне Карелии, показатель среднегодовой температуры превышает 2 °С. Для Шокшинского ландшафта характерно значительное распространение площадей, представленных выходами коренных пород, а также озерных отложений. Имеются здесь гляциальные (ледниковые) и флювиогляциальные (водно-ледниковые) комплексы. Заболоченными геосистемами являются в большей степени заболоченные леса, а не болота¹⁰. Реки района относятся к категории малых, озера немногочисленны и невелики по площади. На рассматриваемой территории довольно широко представлены почвы, находящиеся на начальных стадиях формирования, – примитивные и подбуры. Имеют место малоплодородные поверхностно-подзолистые почвы и подзолы иллювиально-железистые. В пониженных местоположениях представлены торфянистые подзолы и торфяно-подзолистые глеевые почвы. Большие площади заняты болотами (в основном – мезотрофными). Основными лесообразующими породами в настоящее время являются сосна, ель, береза и осина.

Несмотря на неблагоприятные ландшафтные условия территории, основными видами природопользования северных вепсов являлись земледелие и животноводство. Представлены были лесохозяйственная деятельность – лесозаготовки и углежжение, из промыслов – добыча и обработка природного камня (кварцито-песчаника и габбро-диабазы), а также рыболовство в Онежском озере и в нижних течениях рек, в него впадающих.

Нехватка сельскохозяйственной продукции явилась причиной того, что значительную роль в жизни местного населения играли отхожие промыслы. Большое количество вепских мастеров – камнетесов, столяров, стекольщиков и других специалистов – ежегодно работало в Санкт-Петербурге¹¹, их руками были созданы фортификационные сооружения Кронштадта. Следует отметить, что доминирование каменных церквей среди культовых построек Вепского края свидетельствует о строительной специализации местного населения. Уходили мужчины на рыбную ловлю, крашение и набойку холстов, выделку «кочин» (рам), шкиперами и матросами на озерные суда. В середине XIX в. ежегодно свыше 60 крестьян Щелейско-Гиморецкой волости занималось лоцманством. Главная масса отходников уходила из деревень после уборки урожая. В различных населенных пунктах показатель отходничества варьировал от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ мужского населения¹². В селе Шелтозерско-Горное в конце XIX в. на 400 жителей приходилось 50 камнетесов и 30 печников¹³.

Водораздельный (сележный) тип заселения в пределах Шокшинского ландшафта преобладает. Населенные пункты по побережью Онежского

озера практически отсутствуют из-за непригодности территории к аграрной деятельности, так как береговая линия представлена чередованием песчано-галечниковых пляжей и скальных мысов, а также из-за интенсивного обдувания побережья северными ветрами.

Анализ ландшафтных контуров территории, границ расселения этнолокальных групп (в нашем случае – северных вепсов) и особенностей природопользования позволяет сделать вывод, что они практически схожи. Этот факт подтверждает система историко-природно-хозяйственного районирования территории Карелии. Так, этнолокальная группа заонежан (русских Зонежья) почти полностью была расселена в пределах Заонежского среднетаежного ландшафтного района, а русские Поморья – в Северо- и Южно-Прибероморских северотаежных. Подобная закономерность отмечается и по отношению к другим этнолокальным группам населения Карелии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Потахин С. Б. Природоохранные мероприятия в дореволюционной Туве // География и природные ресурсы. 1990. № 4. С. 149–152.

² Рюмин В. В. Пространственно-временной анализ истории ландшафтопользования в Южной Сибири // Историко-географические исследования Южной Сибири. Иркутск, 1991. С. 4–27.

³ Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.

⁴ Болотова Н. С. Из топонимии Шелтозерья // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Докл. и сообщ. 7-й Рос. науч.-практ. конф. (Тула, 26–28 ноября 1999 г.). М., 1999. С. 227–232.

⁵ Муллонен И. И. Очерки вепской топонимики. СПб., 1994.

⁶ НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 8/4, л. 21–24.

⁷ Макарьев С. А. У прионежских вепсов // Экономика и статистика Карелии. Петрозаводск, 1927. № 4–6. С. 50–74.

⁸ Потахин С. Б. Историко-природно-хозяйственное районирование Карелии // Теория, методы и инновации в исторической географии: Материалы III междунар. конф. СПб., 2007. С. 85–88.

⁹ Антонова Р. Ф., Потахин С. Б. Ландшафтное районирование Карелии // Гео-системы Севера: Программа и тезисы науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 21–22 апреля 1998 г.). Петрозаводск, 1998. С. 9–17; Антонова Р. Ф. Пространственная структура ландшафтов Карелии // Биогеография Карелии: Труды Карельского научного центра РАН (Сер. «Биология»). Вып. 2. Петрозаводск, 2001. С. 19–26.

¹⁰ Природные комплексы Вепской волости: особенности, современное состояние, охрана и использование / Ред. А. Н. Громцев. Петрозаводск, 2005.

¹¹ НА РК, ф. 10, оп. 2, д. 97/290, л. 10.

¹² Там же, л. 12.

¹³ Там же, л. 10.

В. И. Мусаев

Институт истории РАН, Санкт-Петербург

Финская и норвежская колонизация Мурманского берега (вторая половина XIX – начало XX в.)

Заинтересованность российских властей в заселении и хозяйственном освоении побережья Кольского полуострова впервые стала серьезно проявляться к началу 1860-х гг. Стратегически важный Мурманский берег до этого времени был почти необитаем. Здесь существовало лишь несколько поселений норвежцев, самовольно обосновавшихся на побережье в конце 1850-х гг. Русские поморы не слишком охотно селились в этих местах, и местные власти стали поощрять переселение на Мурманский берег не только русских рыбаков, но и переселенцев из Финляндии и Скандинавии. По ходатайству архангельского губернатора 31 августа 1860 г. российское правительство дало официальное разрешение финнам и норвежцам селиться на Мурмане при условии принятия главами семейств российского подданства¹. В 1864 г. на Мурманском берегу было основано финское поселение Ура, в том же году выходцы из Норвегии поселились в Вайтокупе (Вайтолахти), Земляной и на побережье Печенгской губы. К 1867 г. в этих поселениях, а также в колониях Червоная и Земляная проживали 114 финнов и 61 норвежец². Таким образом, Мурманский берег начал превращаться в очередную этноконтактную зону Русского Севера.

В 1868 г., по инициативе архангельского губернатора князя С. П. Гагарина, были исходатайствованы льготы для желающих переселиться на Мурманский берег как русских, так и иностранных промышленников: им предоставлялись ссуды размером от 50 до 150 рублей сроком на шесть лет, они на восемь лет освобождались от платежа податей, получали разрешение на беспошлинный провоз иностранных товаров для собственного потребления или продажи в колониях и право заниматься промыслами пушных зверей и птиц и ловить рыбу в реках и озерах вблизи колоний. В торговле с Норвегией поселенцы получали те же права и привилегии, которыми с 1830-х гг. пользовались поморы. Кроме того, финны и норвежцы получили право обращаться к местным властям на своем родном языке и приобретать хлеб на наличные деньги или по кредитам в государственных магазинах³. Эти льготы были утверждены и дополнены величайшим положением, утвержденным 14 мая 1876 г.; был, в частности, внесен пункт о пособии в 100–200 рублей на покупку леса для постройки жилья

или судна⁴. С этого времени берега Ледовитого океана стали заселяться более активно. Если в 1872 г. население Мурманского берега составляло 582 человека, то уже год спустя его численность превысила 800 человек. При этом, как отмечала архангельская газета «Голос», «лучшие удобные для поселения места захватили норвежцы и финляндцы, так что русским пришлось селиться на местах, представляющих меньше выгод». По утверждению той же газеты, «лучше всех живут финляндцы – люди чрезвычайно трудолюбивые и трезвые»⁵. К началу 1880-х гг. на побережье в 21 поселении проживали 326 русских и карелов, 305 финнов, 245 норвежцев⁶. Высочайше утвержденным 28 декабря 1890 г. мнением Государственного Совета льготы для мурманских поселенцев были продлены на неопределенное время⁷.

Финны стали самой крупной этнической группой среди колонистов. В 1882 г. их насчитывалось 625 человек в 11 поселениях на Мурмане. Финны жили в колониях вдоль побережья от Кольского залива до Рыбачьего полуострова. Самыми крупными финскими поселками были Пууманки (220 жителей) и Уура (150 жителей). К 1897 г. население колонии Уура составляло уже около 250 человек⁸. Большинство финляндцев, переселившихся на Мурман (83%), были выходцами из Улеаборгской (Оулуской) губернии, среди которых было особенно много уроженцев прихода Куусамо (которые преимущественно селились в колонии Пууманки)⁹. Финские колонисты не только занимались рыболовством, но также разводили скот и, кроме того, строили из местного леса лодки и с выгодой для себя продавали их в Норвегии. Жизнь финской общины на Мурмане была весьма замкнутой, с коренным русским и саамским населением контакты были редкими и не всегда мирными. Коренных жителей, в частности, раздражало, что поселенцы бесплатно пользовались строительным лесом. Определенное влияние со стороны финских поселенцев местные русские все же испытали (в частности, научились у них выделывать непромокаемые сапоги и варежки из овечьей шерсти)¹⁰. Несмотря на сложные условия существования, финны на Мурмане, по свидетельствам очевидцев, добились относительного процветания, их численность росла довольно быстро. Норвежцы селились в основном на восточном берегу полуострова Рыбачий. Самым крупным норвежским поселком был Цыпнаволок, в котором в 1875 г. проживал 31 человек¹¹. Некоторые финские и норвежские поселенцы, рассчитывая выехать в США или Канаду, но, не имея это средств, поначалу селились на Мурмане и затем уже оттуда перебирались за океан. В 1873 г., к примеру, с Мурмана в Северную Америку уехали 12 семей¹². Въезд новых поселенцев, однако, стойко преобладал над выездом. По данным переписи населения 1897 г., в Кольском уезде

Архангельской губернии проживали 1276 финляндских подданных¹³. В 1899 г. финны составляли 42% населения Мурманского берега, русские и карелы вместе составляли 44%, норвежцы – 8%. В 1902 г., по сведениям Евангелическо-Лютеранской генеральной консистории, на Мурманском берегу в 28 поселениях жили уже «около 1470 лиц финской национальности и около 120 норвежцев лютеранского исповедания»¹⁴.

Для исполнения духовных треб в финские колонии на Мурмане первое время приезжали пасторы из Финляндии, однако архангельские губернские власти с подозрением относились к этим приездам, опасаясь, что финские лютеранские священники будут заниматься не только духовным призрением своих соплеменников, но и пропагандой среди местных православных. В 1889 г. Министерство внутренних дел запретило проповедникам из Финляндии посещение Мурманского берега, а колонисты-лютеране в духовном отношении были подчинены ведению Архангельского лютеранского прихода¹⁵. Это решение, однако, вскоре было признано неудачным как Архангельским приходом, так и Евангелическо-Лютеранской генеральной консисторией¹⁶. Последняя для временного решения проблемы организации богослужений считала необходимым командирование на Мурманский берег «одного из проповедников Ингерманландского округа, владеющего как русским, так и финским языками». В 1890 г. генеральная консистория возложила это поручение на члена С.-Петербургской лютеранской консистории пастора Отто Рокканена. В течение нескольких лет лютеран Мурманского берега для ведения среди них духовной работы посещал Рокканен, затем пастор прихода Колтуши Пааво Ватанен, а средства на их приезды отпускались из финляндской казны. Во второй половине 1890-х гг., однако, эти визиты прекратились вследствие приостановки их финансирования. Жители колонии Ура жаловались посетившему их журналисту из Оулу А. В. Эрвасти на то, что в духовном отношении они оказались совершенно заброшены и что ситуация может привести в конечном итоге к тому, что они обратятся в православие. Строительство часовни, начатое в колонии еще в 1873 г., так и не было закончено¹⁷.

В 1899 и 1900 гг. архангельский губернатор ставил вопрос об образовании самостоятельного лютеранского прихода на Мурмане, однако возражения против этого высказывались со стороны архангельского епископа, который, не возражая в принципе против основания лютеранского прихода, считал, что одновременно с этим необходимо «усилить пастырский надзор за православными жителями Мурманского побережья», и не хотел давать разрешение на открытие лютеранского прихода до основания православных приходов в Печенге и Титовке¹⁸. В августе 1901 г. по предложению

МВД было, наконец, разрешено образовать для колонистов-лютеран Мурманского берега особый приход со своим пастором. Ввиду отсутствия необходимых средств это решение, однако, было реализовано далеко не сразу¹⁹. Лишь 9 (22) января 1903 г. последовало высочайшее императорское повеление Финляндскому Сенату «отпускать из финляндских казенных сумм, впредь до времени, считая с 1 января 1903 г., ежегодно по три тысячи марок в виде пособия на содержание евангелическо-лютеранского пастора, с тем, чтобы последний назначался С.-Петербургской Евангелическо-Лютеранской консисторией, постоянно проживал на Мурманском берегу и чтобы к обязанностям его относилось удовлетворение духовных нужд финляндских уроженцев, проживающих на Кольском полуострове, и исполнение для них духовных треб»²⁰. Евангелическо-лютеранский приход на Мурмане был, наконец, образован, а на должность его проповедника, по ходатайству С.-Петербургской консистории, был назначен адъюнкт-пастор прихода Дудергоф-Хиетамяки в Царскосельском уезде Петербургской губернии Андерс Густав Вуотила²¹.

Иностранные поселенцы, безусловно, способствовали хозяйственному освоению Мурманского побережья. Жизнь финских и норвежских колоний протекала, однако, по-прежнему в условиях относительной обособленности: языковой барьер и конфессиональные различия препятствовали слиянию с русским населением, на которое первоначально рассчитывали местные власти²². Недовольство властей вызывали также хищнические порубки леса, которые практиковали иностранные поселенцы. Более того, у финских и норвежских колонистов подчас возникали трения и противоречия с русскими поселенцами и местными лопарями (саамами). К тому же колонисты, пользуясь льготами, разрешавшими беспопытный и свободный от акциза ввоз спиртных напитков и неограниченную торговлю ими в колониях и становищах, в погоне за наживой нередко спаивали лопарей спиртным²³ (при этом, по имевшимся сведениям, ром специально изготовлялся для Мурманского берега в Гамбурге из привозимого туда русского спирта; ежегодно на Мурман завозилось до 4000 анкером рома²⁴). Активность иностранных поселенцев на Мурмане, кроме того, выглядела в глазах российских властей не вполне желательной в условиях все более обострявшихся экономических противоречий России с Норвегией. Еще в конце 1860-х гг. в российском МИДе не без тревоги отмечалось усиление внимания к Русскому Северу со стороны не только Швеции и Норвегии, но и других европейских держав²⁵. Ближе к концу столетия норвежская администрация всячески старалась ограничивать ловлю рыбы, которой русские поморы традиционно занимались у берегов северной норвежской провинции Финнмарк. В то же время норвежские

зверобои стали все чаще вторгаться в российские территориальные воды. В Архангельске и Петербурге все чаще раздавалась критика в адрес политики поощрения иностранной иммиграции на Севере России.

Как отмечалось в докладной записке исполняющего должность архангельского губернатора И. В. Сосновского в Министерство иностранных дел в ноябре 1908 г., «колонисты из норвежцев и финляндцев захватили на западном Мурмане лучшие места, изобилующие отличными и глубоко врезающимися в материк бухтами и прекрасными береговыми сенокосными полянами»²⁶. В записке обращалось внимание на необходимость усилить среди колонистов долю «коренного русского элемента» и, в частности, заселить русскими жителями пограничную с Норвегией полосу по течению р. Паз, предоставив поселенцам различные льготы и выделив им денежные пособия, а также урегулировать и разграничить права переселенцев и лопарей на земельные и рыбные угодья²⁷. В общей сложности на тот момент среди поселенцев на Мурманском берегу русских семей было 276 (44%), финских – 200 (32%), карельских и лопарских – 79 (12,5%), норвежских – 72 (11,5%). Русские семьи, таким образом, численно несколько преобладали. На Западном Мурмане, однако, сохранялось преобладание иностранных колонистов: здесь насчитывалось 110 финских семей, 65 карельских и лопарских, 63 норвежские и только 79 русских²⁸. К концу 1910-х гг. благодаря энергичным усилиям со стороны властей по стимулированию роста на Мурмане именно русских поселений доля русского населения несколько увеличилась и достигла 47%, финского и норвежского же сократилась до 40%²⁹. В годы Первой мировой войны, однако, началась новая волна переселений из Финляндии в Беломорскую Карелию и на Кольский полуостров: в 1915–1916 гг. несколько тысяч финских рабочих были заняты на строительстве Мурманской железной дороги.

После революции 1917 г. и провозглашения независимости Финляндии значительное количество подданных бывшего Великого княжества Финляндского выехало из России. С Кольского полуострова финны выезжали в Финляндию, однако гораздо меньше, чем из других российских регионов. Большая часть финских колоний на Мурмане после 1917 г. сохранилась. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., финское население Мурманской губернии составляло 1697 человек. Финны проживали более чем в 56 населенных пунктах Кольского полуострова, в семи из них они составляли 100% населения. В целом по губернии доля финнов составляла 7,4% населения³⁰. До середины 1930-х гг., в период проведения политики коренизации в сфере национальных отношений, в Мурманском округе существовало

несколько финских и норвежских национальных сельсоветов и финский национальный район. С конца 1920-х гг., однако, началось постепенное сокращение финского населения на Мурмане: по данным газеты «Вапаус», в 1929 г. она составила лишь 1121 человек³¹. В начале 1930-х гг. резкие изменения в жизнь финских и норвежских колоний внесла коллективизация. Нарушение привычного уклада жизни поселенцев привело к тому, что многие колонисты были вынуждены переселиться в города или лесные поселки. Другим обстоятельством, вызвавшим отток колонистов с Мурманского берега, было начавшееся в это же время строительство баз Северного флота, захватившее ряд гаваней на побережье. Постепенно начиналась и ассимиляция финских и норвежских поселенцев: межнациональные браки были теперь гораздо более распространенным явлением, чем раньше³².

Во второй половине 1930-х гг., когда в стране был взят курс на свертывание политики коренизации, финский национальный район и национальные советы на Кольском полуострове были ликвидированы, делопроизводство в учреждениях было полностью переведено на русский язык. В 1936–1938 гг., на волне борьбы со «шпионажем» и «буржуазным национализмом», многие финны были сняты с постов в партийных, советских и хозяйственных органах, некоторые из них подверглись репрессиям. В 1940 г., после образования Карело-Финской ССР, встал вопрос об увеличении среди жителей новой союзной республики доли «титульного» финского населения, пребывавшего тогда в явном дефиците. С этой целью в Карелию были переселены не только крестьяне-ингерманландцы, высланные на Кольский полуостров в начале 1930-х гг. в период коллективизации и находившиеся там на положении спецпоселенцев, но и вольные финские колонисты с Мурманского берега³³. Переселение 1940 г. довершило процесс исчезновения финской колонии на Мурмане.

Осуществление колонизации Мурманского берега во второй половине XIX – начале XX в. представляло собой, таким образом, интересный и неоднозначный опыт. Намерения инициаторов переселенческой кампании оправдались лишь отчасти. Дикое прежде побережье Баренцева моря действительно было довольно быстро освоено. Однако активность финских и норвежских колонистов на Мурмане и, с другой стороны, их замкнутость и обособленность вскоре стали вызывать недовольство и местного населения, и центральных и губернских властей. Перспективы более гармоничного развития этнокультурных контактов на Мурмане, наметившиеся в 1920-е гг., были прерваны в результате репрессивных мероприятий следующего десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архангельские губернские ведомости. 1864. 24 февраля.
- ² Kiseljov A. Kuolan suomalaiset // Punalippu. 1989. № 11. S. 90.
- ³ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 391, оп. 1, д. 8, л. 70; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 155. I–5, оп. 445, д. 3, л. 18об.–19.
- ⁴ АВПРИ, ф. 155. I–5, оп. 445, д. 13, л. 251–252.
- ⁵ Голос. 1882. 3 марта.
- ⁶ Lähteenmäki M. The Peoples of Lapland. Boundary Demarcations and Interactions in the North Calotte from 1808 to 1889. Vaajakoski, 2006. P. 286.
- ⁷ АВПРИ, ф. 155. I–5, оп. 445, д. 29, л. 16.
- ⁸ РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 162, л. 26.
- ⁹ Engman M. Migration from Finland to Russia during the Nineteenth Century // Scandinavian Journal of History. 1978. Vol. 3. No. 2. P. 158; Lähteenmäki M. Op. cit. P. 289.
- ¹⁰ Kiseljov A. Op. cit. S. 91.
- ¹¹ Lähteenmäki M. Op. cit. P. 289.
- ¹² АВПРИ, ф. 155. I–5, оп. 445, д. 13, л. 109.
- ¹³ Центральный государственный архив С.-Петербурга, ф. 143, оп. 4, д. 8, л. 69об.–70; РГИА, ф. 1290, оп. 11, д. 26, л. 4. Все население уезда составляло тогда 8580 человек.
- ¹⁴ РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 162, л. 59об.
- ¹⁵ Там же, л. 1–3, 31.
- ¹⁶ Нецелесообразность этого решения была мотивирована следующими соображениями: «1. Высочайше утвержденный в 1817 г. устав Архангельского евангелического общества не совсем согласуется с обрядами лютеранской церкви, к которой принадлежат Мурманские колонисты; 2. пастор Архангельской евангелической церкви не знает ни финского, ни норвежского языков, а Мурманские колонисты, в свою очередь, не знают немецкого языка; 3. при поездке пастора на Мурман, хотя бы два раза в течение навигации, на что потребуется всякий раз не менее 2–3 недель, Архангельский евангелический приход будет оставаться более месяца без пастора, духовные же потребности Мурманских колонистов не будут также удовлетворены при подобных кратковременных наездах два раза в год пастора» (Там же, л. 41об.).
- ¹⁷ Lähteenmäki M. Op. cit. P. 290, 293.
- ¹⁸ РГИА, ф. 821, оп. 5, д. 162, л. 56.
- ¹⁹ Там же, л. 59–59об.
- ²⁰ Там же, л. 60.
- ²¹ Там же, л. 69.
- ²² Исполняющий обязанности архангельского губернатора И. В. Сосновский возмущался по этому поводу: «Все получивши от новой родины, не неся в то же время никаких по отношению к ней повинностей, колонисты из финнов и норвежцев не считают даже нужным овладеть хотя бы разговорной русской речью» (АВПРИ, ф. 155. I–5, оп. 445, д. 29, л. 17).

²³ Киселев А. А., Киселева Т. А. Национальные меньшинства Кольского полуострова и государственная политика России по отношению к ним // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 252.

²⁴ АВПРИ, ф. 155. 1–5, оп. 445, д. 13, л. 111 об. Анкер – ок. 35 литров.

²⁵ Там же, д. 3, л. 4–5.

²⁶ Там же, д. 29, л. 16об.

²⁷ Там же, л. 18об.–19об.

²⁸ Там же, л. 16об.

²⁹ Lähteenmäki M. Op. cit. P. 286, 289.

³⁰ Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 18–19. Кольский полуостров был выведен из состава Архангельской губернии и выделен в отдельную губернию в начале 1920-х гг. В 1927–1938 гг. территория полуострова составляла отдельный округ в составе Ленинградской области.

³¹ Vapaus. 1931. 30 tammikuuta.

³² Kiseljov A. Op. cit. S. 93–94.

³³ Ibid. S. 100–101.

Границы в ментальном мире человека и его поведении

Н. А. Криничная
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Окно крестьянского жилища: к представлениям о границе и контактной зоне между мирами в севернорусской мифологии

В мифологических рассказах окно, обозначенное как отверстие, проем, просвет, символизирует «размыкание» жилого пространства в его взаимодействии с недифференцированным внешним, в том числе и трансцендентным, миром. Этот образ связан с реальным окном, занимающим надлежащее место в истории материальной культуры. Вопрос об осмыслении окна крестьянского жилища в народных представлениях, освещенных в том или ином аспекте, неоднократно рассматривался исследователями. В числе их А. К. Байбулин, И. Е. Гришина, Л. Г. Невская, С. Е. Никитина и Е. Ю. Кукушкина, А. Б. Мороз, А. Б. Пермиловская, В. Н. Топоров и другие¹. Однако на материалах мифологических рассказов, соотнесенных с народным творчеством в целом и изобразительным искусством в частности, данный фольклорно-архитектурный образ не был объектом специальных разысканий. А между тем комплексное изучение концепта окна и подоконного пространства, внутреннего и внешнего, позволяет воссоздать картину взаимодействия миров, определяемую ситуацией появления на их стыке мифических пришельцев: покойников, духов-«хозяев», божеств судьбы, некой персонифицированной силы, – равно как и характером последствий такого появления для контактеров. Проанализировать названный фольклорно-архитектурный образ в обозначенном ракурсе – цель этой статьи.

В качестве светового, слухового, смотрового, а отчасти и дымоволочного отверстия окно сконцентрировало вокруг себя идущие из глубины веков представления, которые изначально формировались применительно к древнейшим и наиболее простым по своей конструкции проемам. Причем лингвистические исследования указывают на вторичность окна по сравнению с дверью, чем, в частности, и обусловлено иногда встречающееся обозначение окна как «дверцы»². Соответственно вторичной является и история формирования этой ставшей неотъемлемой части крестьянского жилища, получившей в фольклоре столь заметную символическую значимость и семантическую напряженность.

Наиболее архаичными считаются щелевые окна, представляющие собой «лишь несколько расширенные между бревнами щели»³. Показательно, что слово *окъньце*, известное, по мнению лингвистов, раньше, чем *окно*, как раз и означало «дыра», «отверстие», а также «окошко», тогда как первая фиксация лексемы *окно* относится лишь к XIII в.⁴ Утраченные со временем в жилище, щелевые окна удерживаются в подсобных помещениях крестьянского дома-двора. Имеются в виду щелевидные проемы окон подклета избы, сеней, чердака, хлева, повети, амбара, бани и пр. Чаще это прямоугольное отверстие, прорубленное между двумя смежными венцами бревен. Иногда оно приобретает форму «рыбьего зуба», или двух рядов смыкающихся зубов, или равноконечного креста и пр.⁵, осмысляемых соответственно как знак берега (зубы) и как знак солнца (крест). Не случайно и в мифологических рассказах щель интерпретируется как окно в иной мир, недоступный обыденному взгляду: «В щелочку посмотрю: всё человечки такие маленьки бегают, не в одежде, а в лепестках»⁶, т. е. в лохмотьях, рванье, что обнаруживает в них признаки лиминальных существ. О том, что мифический пришелец для проникновения в жилое пространство не довольствуется окном, а предпочитает воспользоваться «щелью» или «форточкой», свидетельствуют и материалы, принадлежащие иным локальным традициям. (Такая щель в других случаях приравнивается к двери.) И даже вполне обозначенное в быличке окно может выступать в качестве дыры, в которую, например, вылетают ночью на мороз, пробив при этом две остекленные рамы, сидевшие в подпечке куры⁷, что истолковывается как предзнаменование большого несчастья.

О тождестве осмысления щелей и окон, дверей, равно как и дымовой трубы, свидетельствует лирическая (тюремная) песня:

Ой ни *дверей* нету, ни око...
Ой нету ни *окошечка*,
Ни *щелей* нету, не протё...
Ой нету, не протёсано,
Только есть то одно тру...
Ой есть то *труба дымова* (курсив мой. – Н. К.)⁸.

На смену щелевым отверстиям со временем приходят волоковые окна, прорубленные в двух смежных венцах в половину диаметра каждого бревна сруба. Их ширина в полтора-два раза превышает высоту. Поскольку такое окно закрывается – «заволакивается» изнутри тесовой задвижкой, оно и называется «волоковым». Возникнув в глубокой древности, волоковые окна сохраняются в обиходе севернорусской деревни поныне, причем не только в подсобных, но и в жилых помещениях, где они прежде располагались по обе стороны от центрального, косячатого, окна, а позже стали прорубаться между венцами подклета. [Кстати, волоковые

окна встречаются и в церквях: например, в церкви Лазаря Муромского (XIV в.), находящейся ныне на территории музея-заповедника «Кижи».] Формы волоковых окон разнообразны: от прямоугольной до сложной, декоративно обработанной.

Косячатые, т. е. обрамленные косяками, окна появились в крестьянских домах не позже XVII в. (в княжеских палатах, возможно, уже в XIII в.). Поначалу подобные трехсоставные окна невелики по размеру, высотой в два-три венца. Будучи квадратными или почти квадратными⁹, они находятся в сложной соотношенности с пропорциями самого сруба. В отличие от волоковых, косячатые окна в крестьянских избах не открывались. Иногда рама была частично подвижной. Однако даже в середине XX в. многие крестьянские дома строились с неоткрывающимися окнами.

В XVIII–XIX вв. получает распространение колодчатое окно. Его колода составлена из четырех тесанных топором массивных брусьев, прочно связанных между собой. С середины XIX в. тяжелые косяки и колоды стали заменяться легкими оконными коробками из пиленых досок. «Таким образом, в своем развитии окно последовательно изменяло свою форму и размеры, от горизонтально расположенного маленького светового отверстия – к квадрату и затем к вертикальному большому прямоугольному проему», – пишет И. В. Маковецкий¹⁰. Соответственно менялись и заполнители окна (бычий или рыбий пузырь, слюдяные пластины, стекло), и система его конструктивно-декоративного оформления. Причем широкое использование стекла в деревне для заполнения переплета деревянной рамы-оконницы относится ко времени не ранее начала XIX в.¹¹ Тем самым загадка об оконной раме «Поля стеклянные, берега деревянные» имеет не такую уж давнюю историю.

Знаками магических функций, приписываемых окнам, служит декор наличников, создание которого имеет глубокие традиции. «Резные доски оконных наличников» обнаружены археологами на Неревском конце Новгорода в слоях XI–XIV вв.¹² Заметим, что декор имели уже щелевидные и волоковые окна. Так, например, концы резной доски при волоковом окне могли имитировать формы петушьих гребней.

В числе зооморфных покровителей жилища, изображаемых на оконных наличниках в севернорусских деревнях, фигурируют, к примеру, рога барана или быка, гребень петуха, силуэты птиц, коня, а подчас и ласки, в облике которой нередко появляется домово-дворовой: «Ласка коней мучила. Заберется на коней – начнет щекотать. Кого не залюбит – до смерти замучает. А если любит – косички заплетает. Сама небольшая, шейка беленькая, ушки остренькие»¹³. Декор наличника некоторых каргопольских изб напоминает шкуру зверя. В крестьянских домах бассейна реки Сухоны на

досках наличников встречалось изображение рыбы. Как отмечает А. Б. Пермиловская, в декоре оконных наличников заложена идея безопасности жилища, которая достигается, в частности, «резьбой с орнаментацией магического характера, например, солярной символикой, росписью растительного характера, несущего идею плодородия и счастья в доме»¹⁴. О семантике включенных в композицию оконного декора зоо-, орнито-, фито- и антропоморфных образов покровителей жилища, равно как и космогонических знаков-символов, доводилось говорить и автору этих строк¹⁵.

Вместе с тем окно служит концентрированным выражением жилища. Обработку проемов, уподобляемых графическому символу самого дома, выявляет и исследует наряду с другими образами И. Е. Гришина¹⁶. Отметим, что подобный символ обнаружен уже в Неревском раскопе древнего Новгорода на двух наличниках, найденных в слоях конца XIII в.: на гладко выструганных досках имеется по три сквозных фигурных прореза, изображающих силуэт фасада церкви XII в.

Сама ориентация окон «на юг – на „лето“, на „красную“, или „полднюю“, сторону»¹⁷ выполняет, помимо утилитарной, магическую функцию, обусловленную космологическими представлениями, идеей включенности жилища в мироздание, которая наиболее отчетливо проявляется в загадках. В них окно осмысляется как проводник солнца (луны), его лучей в крестьянскую избу¹⁸. Оно открывает доступ взгляду из жилища к звездному небу, соотносит время, текущее в микрокосме (месяцы), со временем в универсуме – с годовым циклом.

Однорубная севернорусская изба чаще имеет три окна по фасаду:

На передней-то стене три окошечка,
Три окошечка да три косячатые...¹⁹

Окно, расположенное у стола, в переднем углу, называется «передним», центральное – «средним», или «красным», а третье, находящееся против устья печи и посудного полавника, именуется «судным»²⁰. Кроме того, одно или два окна размещаются на боковой стене. Особую семантическую значимость имеет переднее окно, что находит отражение даже в частушке:

Миленький, не стукайся,
Хорошенький, не брякайся,
Под передним-то окошком (курсив мой. – Н. К.)
Приди поцарапайся!²¹

Или:

Хватит, хватит – погуляла,
Хватит – покудесила!
У переднего окошка (курсив мой. – Н. К.)
Зыбочку повесила²².

Переднее окно отождествляется с передним углом и в причитаниях:

Ты сади-тко дорогу гостью
Под переднее окошечко (курсив мой. – Н. К.),
Под Святые под Апостолы...²³

В мифологических рассказах и поверьях обычно не указывается, с каким из окон связано то или иное сверхъестественное, псевдореальное либо вполне правдоподобное происшествие. В быличках и бывальщинах окно – это всегда полисемантический знак-символ, абстрагированный от любого из его конкретных «прототипов», но совмещающий в себе множество разновременных и разнотипных реальных конструкций. Специалисты отмечают сходство в конструктивных особенностях между оконными и дверными проемами, обнаруживая в них преемственную связь²⁴. И в самом деле, и у тех и у других важнейшими составляющими в конечном итоге являются косяки, притолока, а дверному порогу в косячатом окне соответствует плаха так называемой подоконной подушки, поверх которой укладывается подоконник. Неудивительно, что даже в мифологических рассказах окна, в какой-то мере усиливая функцию дверей, подчас используются в качестве своего рода «запасного выхода»: «Как вдруг в коридоре застучит, ведра полетели – мы *в окошки* все и *повыскакивали* (курсив мой. – Н. К.)»²⁵. Мало того, в некоторых похоронных и поминальных обрядах окно представлено в качестве наиболее предпочтительного входа пришельцев из мира мертвых в крестьянскую избу и выхода их оттуда²⁶. Впрочем, возможна и ситуация «нерегламентированного входа», которая, однако, чаще проявляется в сказке (например, «Финист-ясный сокол») и особенно в лирической песне: «Не отворишь, душа, *двери*, открой хоть *окошко*»²⁷. В то же время известны мифологические рассказы, в которых, как и в деревенском этикете, функции окна и дверей совмещены: постучав в полуночный час *в окно*, некто (это был леший) велит лавочнику открыть *дверь*, после чего входит в кабак.

Однако главное назначение окна в мифологических рассказах – быть каналом связи внутренней части избы с внешним миром, поскольку «окно продолжает наш взгляд за пределы дома»²⁸. С окном в первую очередь связаны мифологические представления о контактах с умершими: «С той поры каждую ночь он (покойный Петр. – Н. К.) к Ивану приходит, то *под окном стоит, стучит да воет* (курсив в цитатах мой. – Н. К.)»²⁹. Или: «*В среднее окошко стучает* [покойный муж]: „Дуняха, открой!“ А мужик меня „Дуняхой“ звал»³⁰. В одной из бывальщин раздавшийся под окном звук колокольчика и топот тройки лошадей свидетельствуют, что за женщиной, живущей в этом доме, приезжали ее умершие родственники: «Мама, если бы тебя забрали, ты умерла бы в этот год»³¹.

Причем подоконное пространство нередко осмысляется как медиативная зона. «О самое-то окошко» мимо домов, где живут родные, в урочный день и час проходят умершие. И обладающий тайными знаниями может воспользоваться данным ему один-единственный раз шансом, чтобы, сев под окном, вернуть родного человека в мир живых, что, однако, в силу тех или иных причин не удастся сделать: «Ну вот, – говорит, – не плачь, а поди в такой-то день, сядь под окошко и возьми крест. Как она (дочь. – *Н. К.*) мимо пойдет, дак ты, – говорит, – как кинешь на нее крест либо хлопнешь, она останется»³². В другой бывальщине девушка, которая каждый вечер смотрела в окно, выходящее на кладбище, видит, как оттуда идет и останавливается под окном ее умерший «кавалер»³³. Знаком-символом появления покойника в подоконном пространстве нередко служит звук, выраженный вначале в акустических, затем в динамических параметрах и, наконец, в вербальной форме: «Ночь спит. Чудится ему все: *калайдают* кто-то под окном. Вторую ночь спит – уже *ходят* под окном! И ему-то жутко. На третью ночь как повалился спать, а этот-то и пришел [покойник] да и *говорит* „Отдай мое кольцо!“»³⁴. Предполагается, что именно под окном в урочный час происходит «размыкание» миров.

В том случае, когда в мифологическом рассказе жилое пространство в какой-то момент предстает как трансцендентальное, окно в качестве канала связи с иным миром маркирует путь не изнутри наружу, а извне – внутрь, где безраздельно властвует дух-«хозяин», имеющий, помимо прочего, несомненные признаки умершего. В результате то, что обычно находится вовне, при взгляде через окно снаружи оказывается как бы внутри, а то, что без окна не видимо, становится посредством него доступным зрению³⁵. Иначе говоря, окно в мифологических рассказах подчас предстает как «образ сверхвидимости», позволяющий человеку осознать присутствие тайных сил, связанных с микрокосмом крестьянского жилища: «„Боюсь дома. У нас какая-то женщина ходит по избы в белой одежи, в коленкоре белом, и *в окно* кажется“. С палками пойдём, не боимся – нету. Отойдем – опять *в окно* (курсив мой. – *Н. К.*) кажется. Я говорю: „Кто-то умерши в вашем доме“»³⁶. Такой дом, согласно одной из быличек, сродни гробу-домовине, который противопоставляется жилому в соответствии с оппозициями: новый – старый, светлый – темный (черный), высокий – низкий (невысокий), большие окна – «маленьки окошечка». В нем, как выясняется, «погинул» сын женщины, увидевшей это строение во сне³⁷. Семантически подобный дом соответствует намогильному и припечному голбцам, равно как и дымнице на крыше топящейся по-черному избы. Выходящий из нее дым в народных верованиях ассоциируется с душами умерших. Подобные представления можно считать проявлениями архети-

па, связанного с древним погребальным обрядом, исполняемым посредством кремации. Вместе с тем известны факты, свидетельствующие о былых захоронениях под порогом, печью, полом жилища, что также служит предпосылкой для отождествления концептов «дом» и «гроб».

Окно в мифологических рассказах – это и канал связи между людьми и духами-«хозяевами». В одной из бывальщин сидевший ночью у окна нищий, пущенный хозяевами на ночлег, видел, как некий «старичина» (это был домовый) кинул на двор «тукач» сена для лошадей³⁸. Из подобного окна тайнозрителю нередко открывается недоступное для обывденного зрения появление в «этом» мире и других духов-«хозяев»: например, водяного, плывущего по озеру совсем как человек, да вот только «следа не видно»³⁹. Из окна же видят и лешего, пригнавшего испрошенную у него добычу («стадо лисиц») под окно промысловой избушки⁴⁰. Окно представлено не только как смотровое, но и как слуховое отверстие, которое оказывается каналом связи с иным миром. Так, согласно бывальщине, хозяйская дочь, взглянув в окно, увидела целое семейство домовых, изгоняемых колдуном из избы за их своеволие, и услышала, как те голосили, умоляя о пощаде. В другом мифологическом рассказе визуально-акустический контакт посредством окна осуществляется и с лешим: «В двенадцать ночи он (старик. – *Н. К.*) встал <...>. Потом открыл через левое плечо *окно*, вытащил из *окна* веревку (опять через левое плечо) и сел на лавку. А потом вдруг как заорет: „Эй, ну где вы там?“ И *за окном* такой свист поднялся. Старик крикнул, чтобы корову отдали. Через пять минут стукнули *в окно* (курсив мой. – *Н. К.*) – и чей-то голос сказал, что корова будет привязана в таком-то месте»⁴¹. Впрочем, возможна и диаметрально противоположная коллизия: старуха, которая «с лешим зналасе», «отдала за лес нашу нетель», пришедшую к ним под окошко⁴².

Окна в мифологических рассказах осмысляются как обладающие особой сверхзоркостью очи-глаза крестьянского жилища (праславянск. *о́кно* – из *око*; индоевропейский же корень *ok* означает «смотреть, видеть»). В связи с этим уместно вспомнить данные по истории материальной культуры, позволяющие говорить о древнем типе окон в форме глаза, что находит свое естественное объяснение в общем контексте уподобления частей дома членам человеческого тела⁴³. [Заметим, однако, что изначально части дома напоминали почитаемое животное тотемного характера.] В этом свете ахматовская поэтическая сентенция «Как живое взглянуло окно...» получает свое мифологическое обоснование.

С окном соотносится и некая неведомая сила, слабо дифференцированная и, по сути, персонифицированная. Воспользовавшись окном как отверстием в стене крестьянской избы, она извне посредством стука и

слова манипулирует волей человека, находящегося в жилом пространстве, чему тот не в состоянии противиться. Так, в одной из бывальщин мифическое существо, названное неопределенно «чертом» или «чертовкой», постучав в окно и окликнув по имени спящую девушку, уводит ее из дома в глубь леса, а затем внезапно исчезает⁴⁴. Причем знанием имени обуславливается владение душой того, кто носит это имя. Стук в окно, исходящий от пришельцев из иного мира, осмысляется как предвестие перемен в жизни обитателей данного дома: «Еще бабка, помню, говорила: Если кто-то постучит в окна, спроси: „К худу или к добру?“»⁴⁵. Эта сюжетная коллизия может принимать различные воплощения. Так, например, появление в избе «дядьки», который, «поколотившись» в окно, вошел сюда в облике отца («похож на папу»), оказывается предвестием скорого возвращения родных, в том числе и реального папы, с германской войны: «Как раз наши на той неделе пришли домой»⁴⁶. Особую силу воздействия на человеческую судьбу имеет неоднократно повторяющийся стук в окно: «И на вторую ночь опять снова»; «И несколько раз так; <...> уж неделю это все так длится». Такой стук, да еще сопровождаемый криком, служит предвестием смерти, что вскоре и происходит⁴⁷.

Сидя у окна, связующего-разграничивающего миры, мифические существа, как и дублирующие их действо реальные люди, посредством магического рукоделия (прядения, плетения, вышивания, вязания и шитья) предопределяют дальнейшее течение человеческой жизни. Это доможириха, сидящая на лавке «у окошка» и своим прядением магически обеспечивающая достаток живущей здесь семье⁴⁸. Это «девка», которая, расположившись «у окна в избы, в пяльцах шьет», вызывая появление своей сестры-двойняшки, рожденной вместе с ней, но отданной тогда же подполяннику: «Шьет она, шьет. Как тут подполье открылось в подпечи (из-под русьской печи) – и девка друга оттуда вышла»⁴⁹. Теперь, воспользовавшись своим выходом на свет, пришлица «оттуда» поведала своей земной сестре о постигшей ее судьбе. В другом рассказе, связанном с рукоделием, под окно в святочную ночь подходит некая неперсонифицированная сила, в которой различимы признаки божеств судьбы. Задав прядущей допоздна («петухи пропили, обняли други») лишь один сакраментальный вопрос: «Ты прядешь?» – они тем самым напоминают крестьянке, что простым смертным в святочную ночь прясть нельзя, после чего отходят от окна⁵⁰, которое осмысляется как канал связи потусторонних сил с людьми. Через окно фактически предопределяет на ближайшее время течение жизни социума и некая неперсонифицированная сила, получившая от оплошавших рыбаков санкцию на развязывание-завязывание невода, от чего в конечном итоге зависело продолжение промысла либо приостановка такового, наличие улова либо его полное отсутствие⁵¹.

Заметна роль окна и в моделировании будущей жизни индивида и социума. Существует поверье, что события, происходящие под окном в момент рождения младенца и увиденные повитухой, предопределяют судьбу, всю будущую жизнь новорожденного. «Окно обладает способностью к моделированию того, что через него видно», – отмечает В. Н. Топоров⁵². Добавим к сказанному, что в такой же мере оно моделирует и то, что из него слышно. Особенно это заметно в мифологических рассказах, соотнесенных с мантическим обрядом, в котором актуализируется окно и подоконное пространство. Так, в одной из бывальщин предсказание, осуществляемое вербальным способом, поступает из окна пустого дома, где безраздельно господствует мифический оракул. Причем слова предопределения гадающие получают, находясь в магическом подоконном локусе, созданном посредством троекратного очерчивания, выделившего для медиативной роли сакральный круг из профанного пространства⁵³. И наоборот, знакисимволы будущего, выраженные акустическими средствами, могут поступать через окно снаружи внутрь: «Потом, говорит, ён (дед. – Н. К.) окно открыл взял, зимой, открыл окно, да и слухат. А уж слуха, видно, там что-ни сказал. Вдруг-от как колокольци зазвонили! Как едут в Кулгалу, туды, дак только шум идет, только шум идет...»⁵⁴. Открытое окно в данном случае приравнивается к «размыканию» миров. И возникающая вследствие такого «размыкания» фоносфера служит акустической символикой предстоящей свадьбы.

Через окно программируется и жизнь в новом доме. По одному из рассказов, хозяин, совершая троекратный обход вокруг избы и дойдя до окна, вступал всякий раз в ритуальный диалог с хозяйкой: «До окна дошел – хозяйка кричит: „Кто ходит?“ Он отвечает: „Бог ходит, хлеб-соль носит“»⁵⁵. В результате наблюдается все та же коллизия: окно моделирует то, что через него услышано. В данном случае через окно ниспосылается покровительство сверхъестественных сил поселившимся в новом доме людям.

Таким образом, рассматриваемый проем в стене крестьянской избы осмысляется как окно в недифференцированный внешний мир, от мифических обитателей которого зависит судьба крестьянской семьи. Чтобы обеспечить наиболее благоприятный исход во взаимодействии с ним, живущим здесь предстоит соблюдать все связанные с окном, как и с другими компонентами дома, установления и предписания традиционного этикета. Ведь это не только канал связи с иным миром, но и страж, охраняющий границу крестьянского жилища от воздействия вредоносных сил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд. М., 2005. С. 95–97, 166–171; Он же. Окно в звуковом пространстве // Евразийское пространство. Звук, слово, образ. М., 2003. С. 120–133; Гришина И. Е. Семантика входных и оконных проемов крестьянского жилища как основа их композиционного развития // Народное зодчество: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1992. С. 63–84; Невская Л. Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 110–111; Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). М., 2000. С. 126–139, 198–206; Мороз А. Б. Божница и окно: семиотические параллели // Слово и культура. М., 1998. Т. 2. С. 114–125; Пермиловская А. Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск, 2005. С. 208–211, 251–258; Топоров В. Н. К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984. С. 164–186.

² Топоров В. Н. Указ. соч. С. 164.

³ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 262.

⁴ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. 3-е изд. М., 1999. Т. 2. С. 594.

⁵ Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. С. 147, 256–257. Фото 38–41.

⁶ Архив Карельского научного центра РАН (далее – АКарНЦ РАН), колл. 161, № 545 (номер текста в коллекции).

⁷ Там же, колл. 126, № 1.

⁸ Там же, колл. 52, № 48.

⁹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 120 (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXI); Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2004. С. 39.

¹⁰ Маковецкий И. В. Указ. соч. С. 147.

¹¹ Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 122–123.

¹² Максимов П. Н. Творческие методы древнерусских зодчих. М., 1976. С. 162.

¹³ АКарНЦ РАН, колл. 179, № 127.

¹⁴ Пермиловская А. Б. Указ. соч. С. 209.

¹⁵ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. СПб., 2001. Т. 1. С. 140–141, 143, 150, 274.

¹⁶ Гришина И. Е. Указ. соч. С. 74, 77, 80.

¹⁷ Бломквист Е. Э. Указ. соч. С. 58.

¹⁸ См.: Байбурин А. К. Указ. соч. С. 166–167.

¹⁹ Поэзия крестьянских праздников / Вступ. статья, составление, подгот. текста и примеч. И. И. Земцовского. Л., 1970. № 480, с. 337.

- ²⁰ Маковецкий И. В. Указ. соч. С. 111.
- ²¹ Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. М.; Л., 1965. № 1232. С. 78.
- ²² Там же. № 1448. С. 87.
- ²³ Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872. С. 78–79.
- ²⁴ Гришина И. Е. Указ. соч. С. 68.
- ²⁵ АКарНЦ РАН, колл. 181, № 66.
- ²⁶ См.: Байбурин А. К. Указ. соч. С. 167–168.
- ²⁷ АКарНЦ РАН, колл. 52, № 57.
- ²⁸ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 168.
- ²⁹ Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. статья и коммент. И. В. Карнауховой. Предисл. Ю. М. Соколова. М.; Л., 1934. № 121. С. 228.
- ³⁰ АКарНЦ РАН, колл. 169, № 430.
- ³¹ Там же, колл. 192, № 157.
- ³² Там же, колл. 134, № 44.
- ³³ Там же, колл. 125, № 57.
- ³⁴ Там же, колл. 125, № 58.
- ³⁵ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 169.
- ³⁶ АКарНЦ РАН, колл. 151, № 344.
- ³⁷ Там же, колл. 83, № 12.
- ³⁸ Там же, колл. 142, № 134.
- ³⁹ Там же, колл. 23, № 320.
- ⁴⁰ Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. Т. 4. Отд. 8. С. 144.
- ⁴¹ АКарНЦ РАН, колл. 169, № 520.
- ⁴² Там же, колл. 201, № 211.
- ⁴³ Топоров В. Н. Указ. соч. С. 172.
- ⁴⁴ АКарНЦ РАН, колл. 191, № 116.
- ⁴⁵ Там же, колл. 181, № 67.
- ⁴⁶ Там же, колл. 23, № 273а.
- ⁴⁷ Там же, колл. 6, № 102; колл. 68, № 154; колл. 84, № 38.
- ⁴⁸ Сказки и предания Северного края. № 79. С. 164.
- ⁴⁹ АКарНЦ РАН, колл. 43, № 171.
- ⁵⁰ Там же, колл. 160, № 153.
- ⁵¹ Подробнее о магии рукоделия см.: Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск, 2000. Т. 2. С. 87–113.
- ⁵² Топоров В. Н. Указ. соч. С. 177.
- ⁵³ Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. № 10. С. 19–20.
- ⁵⁴ АКарНЦ РАН, колл. 140, № 253.
- ⁵⁵ Там же, колл. 134, № 107.

В. П. Миронова
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Концепт границы между мирами в южнокарельских эпических песнях

Южнокарельская песня на сюжет «Сватовство в мифической стране Хийтола» повествует о том, как кузнец Илмойллине, главный герой руны, едет сватать красивую Катерину (иногда Анни). Анализируемая руна отражает архаичную традицию – искать невесту вдалеке. В этом факте просматриваются дуальные воззрения первобытного общества, когда каждый род жил на одной территории, вел общее родовое хозяйство, и весь мир в представлении первобытного человека делился на две сферы: «свое» и «чужое». В родоплеменную эпоху брать жен можно было только вне пределов своего рода или родового объединения, таков универсальный принцип первобытного строя – принцип экзогамии. Все это нашло свое отражение в народной культуре, одним из самых распространенных для многих фольклорных традиций, в том числе и финно-угорской, оказывается мотив поездки героя за невестой в «другую землю» или «за семь земель», герой непременно привозит или похищает невесту издалека.

В рассматриваемых южнокарельских песнях кузнец отправляется за невестой в далекую Хийтолу. Мифическая страна Хийтола – другая, чужая сторона, которая в песнях всегда противопоставляется «своей», родной земле. Необычное название берет свое начало от слова *hiisi* – *хийси*, рассматривая этимологию которого можно выделить несколько значений, связанных с языческими верованиями. Имя восходит к названию священной рощи, где запрещалось ломать ветки и рубить деревья и где в древности хоронили умерших. Еще до недавнего времени в этих урочищах существовали жертвенники, куда приносили еду, пиво, деньги, шерсть, одежду. Известны также отдельные культовые деревья хийси – береза, сосна, ель, а также озера хийси, каменные курганы. После христианизации священные рощи были заброшены, и Хийси превратился в злого духа, лешего¹.

По мнению протестантского архиепископа Микаэла Агриколы, хийси – святой лес или возвышенность², современные финские фольклористы, в частности А.-Л. Сиикала считает, что Хийси – это хозяин леса и его обитателей³, все прибалтийские финны поклонялись этому древнему духу Хийси. Упоминание мифической страны Хийтола как обители

мертвых и их душ, страны полулюдей и их останков встречается также в Приладожье и Ингерманландии.

Хийтола представляется как темное, мрачное, чужое, всегда опасное для героя далекое место. По своему описанию она имеет много общего с мифической страной Похъелой, характерной для рун Беломорской Карелии и Финляндии. Находится Похъела далеко на севере, название страны *rohjola*, *rohjoine* переводится с финского как север, дно, задняя часть чего-либо. Хийтола, как и Похъела, отдалены от родной земли эпических героев огромным водным пространством, что отражает мифологическую картину деления мира в горизонтальном пространстве: здесь – свой мир, там далеко за морем или за несколькими морями чужой иной мир.

Южнокарельская песня о сватовстве, в отличие от севернокарельских рун, не дает полного описания Хийтолы, за исключением небольших фрагментов:

«Sada on seivästy
Nijen Hiittolaizen pihas.
Yks on seiväs peätöi seiväs,
Se on sepongi varus!»

Целая сотня кольев
во дворе у Хийзи Хиттолайнена.
Один кол без головы,
тот кол кузнеца ждет.

КЭП. № 167. С. 333
Пялляля, Пряжинский р-он⁴

Далекую, чужую страну Хийтолу, так же как и в севернокарельских рунгах Похъелу, охраняют собаки, лай которых предупреждает о приближении незваного гостя:

Ajau seppo ieleeh
Pitkin merdy myöte.
Solovoit-linnut soitetah,
Kägizet kukutah,
I koirazet haukutah.

Едет кузнец дальше,
Вдоль по морю едет.
Соловьи-птички поют,
Кукушки кукуют,
И собачки лают.

КЭП. № 167. С. 334
Пялляля, Пряжинский р-он

Если мы обратимся к мифологическим рассказам и поверьям, то заметим, что собака в них осмысляется как медиатор, посредник между мирами. Упоминание о собаках Маналы нередко встречается в южнокарельских похоронных причитаниях.

Eigo hodi sie sinuudas tuonnikostu
Tuonen koirazedzi haukuksenneltu?

Не облаяли ли тебя, несчастную, собаки Туони?

КП. № 136. С. 244–246⁵

Таким образом, собака охраняла ворота в иной мир, что нашло отражение в рассматриваемых вариантах как беломорских рун, так и южно-карельских эпических песен.

Кроме Похьелы в севернокарельской традиции потусторонний мир называют Туонелой или Маналой, эти топонимы синонимичны, определяют место обитания умерших и их душ. В мифопоэтическом понимании эта земля находится за огненной рекой Туони, являющейся своеобразной границей и отделяющей мир людей от потустороннего мира. Заметим, что эпический герой никогда не едет свататься в Туонелу или Маналу. Старый мудрый Вяйнямейнен отправляется в Туонелу (Маналу) за тремя чудесными словами или предметами:

Tuoba oli vanha Väinämöini,
Vešti tiijolla venehta,
Luadi purtta laulannalla,
Uibu kolmija šanoja
Parrašpuida pannešša,
Liitokšia liittyy
Läksi Tuonelda oria
Manalalda viändämiä.

Был старый Вяйнямейнен
Заклинаньем делал лодку,
Пением делал челнок.
Не хватило трех слов,
Чтобы борты наладить,
Чтоб накладки наложить,
Пошел в Туони за шилом,
В Маналу за сшивками.

КЭП. № 92. С. 205
Ругозерский район

Таким образом, происходит некоторое разделение в изображении потустороннего мира: карельские эпические герои сватают себе невест в мифической Хийтоле и Похьеле, а в Туонелу и Маналу отправляются только за магическими знаниями. Своего рода исключением является ижорская традиция, где герой отправляется за невестой именно в Туонелу или Маналу:

Päivöin poika Valkiain,
Mannuhn poika, mies mataala,
Satuloi sata hevoista,
Sattoihe satulapuihe,
Tuhattii valjahisse.
Mäni Tuonelta tyärtä,
Manalalta morsianta.

Солнца сын, светила отпрыск,
коренастый сын земли,
Сотню оседлал коней,
на спины одел сто седел,
Тысячу упряжек конских.
К Туони свататься поехал,
К Манале просить невесту.

ИЭП⁶. № 17. С. 67–68

Исследователь ижорской эпической традиции Э. С. Киуру отмечает, что «в ижорских рунах, несмотря на то, что место сватовства и носит название потустороннего мира Туонелы-Маналы, сватающий имеет дело с реальной соседней деревней или даже с домом соседа»⁷. Ижорская эпическая традиция как наиболее поздняя по происхождению, сохранила

лишь название мифической страны, но в песнях эта страна уже не является каким-либо другим чужим или потусторонним миром.

Обращаясь к карельской похоронной обрядности, замечаем, что в причитаниях иным миром, куда отправляется душа после смерти, является именно Туонела. Она может находиться за огненными водопадами и полноводными реками. Переправляли туда умершего на лодке или в челноке:

Sid onhai, sie, sanotah, tulizied jokuot ga.
Kannateltihgo sinuudas kaheksalaidazil karablizil?
Vai kublatettih jo kuuzilaidahizil kut' t'izil?

И, говорят, там есть огненные реченьки,
Так перевезли ли тебя на восьмибортных корабликах?
Или переправили на шестибортных лодочках?

КП. № 136. С. 244

Примечательно, что в южнокарельских говорах гроб называли *guuhi*, но так же называли и челн, плоскодонку, которую в старину делали способом долбления, как и гроб. Одинаковое название гроба и лодки, а также одинаковый способ их изготовления подтверждает предположение о том, что загробный, потусторонний мир находится за водным пространством⁸. Похожие примеры захоронения в выдолбленных древесных стволах встречаются у многих народов Европы – в Англии, Германии, России.

Некоторые ученые оспаривали мнение о том, будто по древним представлениям карел загробный мир был отделен от мира живых каким-то водным пространством. Так, например, финский исследователь Уно Харва пишет, что представление о том, что Туонела находится за водой, «кажется чуждым для карел эпохи язычества, как и для других финно-угорских народов, которые хоронили мертвых в подобии лодки. На севере зарубежной Карелии можно видеть на могилах опрокинутые лодки, но, очевидно, этот обычай вызван тем, что родственники покойника не хотели пользоваться лодкой, в которой везли мертвого, а оставляли ее на кладбище, тем более что верили, будто покойнику в потусторонней жизни понадобится также и лодка»⁹.

Действительно, как отмечает исследовательница карельских причитаний У. С. Конкка, ни материалы самого похоронного обряда, ни тексты плачей не содержат представлений ни об острове мертвых, ни о реке, которую покойнику нужно переплыть. Исключением могут быть только немногочисленные южнокарельские тексты причитаний, где иногда появляется вопрос: приходили ли встречать на лодке без зова или надо ли было просить о перевозе?¹⁰

Этнографические же наблюдения говорят об обратном: кладбища, обиталище мертвых, практически всегда располагались на островах или мысах, на берегах водоемов, по отношению к поселению – «за водой», на некотором расстоянии. Водное пространство тем самым как бы ограничивало освоенную человеком территорию от остальной неосвоенной или малоосвоенной среды.

По представлениям карелов потусторонний мир может находиться и под землей, подтверждение мы находим в текстах карельских причитаний:

Elkyä pankua or'heih ilmoih otroituja ottajaistani olovien ošamultasien alla, jotta enkö voi hot oimun šilmitellä olovien aokojen oltuo oimin šilmittelen Tuonelan or'heista šyntysistä.

Не кладите мою, на доблестный свет меня родившую, принявшую под толстый слой земли. Не смогу ли хоть через заветные сроки посмотреть на нее у славных прародителей Туонелы.

КП. № 2. С. 43
Лоухский район

Таким образом, в общекарельской фольклорной традиции относительно местонахождения разделение мира на «свой» и «потусторонний» может происходить как в горизонтальном, так и в вертикальном пространстве. В анализируемой южнокарельской эпической песне о сватовстве мир «свой» и «чужой» всегда делится в горизонтальной проекции: мифическая Хийтола находится за огромным водным пространством:

Val'l'astele taatoin oršoi,
Yli meres yheksäs,
Puoli on merdy kummenetty.

Запрягая отцовского жеребца,
(Поедем) через девять морей,
Через полморья десятого.

КЭП. № 162. С. 323
Пряжинский район

Невозможно провести четкую, обозримую границу между этими двумя мирами, все эти пространства находятся в постоянном движении. В течение годового цикла было несколько сакральных (переходных) периодов времени, когда можно было наблюдать слияние человеческого и потустороннего миров. К примеру, это зимние или летние Святки, «являющееся своеобразным переходным („пороговым“) периодом, связанным с солнцеворотом, и вместе с тем со временем, маркированным культом предков, культом мертвых»¹¹. Именно в это сакральное время совершались всевозможные мантические обряды: девушки гадали на будущее, предсказывали свою судьбу. В этот период возможно было даже слышать или видеть образы, принимаемые представителями потустороннего мира, например, появление мифического существа Сюдю в виде катящейся копны сена.

Среди карелов были широко распространены поверья о том, что люди могли пребывать какое-то время в мире умерших¹². Чаще всего такие свойства приписывались колдунам, знахарям, обладающим какими-либо магическими способностями. Главный персонаж южнокарельской песни – кузнец Илмойллине. Кузнецов, как людей связанных с одной из природных стихий – огнем, также считали ведунами. Кузнец в сказках «перековывает старого на молодого, кует брачные узы или судьбу людям в заговорах и песнях, изображается в роли „знающего“ человека в мифологических рассказах»¹³. Вероятно, поэтому путешествие кузнеца в мифическую страну Хийтолу становится возможным.

Заметим, что это не простая поездка, а переправа в потусторонний мир, куда герой попадает различными способами. В некоторых случаях Илмойллине запрыгает лошадь и отправляется в путь по морю:

Lähtietäh hyö ajamah
Sulas meres piäliči.
Eigo kastuta kab'azet,
Eigo kastuta d'allakset.

Поехали они
по талому морю,
не промокнут копыта,
не промокнут полозья.
ЭПЮК. № 20. С. 50–51
Вохтозеро, Петровский р-он¹⁴

Из мира реалистического мы погружаемся в мир мифический, где путешествие на коне по морской глади считается возможным и не вызывает ни у кого сомнения. Конь Илмойллине как будто не бежит по морской глади, а летит над ней, не касаясь воды, тем самым напоминая птицу. В фольклоре, в частности в сказках и эпосе, встречается образ крылатого коня¹⁵. В южнокарельском варианте песни о сватовстве в Хийтола конь, по-видимому, сохранил признаки птицы, и поэтому он не бежит, а летит по морской глади.

В других вариантах кузнец Илмойллине едет за невестой на коне-лосе. Появление двойного образа коня – лося в качестве способа перехода в иной мир имеет некоторые предпосылки. Архаичным прообразом перевозчика является, вероятнее всего, лось. Это животное считалось священным в финно-угорской мифологии. В карельской традиции существует гигантский лось Хийси, погоня за которым описана в севернокарельских эпических рунах. Лось Хийси – обитатель мифической страны мертвых. В поздних записях южнокарельских песен образ священного животного лося трансформируется в «гибридный» образ коня-лося, т. е. два священных животных как бы слились воедино.

Согласно остальным вариантам песен о сватовстве Илмойллине отправляется в Хийтолу на лодке. Как мы уже отмечали, лодка представлялась как гроб, с его помощью душа умершего попадала в мир мертвых.

В рассматриваемых песнях лодка служит одним из способов переправы в потусторонний мир.

В некоторых случаях кузнец Илмойллине летит в мифическую Хийтолу на огромном орле. Подобным способом попадают в иной мир герои сказок. В карельской традиции образ орла появляется в свадебных песнях и ассоциируется с образом жениха. Птица в данном случае также является посредницей между мирами.

Итак, при рассмотрении южнокарельских песен о сватовстве определили, что граница освоенного (культурного) и стихийного (природного), «этого» и иного, потустороннего проходит по воде. Мифическая Хийтола находится за тремя- семью морями, только с помощью определенных средств кузнец Илмойллине имеет возможность преодолеть границу между миром «своим» и миром потусторонним.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мифы финно-угров. М., 2003. С. 83.

² Kalevalan selityksiä. SKS. Helsinki, 1901. S. 158.

³ Siikala A.-L. Suomalainen samanismi – mielikuvien historia. Helsinki, 1992. S. 34.

⁴ Карельские эпические песни / Изд. подгот. В. Я. Евсеев. Л., 1950 (далее – КЭП).

⁵ Карельские причитания / Изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск, 1976 (далее – КП).

⁶ Ингерманландская эпическая поэзия / Сост. Э. С. Киуру. Петрозаводск, 1990.

⁷ Там же. С. 188.

⁸ Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 59.

⁹ Harva U. Karjalaista kansanuskoa ja palvontaa // Karjalan kirja. Helsinki, 1932. S. 477.

¹⁰ Конкка У. С. Указ. соч. С. 60.

¹¹ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 1. СПб., 2001. С. 222.

¹² Конкка А. П. Освоение жизненного пространства: паназерские карсикко // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 229.

¹³ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Петрозаводск, 2000. С. 19.

¹⁴ Эпические песни Южной Карелии / Изд. подгот. В. П. Миронова. Петрозаводск, 2006.

¹⁵ См. об этом подробнее: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 170.

А. С. Лызлова
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Представления о пути в иное царство и преодолении границы между мирами в севернорусских волшебных сказках о похищении женщины

Коллизия, связанная с преодолением границы между мирами, широко представлена в волшебных сказках, зафиксированных на всей территории России. Материалом для настоящего исследования послужили тексты, записанные на Русском Севере (в Республике Карелия, Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской и Псковской областях) и опубликованные в сборниках XIX–XXI вв.¹

По справедливому замечанию В. Я. Проппа, композиция любой волшебной сказки основана на пространственном перемещении героя. Большую роль играет уже сам «факт отправки героя в путь»². Вот и в большинстве вариантов сказок, объединенных темой похищения женщины, именно похищение (или исчезновение) героини оказывается главной недостаточей, способствующей развитию действия.

Обычно поиски имеют целенаправленный характер. В путешествие, как правило, отправляются сын (сыновья) или брат (братья), оказавшиеся свидетелями похищения, или же нарушивший запрет муж (в единственном случае – сын³) героини, виновный в сложившейся ситуации. Сюда же примыкают варианты сказок, в которых отец идет проведать своих дочерей, отданных замуж за зооморфных или «природных» персонажей в благодарность за их помощь. (Сюжет, зафиксированный в СУС⁴ под номером 552В=АА *299: *Солнце, Месяц и Ворон – зятья*.)

В ряде случаев, несмотря на то, что произошло похищение (исчезновение), отправка героя в путь может быть мотивирована иными причинами. Так, в текстах указывается, что брату похищенных сестер становится скучно жить, и он едет за невестой или просто путешествовать.

Наконец, в некоторых сказках отправка героя в путь вообще не связана ни с каким похищением. Так, персонаж, имеющий чудесное происхождение⁵ и, как следствие, нередко отличающийся гиперболизированной силой и сверхъестественным аппетитом, вынужден уйти путешествовать. В других вариантах путешествие мотивировано несовместимостью происхождения героя со средой обитания: «И ему (Ивану-медвежьей уши. – *А. Л.*) уж в мире (т. е. среди людей) не жить. Ну что уж –

звериного поколения, так ему дома не жить. Вот он ушел в лес полесовать» (Балашов, № 55). «Палфил Попович (сын попа и медведицы. – А. Л.) как был человек огромнейший, он хлебов много ел. Они думают с матушкой, поп: „Куда же нам девать такого человека?“» (Никифоров, № 109); и отправляют его на различные задания: сначала «коров караулить» в лесу, потом просить у царя дань за то, что поп ему 25 лет служил. В конце концов Палфил Попович сам уходит.

К этой же группе в некоторой степени примыкают варианты сказок, где сразу три чудесно рожденных брата⁶ (в одном из проанализированных текстов герой, названный «Окати-горошка»⁷, – Карнаухова, № 41) обладают богатырской силой. В волшебной сказке, записанной от М. М. Коргуева, братья отправляются «по белому свету искать себе единщиков», в другом тексте Иван-царевич, Иван-корович и Иван-кухаркин сын идут «по белому свету себя показать и людей посмотреть» (Поморье, № 30). Во многих остальных вариантах царь, узнав про их силу, призывает героев к себе и спустя некоторое время сообщает, что когда-то у него пропали дочери. В этом случае поиски уже имеют целенаправленный характер.

Независимо от изначальной мотивировки путешествия героя (героев), оно всегда направлено в иной мир. При этом «герой не может оказаться в *чужом/ином* мире, не пройдя некоторого *пути* и/или не перейдя некую *черту*»⁸. Путь в этом случае оказывается своеобразным медиатором между мирами⁹. В сказочных текстах он отличается большей или меньшей длительностью¹⁰.

По справедливому замечанию В. Я. Проппа, все развитие в сказке «идет по остановкам, и эти остановки разработаны очень детально»¹¹. Вот и в вариантах, относящихся к теме похищения женщины, такие остановки по пути следования героя в иное царство играют чрезвычайно важную роль.

Большое значение имеют прежде всего встречи с различными персонажами в промежуточных локусах.

Очень часто помощником героя оказывается Баба-Яга (Карнаухова, № 14, № 69; Ончуков, № 167) или заменяющая ее старушка (Балашов, № 7; Коргуев, № 7; Никифоров, № 98, № 131; Пудожье, № 2), бабушка-задворенка (Карнаухова, № 14; Новгородская обл., № 35; Озаровская, № 26; Поморье, № 34). В пределах сказочного текста их может функционировать одна, две или три.

Кроме того, в роли помощника также выступают: «дедка» (12 ставешков, с. 39–52) или старик (Коргуев, № 7; Пудожье, № 2). В единичных случаях встречным оказывается мальчик (Карнаухова, № 39), карлик –

«сам маленький, а борода до самого полу» (Новгородская обл., № 35) или «какой-то человек», проходивший мимо (Заонежье, № 33). Эти персонажи сообщают герою, как добраться до нужного места, или же одаривают его особыми «указателями».

Самым распространенным таким «указателем» оказывается клубочек. Он фигурирует в подавляющем числе вариантов и лишь иногда заменяется эквивалентными предметами, которыми являются яйцо или колечко. Эти предметы отличаются способностью свободно катиться. Вообще же с данными образами (прежде всего с клубком) связано понятие о нити жизни, о судьбе; они заменяют дорогу. Упомянутые «указатели» приводят героя к границе между мирами.

Стоит отметить, что в некоторых сказках в ходе повествования вводится эпизод с двумя или тремя дерущимися лешими (Вологодская обл., № 9; Заонежье, № 48), лесовиками (Ончуков, № 167), чертями (Господарев, № 8; Пудожье, № 2), «косматыми» (Никифоров, № 98), которых путешествующий встречает на своем пути. Благодаря своей хитрости он становится обладателем таких чудесных предметов, как: дубинка-вязок (Пудожье, № 2), дубинка-драчунья (Никифоров, № 98), драчун-дубинка (Господарев, № 8); шапка-невидимка (Господарев, № 8; Никифоров, № 98; Пудожье, № 2), шляпа-невидимка (Заонежье, № 48); скатерть (Заонежье, № 48), скатерть-самобранка (Вологодская обл., № 9), скатёрка-хлебосолка (Никифоров, № 98); ковёр-самолет (Вологодская обл., № 9; Господарев, № 8); сапоги-самоходы (Заонежье, № 48); кот-бархот (Ончуков, № 167). В пределах одного варианта фигурируют два или три предмета. Эти вещи помогают путешествующему добраться до иного мира, вызволить героиню из заточения и расправиться с похитителем.

В редких случаях по пути в иной мир герой добывает яйцо, в котором заключена смерть Кошья Бессмертного (Господарев, № 8; Никифоров, № 98; Поморье, № 34). Вообще же поиски заветного яйца в сказках обычно происходят после того, как герой найдет похищенную, и она узнает у похитителя тайну его смерти.

Во время путешествия к персонажу, имеющему непременно чудесное происхождение, могут присоединяться один, два или три различных спутника: Горыня-богатырь и Дубина-богатырь (Соколовы, № 105); Горник и Дубник (Никифоров, № 109); Дубовик и Лесовик (Балашов, № 55); Ровнигор-богатырь и Усыня-богатырь (Карнаухова, № 41); Горокат и Девятьпил (Ончуков, № 34); Дубыня, Усыня и Горыня (Заонежье, № 33); Дубыня, Горыня и Усыня (Коргуев, № 11); один человек «лес переносит с места на место», другой «горы перекачивает», а третий «воду переливает» (Поморье, № 54), что служит знаками-символами преодоления границы: леса, горы,

воды. В одном из проанализированных вариантов путешествующим братьям (Ивану Вечеру, Ивану Полуночнику и Ивану Зорянину) компанию составляет «Карла Кутузов» (Ленинградская обл., № 17). В тексте из сборника Н. А. Иваницкого к отправившимся по белому свету Горыне и Коромыслу присоединяется Иван-богатырь (№ 631).

По пути следования перечисленных персонажей¹², как правило, встречается дом (Пудожье, № 8; Карнаухова, № 41; Коргуев, № 11); «ветхий домишка» (Иваницкий, № 631); избушка (Балашов, № 55; Иваницкий, № 623; Никифоров, № 109); изба с двором (Поморье, № 54); «двор обширной» (Поморье, № 35), «хоромы» (Соколовы, № 105), дворец (Ленинградская обл., № 17). Постройка очень часто имеет признаки чьего-то проживания: «от избушки куда-то идет дорога, кто-то живет в этой избушке» (Балашов, № 55); «дом пустой стоит, а скота много» (Карнаухова, № 41); «у этой избушки ходило очень много быков» (Никифоров, № 109); «полный дом валов (коров по-нашему)» (Соколовы, № 105); «полной двор это скота» (Поморье, № 35); «быков полный двор» (Поморье, № 54); «во дворе есть волю» (Коргуев, № 11); «полный двор коров» (Ленинградская обл., № 17). В связи с этим герои решают остаться жить в доме и убивают животных себе на еду. В определенный момент появляется хозяин дома, которым чаще всего оказывается старичок (мужичок) с ноготок, борода с локоток. В единственном случае избушка принадлежит Бабе-Яге (Балашов, № 55). Указанные персонажи требуют, чтобы их накормили едой, приготовленной из быков, и впоследствии избивают поочередно находящегося в избушке героя. Когда хозяин дома появляется в третий раз, то борется с Иваном Сосновичем (Поморье, № 54; Коргуев, № 11), Палфилом Поповичем (Никифоров, № 109), Иваном-медвежьи уши (Балашов, № 55; Соколовы, № 105), Сучьим-рождением (Иваницкий, № 623), Иваном Зоряниным (Ленинградская обл., № 17), младшим братом Иваном (Поморье, № 35), которые оказываются сильнее его. Однако персонажу-антагонисту удается сбежать. По его следу герои приходят к границе между мирами.

Недалеко от избушки находится, как правило, вход в нижний (подземный) иной мир. (В одном из рассмотренных вариантов хозяин дома скрывается в подполье (Никифоров, № 109).) Этот вход в текстах представлен в виде отверстия или углубления в земле: яма (Иваницкий, № 631; Поморье, № 54), нора (Балашов, № 55; Смирнов, № 11), обрыв (Никифоров, № 36), «дыра в землю» (Афанасьев, № 128; Заонежье, № 33), пропасть (Иваницкий, № 623; Поморье, № 30), подземный ход (Иваницкий, № 623). Его иногда прикрывает плита (Поморье, № 35) или же большой камень (Афанасьев, № 128; Иваницкий, № 631), «камень большаханской»

(Смирнов, № 11). В некоторых сказках подчеркивается, что само отверстие глубокое (Ончуков, № 34; Поморье, № 54), бездонное (Иваницкий, № 631).

Чтобы спуститься туда, герои используют специальные средства. Чаще всего они режут ремни и вяжут веревки из шкур быков, содержащихся на дворе. В одном из вариантов в качестве материала используется шкура медведя (Иваницкий, № 623). Помимо этого, приспособление может создаваться следующим способом: «Вот и стали они плести верёвку из елей, целый лес исплели на сотню верст, а конец верёвки все-таки до дна не достал. Тогда они приплели свою одежду и даже сапоги» (Иваницкий, № 631); «стали они с дерева лыко рвать, да вязку делать» (Ончуков, № 34); «Пошли в лес они, нарвали коренья, берёсты, всего» (Балашов, № 55). Иногда к веревке прилагается «вроде люльки ящик», в котором герой опускается вниз (Поморье, № 35). Он может проникать под землю как самостоятельно, так и при помощи своих спутников.

Мотивировкой путешествия в подземный мир оказывается желание узнать, куда же пропал хозяин избушки и что там такое находится. Уже во время своего пребывания здесь герой встречает похищенных женщин и освобождает их из заточения. Стоит отметить, что похитителем в этом случае является персонаж, которому принадлежит избушка, лишь в единичном случае встреченные девушки подверглись похищению со стороны Кошеля Бессмертного (Поморье, № 35).

В одном из рассмотренных вариантов Иван-коревич преодолевает границу между мирами благодаря братьям (Ивану-царевичу и Ивану-кухаркину сыну), которые бросают его сонного в пропасть «из-за корысти ради», так как он спас дочь царя, предназначенную чуду-юду на съедение, за что царь пообещал награду – полцарства и дочку замуж (Поморье, № 30).

Граница, соответствующая вертикальной модели мироздания, может в сказках отделять «этот свет» не только от нижнего, но и от верхнего иного мира.

В качестве такой преграды между мирами в большинстве из рассмотренных нами вариантов выступает гора. Ее эквивалентом в одном из текстов является большой вал (Новгородская обл., № 35). В сказках нередко подчеркивается высота данной преграды: это «такая гора, что и не видно ей конца. И под облак по самой» (Никифоров, № 131); «великая гора» (Никифоров, № 79); «высокая гора» (Карнаухова, № 14); «Боже упаси – гора!!» (Соколовы, № 79). Иногда даются некоторые сведения о характере ее склона: «гора крутая» (Соколовы, № 79); «гора очень крутая» (Пудожье, № 8); на нее «не попасть не пешому, не конному» (Смирнов,

№ 31); «такая крутая гора, что взлести на ней никак нельзя» (Коргуев, № 12); «влезти на гору никак <...>, потому как очень крутая» (Соколовы, № 153).

В одной из сказок эта преграда именуется «Вехоревы горы» (Озаровская, № 26): именно там «Вехорь Вехоревич» прячет похищенную героиню.

Несмотря на очевидную неприступность, подняться на гору возможно при помощи специальных средств. В нескольких вариантах таким средством оказывается лестница (Новгородская обл., № 35; Никифоров, № 79; Карнаухова, № 124). Этот образ подробно рассматривается в недавно вышедшей статье¹³, где Н. А. Криничная приводит различные лингвистические версии происхождения слова и образа¹⁴. Кроме того, в работе упоминается архетип древнейшей лестницы – суковатое дерево, появляющееся в одном из причитаний¹⁵. В рассматриваемых нами волшебных сказках такая лестница уже модифицирована: она железная.

Еще одно возможное приспособление, с помощью которого можно залезть на рассматриваемую вертикальную преграду, – «коготы» (когти) (Соколовы, № 79) или «нёгти» (ногти), надевающиеся на ноги и на руки (Карнаухова, № 14). Они позволяют «цепляться и удерживаться на крутом склоне»¹⁶.

Наиболее часто на гору можно подняться, используя цепь, к концу которой прикреплен якорь (Пудожье, № 8; Карнаухова, № 41; Коргуев, № 12), крюк (Смирнов, № 31; Соколовы, № 153) или же «хлуп»¹⁷ (Озаровская, № 26). В одном из проанализированных вариантов указывается, что длина цепи составляет 300 саженей (Озаровская, № 26), т. е. примерно 640 м, ведь сажень равна 2,13 м. (Здесь, как нам представляется, также подчеркивается высота горы.) В нескольких сказках сообщается и вес цепи, хотя единства в этом нет: 30 пудов (Озаровская, № 26) и 1000 пудов (Соколовы, № 153). Учитывая, что пуд равен 16,3 кг, вес цепи составляет соответственно 489 кг и 16,3 т.

В одном из рассмотренных текстов (Ленинградская обл., № 17) вместо цепи выступает веревка, которую герои (Иван Зорянин, Иван Вечер, Иван Полуночник и Карла Кутузов) свили самостоятельно, правда, не указывается, из чего¹⁸. К концу веревки они привязали большой камень, который нужен, чтобы зацепить ее за вершину горы.

Стоит отметить, что все эти приспособления могут находиться в непосредственной близости от преграды. Характерны и ситуации, когда герои заранее обеспечиваются ими или же создают их, достигнув рассматриваемой границы между мирами.

Примечательно, что у подножия горы нередко решается, кто отправится на нее. Как правило, таким персонажем оказывается самый силь-

ный, самый бесстрашный среди путешествующих. Лишь в одном из рассмотренных вариантов все три брата одновременно поднимаются на вершину (Коргуев, № 12).

Гора в сказках может быть не только вертикальной границей между этим и иным (верхним) мирами, она оказывается и своеобразным элементом ландшафта, возвышенностью. Так, в одном из проанализированных вариантов это препятствие возникает в подземном мире: «идет, идет, идет (Иван-корович. – *А. Л.*) и видит замок на горе, громаднейший замок» (Поморье, № 30).

В некоторых волшебных сказках расположение верхнего иного мира связано с деревом. На нем обычно обитает орнитоморфный похититель (Ворон). Отец, отправившийся проведать дочь, отданную замуж за Ворона, попадает на дерево с помощью зятя: «Он подхватил тестя – и на дуб, а там целое житье» (Поморье, № 35); «Ворон Воронович свел старика спать на суковатую ель» (Ленинградская обл., № 12). Или же герой сам забирается на него: «Он (старик) взял старуху, посадил в мешок, взял мешок в зубы и поставал на ель» (Никифоров, № 37). В этом же тексте есть, как нам представляется, некоторое указание на высоту дерева: «А старуха в мешку говорит: „Скоро ли?“ А ему сказать некак, что мешок в зубах. Она второй раз опять кричит: „Скоро ли?“ Старик и говорит: „Скоро!“ Мешок с зубов вылетел, и старуха оборвалась с ели на зень и убилась».

Помимо деления мира по вертикали, в сказках, объединенных темой похищения женщины, отражается также горизонтальное членение. В данном случае мы имеем дело с потусторонним миром, который располагается, по-видимому, на одном уровне с этим миром. Иное царство понимается как некая «далекая земля».

Границей, отделяющей иной мир от мира этого, оказывается чаще всего водное пространство (море). Чтобы преодолеть его, также используются специальные средства. Обычно герой достигает нужного места на корабле. (Такой способ преодоления преграды характерен для волшебных сказок на сюжет 301D* *Солдат находит исчезнувшую царевну.*) В тексте из сборника И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» (№ 69) преодоление границы между мирами описывается следующим образом: «Шол-шол и дошел до моря. Море – грозно! Тут советник и говорит: „Иван-богатырь, вылей капельки“. Он вылил, и вдруг ла дё й ка до него. Он сел, переехал и пошол».

Эквивалентом возможного «плавсредства» в текстах оказывается кит (Поморье, № 34), а также кот-бархот (Ончуков, № 167). Кроме того, герой может преодолевать указанное препятствие по воздуху,

используя ковер-самолет (Господарев, № 8) или Сивку-бурку (Никифоров, № 98).

В одном из проанализированных вариантов в качестве водной преграды выступает «озеро, небольшая речка» (Никифоров, № 37). Здесь старик-отец, отправившийся вместе с женой проведать дочь, преодолевает препятствие следующим способом: «Постлал на воду свою шубу, со старухой сели на шубу и переехали через озёрко». Примечательно, что похитителем в этом случае является Солнце, локализованное за горизонтом.

В сказке, записанной от М. М. Коргуева (№ 8), Иван-царевич, разыскивающий похищенную Кошеем Бессмертным жену, приходит «к одному глубокому ручью и нацинает переходить ёго черезь. И упал в этот ручей, и долго он в этом ручье тонул, и упала у нёго торбочка, и кольца и все вещи (подарки зооморфных зятьев и сестер. – *А. Л.*), только он вышел на сушу».

Еще одна водная преграда, через которую может пролетать путь героя, — это болото (Коргуев, № 8). В единичном случае в нем находится центр иного мира: «Вот доехали они (Иван-царевич и Орон-Верный. – *А. Л.*) до болота. В болоте стоит каменный дом», в котором Кошей Бессмертный держит в заточении похищенную Марфу Прекрасную (Карнаухова, № 141). Для преодоления этой границы какие-либо специальные средства не нужны, только особый способ продвижения: «Они пошли по болоту ползунком да катком» (Карнаухова, № 141). В сказках подчеркивается, что герои затрачивают очень много физических сил. Кроме всего прочего, болото тесно связано с лесом, который тоже оказывается своего рода преградой. При этом лес является местом, где обитают различные зооморфные и «природные» похитители (сюжеты 311 *Медведь (леший, чародей, разбойник)* и *три сестры*, 552А=АА 552 *Животные-зятья*, 552В=АА *299 *Солнце, Месяц и Ворон – зятья*, 650А *Иван медвежье ушко*).

Итак, в определенный момент повествования герой, преодолев все преграды, оказывается в ином мире¹⁹.

При изображении потустороннего мира в сказках нередко дается определенная социальная характеристика, т. е. упоминаются различные «виды и элементы поселений, общественные учреждения»²⁰, которые локально ограничены. При этом иной мир обычно именуется царством или государством, иногда – городом (Карнаухова, № 169), селом (Ончуков, № 78), территорией (Коргуев, № 7). Его центром, местом, где находится похищенная героиня, в большинстве сказок оказывается определенное строение: изба, «хатка», «халупочка», квартира, «хоромина», «фатера», дом, терем, замо́к или дворец.

Эти постройки также имеют своеобразные границы: стену (Никифоров, № 98; Соколовы, № 105), ограду (Никифоров, № 98, № 131), ворота

(Господарев, № 8; Карнаухова, № 89, № 124; Никифоров, № 131; Соколовы, № 153), забор из кольев, на которых нанизаны человеческие головы (Озаровская, № 26).

В некоторых вариантах сказок в качестве «живой» преграды у строений используются различные животные (как дикие, так и домашние) и даже птицы: собаки и быки (Никифоров, № 131); львы (Карнаухова, № 14, № 124); львы и тигры (Карнаухова, № 14); «страшные львы, злые тигры и лихие жеребцы» (Коренной, № 15); змеи (Никифоров, № 98; Пудожье, № 2); гуси (Ленинградская обл., № 17). Число их, как правило, увеличивается при путешествии от одного дворца или замка к другому. Эти животные пропускают героя после того, как он поит их водой (Карнаухова, № 14; Никифоров, № 131; Новгородская обл., № 35) или кормит хлебом (Коренной, № 15), мясом (Карнаухова, № 124), «жаркими» (Коренной, № 15), овсом (Коренной, № 15). Гуси замолкают после того, как Иван Зорянин вызывает шею шелковым платком старшему из них (Ленинградская обл., № 17). В некоторых случаях герой преодолевает эту «живую» границу, используя волшебные средства: проходит мимо них в шапке-невидимке (Никифоров, № 98), убивает с помощью дубинки (Пудожье, № 2).

Итак, попадая в иное царство, он продолжает свое путешествие, которое обычно заканчивается вызволением плененной героини. При этом пребывание освободителя в ином мире носит временный характер.

Что же касается рассмотренных в работе способов преодоления преград, то, как убедительно доказывает В. Я. Пропп в главе «Переправа» неоднократно упоминавшейся работы, все они «идут от представлений о пути умершего в иной мир, а некоторые довольно точно отражают и погребальные обряды»²¹. При этом в волшебных сказках, объединенных темой похищения женщины, отражаются не только представления о вертикальном членении мира, о котором говорит Т. В. Цивьян²², но также и о горизонтальной модели вселенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Великорусские сказки архива Русского географического общества: Сб. А. М. Смирнова. СПб., 2003. Кн. 1 (далее – *Смирнов*); Коренной П. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918 (далее – *Коренной*); Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 томах. М., 1957. Т. 1, 2 (далее – *Афанасьев*); Озаровская О. Э. Пятиречье. СПб., 2000 (далее – *Озаровская*); Перстенок – двенадцать ставешков (Избранные русские сказки Карелии). Петрозаводск, 1958 (далее – *12 ставешков*); Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960 (далее – *Иваницкий*); Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск, 1974 (далее – *Поморье*); Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982 (далее –

Пудожье); Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.; Л., 1961 (далее – *Никифоров*); Северные сказки: Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1909 (далее – *Ончуков*); Сказки Ф. П. Господарева. Петрозаводск, 1941 (далее – *Господарев*); Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986 (далее – *Заонежье*); Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955 (далее – *Вологодская обл.*); Сказки и предания Северного края / Записи, вступит. статья и коммент. И. В. Карнаухова. М.; Л., 1934 (далее – *Карнаухова*); Сказки Карельского Беломорья: Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск, 1939. Т. 1. Кн. 1, 2 (далее – *Коргуев*); Сказки Ленинградской области. Л., 1976 (далее – *Ленинградская обл.*); Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подготовил Д. М. Балашов. Л., 1970 (далее – *Балашов*); Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского уезда. М., 1915 (далее – *Соколовы*); Традиционный фольклор Новгородской области. СПб., 2001 (далее – *Новгородская обл.*).

² Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005. С. 32.

³ Вологодская обл., № 9.

⁴ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. 1979.

⁵ Иван-сосновец (Поморье, № 54), Иван Соснович (Коргуев, № 11); Иван-Ветер (Карнаухова, № 42).

⁶ Они имеют имена: Вечер, Полночь, Зорька (Пудожье, № 8); Вечер-Молодец, Полночь-Молодец, Зорька-Молодец (Коргуев, № 12), Иван Вечер, Иван Полуночник, Иван Зорянин (Ленинградская обл., № 17).

⁷ Вообще же персонаж с именем «Покатигорошек» является обычно братом, который имеет чудесное происхождение и рождается после похищения героини.

⁸ Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 198.

⁹ Там же. С. 199.

¹⁰ См. об этом подробно: Пропп В. Я. Указ. соч. С. 32–35; Трубецкой Е. Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М., 1922; Цивьян Т. В. Указ. соч. С. 199.

¹¹ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 33.

¹² В одном из вариантов путешествуют три брата-царевича: Василий, Григорий и Иван (Поморье, № 35).

¹³ Криничная Н. А. Лестница: к проблеме морфологии фольклорного мышления (по материалам мифологических рассказов и поверий) // Лингвофольклористика на рубеже XX–XXI вв.: итоги и перспективы. Петрозаводск, 2007. С. 169–178.

¹⁴ Там же. С. 173–174.

¹⁵ Там же. С. 172.

¹⁶ Елеонская Е. Представление «того света» в русской народной сказке // Этногр. обозр. 1913. № 3–4. С. 52.

¹⁷ По всей видимости, это тоже что-то вроде крюка; то, чем можно зацепиться.

¹⁸ Герои создают веревку во дворце у мужичка с ноготка, о котором речь шла ранее. Возможно, в сказке уже утрачен эпизод с волами.

¹⁹ Этот образ заслуживает отдельного рассмотрения.

²⁰ См. об этом: Цивьян Т. В. Указ. соч. С. 193, 194.

²¹ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 171.

²² Цивьян Т. В. Указ. соч. С. 200.

Л. И. Иванова
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Святочные персонажи карельской мифологии: к вопросу о персонификации границ

Граница – ...конец и начало...¹

Определение, которое дает понятию «граница» В. И. Даль, одинаково органично подходит и для современного, научного, восприятия мира, и для мифопоэтического, фольклорного. Исходя именно из такого понимания границы, можно заострить внимание на бесконечности мира и во временном, и в локальном аспекте. Святочные персонажи карельской мифологии, как никакие другие, наглядно персонифицируют все эти рубежи: и реально-географические, и пространственно-временные, и ритуально-этические, и магические.

Еще Б. Н. Путилов, говоря о взаимодействии человека с духами-«хозяевами» природы, подчеркивал, что «для людей они – объекты не только веры, но и повседневной реальной жизни, бытовой практики», и именно поэтому «границы между человеческим и нечеловеческим зыбки и непрочно»². Человек одновременно как бы выделяется, обособляется от мира низшей мифологии (четко проводя границу между «своим» и «чужим»), но с другой стороны, ощущает и свое единство с макрокосмом, с миром природы. Своеобразие синкретичности этого мифологического мира и человека – в отсутствии гармонии, в наличии сложных отношений, подчиненности и господства, борьбы и дружбы, страха и надежды, в постоянной их подвижности.

Изучая персонажей низшей мифологии, можно сделать вывод, что только те, что появляются в период Святков, имеют ощутимые различия в географическом плане (и никакие другие духи-хозяева: ни воды, ни леса, ни крестьянской усадьбы).

Само время Святков (с 6 по 19 января) называется по-разному: на севере Карелии это Vierissän keski, на юге – Synnyn muan aigu, а главные действующие лица, соответственно, Vierissän akka и Syndy. В обоих случаях это очень символические, с глубинным смыслом понятия.

Правильное их толкование важно не только в языковом или этнографическом, но и шире – в ментальном отношении. Обычно их переводят, ориентируясь на русский язык, Святки и Святочная баба. Но на севере

Карелии уже в терминах подчеркивается приоритет Крещения перед Рождеством, поэтому *Vieristän keski* (*Vierissa, Vierista, Vieristy*) и *Vieristan akka* – это, без сомнения, Крещенский промежуток (Крещение) и Крещенская баба. Сам крещенский обряд смывания годовых грехов «*kävvä Jordanah*» («ходить в Иордан») явно наложился на древний ритуал омовения, посвященный, к примеру, у русских бесам (как их называет автор Густынской летописи) – языческим богам Хорсу, Дажбогу, Стрибогу, Семарглу³.

На юге Карелии святочный период называют *Synnyn tuan aigu*. Дословно это: время земли Сюдю; время, когда земля принадлежит Сюдю. Шире, если учитывать, что основное значение слова «*syndy*» – «рождение», то это, возможно, день рождения земли.

Вообще у слова «*syndy*» множество значений: это и сами мифы о перворождении; и бог – Христос – иконы; и духи предков – умершие родичи, и потусторонний мир; и сам дух-хозяин, появляющийся во время Святка⁴. То есть, в отличие от севера, на юге приоритет в святочном периоде отдается празднованию Рождества.

Различна и внешность северно- и южнокарельского персонажей. Крещенскую бабу часто называют хозяйкой воды и видят в антропоморфном виде. Она может сидеть на берегу, как человек (Фон. 2511/13–14). Ее встречают в образе большой, похожей на медведя, черной женщины, расчесывающей волосы, которые сравниваются с водяными червями, живущими в озере (Фон. 3055/16–19). То, что Крещенскую бабу представляли в антропоморфном виде, подтверждает и до сих пор сохранившаяся в карельской деревне негативная оценка неряшливо одетой, растрепанной женщины. «*„Nuvä olet Vierissän akka!“ – hot ketä niin šanotah, ken on rahoin šuoringun, semmoni on. Viela ki nyt šanotah: „Tuo matkuan Vierissän akka“... Totta še on ollun Vierissän aikana!»* – «„Хорошая ты, Крещенская баба!“ – хоть кому так говорят, кто плохо одет, такой. Еще и сейчас говорят: „Там идет Крещенская баба!“ Точно, она была во время Святка!» (Фон. 3476/15–16).

Если Крещенская баба «*relättävä, vihainen henki*» (устрашающий, злой дух)⁵, то Сюдю менее опасен для человека. В карельском языке нет категории рода, поэтому (в отличие от севернокарельского персонажа) определить пол этого существа довольно сложно. Это как бы внеполовая сущность, хотя чаще всего подразумевается мужская ипостась, что роднит его с образом христианского Бога, Иисуса Христа, с которым его и ассоциируют некоторые информаторы.

В подавляющем большинстве случаев Сюдю, как и Крещенская баба, невидим. В иных же ситуациях он может представать в фито-

морфном образе: как копна или сани сена, как сенной шар (Фон. 701/7, 1734/8, 2949/10, 3463/27–35). В Сямозере его видели в образе северного сияния, идущего по снегу в поскрипывающих замерзших сапогах (Фон. 3460/46 – 3461/1). Во время распилки осины на маленькие колесики, с целью получения как можно большего количества опилок-муки для еды, Сюндю представился в виде катящегося большого деревянного колеса⁶.

Совершенно различно и место появления северно- и южнокарельских персонажей. Крещенская баба всегда выходит из проруби и туда же уходит. А Сюндю практически всегда опускается с неба и в крещенский сочельник поднимается обратно.

Таким образом, карельские святочные образы, как никакие другие, распространяются территориально, т. е. по ареалу бытования.

Попытка обрисовать контуры распространения святочных образов предпринята в статье А. Конкки: «На юге территории, занимаемой населением, говорящем на собственно-карельском диалекте карельского языка... а именно у ребольских и сегозерских карел, еще рассказывают о Сюндю или Сюнди... хотя для обозначения периода Святков уже используют наименование, тяготеющее к северно-карельской традиции „Виериссян вяли“ или уже чисто северно-карельское „Виериссян кески“, которые по своему смыслу идентичны. В средней Карелии, в отличие от южных районов, формируется устойчивое представление о связи святочного духа с водной стихией. Сюндю в этих местностях появлялся на земле из проруби, о спуске его с неба здесь уже не говорили (в то же время в некоторых северно-карельских деревнях вдоль границы с Финляндией мотив спускания святочного персонажа с небес появляется вновь)...

На севере Карелии, в Калевальском и Лоухском районах, известны представления о Виериссян акка – бабе Виеристя... Граница бытования термина Виеристян акка на юге практически совпадает с границей бывших Олонецкой и Архангельской губернии, разделявших ранее Карелию на две части по линии восток-запад. На самом севере Ребольской волости, в деревне Ровкулы, рассказывали о Сюннюн акка – бабе Сюндю, где, как видим, первая часть имени персонажа соответствовала представлениям южных районов, вторая же относилась к северно-карельской традиции. Однако уже в нескольких десятках километров севернее, на южном берегу приграничного озера Каменного (Kiithen järvi), по которому проходила граница губерний, в деревне Мииноа в качестве „святочной хозяйки“ фигурировала Виериссян акка... здесь присутствовали основные черты комплекса представлений о святочном духе, характерного для населения Беломорской Карелии... южная

граница распространения данных верований идет в восточном направлении, захватывая Юшкозеро и Панозеро, но обходя тунгудскую группу карел с севера»⁷.

Чтобы представить пространственно-временные границы, персонифицируемые святочными образами, необходимо обратиться к их мифопоэтическому восприятию.

Главным в мифопоэтике является герой, центральный персонаж, именно с ним неразрывно связаны пространство и время. Как пишет Д. П. Козолупенко, герой всегда необыкновенен, безразличен, соучастен ко всему и всем, бессмертен и неостановим (т. е. мифопоэтическому восприятию свойственно отсутствие «конечной цели» и «центра пространства», точнее: это там, где герой), архетипичен и неповторим. Он – главная точка, определяющая специфику причинности, пространства и времени, «вокруг него вертится мифопоэтический мир, им он определяется и изменяется. Можно сказать, что герой является динамичным центром мифопоэтического мира, организующим мир»⁸.

Мифопоэтическое пространство неопределенно и прерывно, текуче по своей сути: верх может оказаться низом, правое – левым. И в то же время оно абсолютно реально для рассказчика. «Поэтика фольклора есть поэтика движущихся тел. Времени и пространства в фольклоре собственно нет... Пространство в фольклоре существует не само по себе, а только относительно движения героя»⁹. Пространство представляется «как калейдоскоп особых мест, ибо место – не что иное, как конкретное пространство, связанное с образом героя, ситуации, действия и имеющее свою эмоциональную окраску»¹⁰.

Ко времени в мифологии вообще особое отношение. Л. Леви-Брюль писал: «...идея времени почти не существует для первобытного мышления»¹¹. В. Я. Пропп также говорит об отсутствии времени в фольклоре: «Нет предшествующего времени и нет последующего... Пространство познается в действии (передвижении), время – в абстракции (счет). Поэтому в фольклоре есть пространство и нет времени»¹². По мнению Д. П. Козолупенко, «время в мифопоэтике получается столь же разорванным, фрагментарным, как и пространство. И столь же зависимым от героя и события»¹³. Более того, расстояние часто измеряется временем. И таким образом, время и пространство в мифопоэтическом восприятии персонифицированы, неотделимы от главного героя, а значит, персонифицированы и границы миропонимания.

В карельской мифологической прозе именно через Крещенскую бабу и Сюдню персонифицируются пространственно-временные отношения и рубежи.

В мифологической прозе эти отношения совершенно особые.

В карельских космогонических мифах мир чаще всего образуется из водного хаоса, когда гусь (утка, ласточка и другие) сносит на колесо Вяйнмейнена одно или несколько яиц. Они разбиваются, и: верхняя часть «верхним небом становилась», нижняя – «снизу в землю превратилась», желток – в солнце, белок – в месяц, прочие куски «стали звездами на небе»¹⁴. Наиболее архаичной считается именно такая, двухчленная модель мира. Она или вертикальная: верх (небо) – низ (земля), или горизонтальная: середина мира (мир, в котором живет герой) – и окраина мира, чаще северная или западная (Похъела, Хийтола); она может быть и на острове. Такая оппозиция (чаще горизонтальная) характерна и для сказок: «свой» мир и «иной», «чужой», «далекий».

Позже возникает трехчленная модель мира, наиболее ярким олицетворением которой является мировое древо: верхний мир (небо) – средний (земля) и нижний (подземный мир, Maanala), где соответственно слоям проживают: Боги; души праведных; птицы – люди; копытные – демоны, души неправедных; змеи, лягушки, хтонические животные. В. В. Иванов пишет: «Трехчленные системы возникают внутри двухчленных (дуальных) мифологических систем благодаря повторному наложению оппозиции «верх – низ» на одну из частей дуальной системы»¹⁵: низ (земля) – верх (небо) и низ (вода) – верх (земля). Такая система сохраняется и на более поздних этапах, когда уже появляется идея воздаяния за грехи: рай – земля – ад.

Именно трехчленная модель мира в причитаниях П. С. Савельевой¹⁶. В верхнем мире обитают некие Боги, высшие существа (Spuassuzet), в земном мире (tuailma) живут люди, а в загробном, куда спускаются по ступеням, – прародители (syndyzet). У. С. Конкка пишет об отсутствии представлений о загробном мире в причитаниях северных и сегозерских карел, а их появление на юге объясняет позднейшим влиянием христианства¹⁷.

В большинстве карельских мифологических рассказов (о духах крестьянской усадьбы, леса, воды) мир дуалистичен. Но совершенно по-особенному. Дело в том, что все духи низшей мифологии живут как бы в пределах срединного, земного, пространства и в то же время – в человеческом восприятии в некоем внутреннем, подсознательном, мире. Нельзя сказать, что «их» мир вверху или внизу, справа или слева, близко или далеко. Он прямо тут же, на земле, и в то же время – и не внутри, и не извне земного мира. Он – в другом измерении. Скорее даже не в бытийном, а в сознательном. И этим как никогда подчеркивается единство микро- и макрокосма: мир духов внутри человека, и человек может попасть в него

извне, из своего мира (как и духи – из своего), преодолев какие-то невидимые глазу границы.

В святочных рассказах все еще сложнее. Мир Сюндю и Крещенской бабы также подсознателен. Но он еще и трехчленен и вертикален: святочные существа появляются или сверху, или снизу.

Более древним, скорее всего, является образ Крещенской бабы. Она явно сохранила в себе черты древней, возможно даже связанной с Матерью Вод, прародительницы (у М. Агриколы – *Wedhen Eme*), которую почитали древние карелы. Она еще соединена с некоей предвечной субстанцией, с теми водами хаоса, когда существовали только они, когда еще не было космоса.

И само это водное пространство (чаще всего под ним подразумевается река) служило в мифологии границей между мирами. В. И. Топоров считает, что «роль реки как места совершения ритуалов в значительной степени объясняется пограничной функцией реки: она рубеж между этим и тем, нижним миром, между свои пространством и чужим»¹⁸.

У марийцев почитается Васи́ли-кува (старуха Васильевна), предсказательница судьбы, сохранившая в себе черты богини плодородия и воды, которая в Святки тоже выходит из воды¹⁹.

Возможно карельская Крещенская баба непосредственно связана с Маналой-Туонелой. Она так же черноволоса, как «черноволосая дочь Туоны, Маналы низенькая дева» («*Tuonen tyttö mustatukka, Manalan matala neiti*»²⁰). И время ее появления на земле в период Крещенских морозов, черных ночей, быть может, обусловлено как раз тем, что она владычица той страны, где царит мрак, холод и мороз. Не случайно во время слушанья Сюндю чаще всего слышится лай собак, и само гадание так и называется: «*koirastu haukuttoa*» («заставить собачку лаять»). Именно собаки являются посредниками между мертвыми и живыми, они – маркировка потустороннего мира, именно их лай слышен в Туонеле: «*kuulin koiran haukahtavan, villähännän vilkuttavan*» («слышал собаку лающую, шерстехвостую повизгивающую»²¹). Возможно, изначально Сюндю и Крещенская баба были единым персонажем, живущим в потустороннем мире и связанным с культом предков. И лишь позже, под влиянием христианства, которое было сильнее на юге, они обособились, и первый стал жителем верхнего мира, где живет Бог, Христос, с которыми его и уподобляют, а вторая осталась в потустороннем мире, отделенном от живых водным рубежом-рекой.

Крещенская баба чаще всего поднимается, выходит из воды, из проруби. В более поздних вариантах быличек рассказывается, что перед встречей *Vierissä*n akka рядом с прорубью делали крест, чтобы ей было удобнее выйти на лед.

Она задает сакральные, полные таинственного смысла, вопросы, имеющие отношение к космогонической мифологии, в которых еще раз подчеркивается связь микро- и макрокосма: «Mikä ukxi?»

И в данном случае прорубь, у которой во время гадания стоит человек и из которой выходит Крещенская баба, является центром мироздания, «пупом земли», серединой мира, точкой, через которую и проходит преодоление границ святочным персонажем (в сакральной точке, в сакральное время!). «В мифологической модели мира категория середины дробится, так как каждый сакрализованный мезокосм (страна, город, дом и так далее) имеет свой особый центр, для каждого конкретного ритуала – единственный, и в то же время выступающий в качестве ипостаси космической середины, мировой оси»²².

В южнокарельских быличках таковой «серединой мира», через которую преодолеваются границы между верхним и средним миром, является выпечная «лестница» на столе, которую специально в Рождественский сочельник выпекают для встречи Сюдю. По ней он чаще всего и спускается с неба. В качестве центра мироздания во время ритуала гадания, точки пересечения рубежей, может быть и перекресток, где человек чаще всего и вступает в контакт с Сюдю.

В образе Сюдю переплелись и очень древние черты, и множество христианских наслоений. С одной стороны, это безусловно высшее небесное существо, которому поклонялись карелы, и за что, по мнению М. Агриколы, будут прокляты²³. Он живет на небе, ему, как и древнему громовнику Ukko, подвластны атмосферные явления, он может спускаться на звездах и являться в виде серебряного сияния; хлебцы, испеченные в его честь летом, защищают от молнии. И в то же время некоторые черты в образе Сюдю безусловно говорят о его связи с культом мертвых. Так во множественном числе называли первопредков в карельских плачах (Synduzet). Иногда самого Сюдю видят с надетым неводом вместо портянок, а лодками – вместо сапог. А лодка – это безусловно маркировка потустороннего мира²⁴. Но в любом случае в святочных мифологических рассказах он приходит из верхнего мира небожителей.

Пересекают Сюдю и Крещенская баба и временные границы. И происходит это именно в момент солнцеворота, на стыке нового и старого года. Они приходят на землю из своего мира на священные святочные двенадцать дней – с 24 декабря по 6 января (с 7 по 19 января). (Записано несколько быличек, в которых их видели и во время летних святок.) То есть они персонифицируют именно этот святочный переломный период, календарную границу годового цикла, когда умирает все старое и рождается все новое. Именно поэтому они являют собой

способность предсказывать будущее, и это как бы их единственная цель появления на земле. Святки являются сакральной точкой времени, точкой пересечения временных границ, равно как и прорубь и перекресток – священным ритуальным центром, пересечением пространственных рубежей. (Иногда временная точка пересечения еще больше уточняется: с двенадцати до трех ночи.)

Глобальный детерминизм мифопоэтического мировоззрения исходит из единства макро- и микрокосма, природы и человека. Равно как высшей ценностью в пространстве обладает та точка, где совершается акт творения, т. е. середина мира (в каждом конкретном случае – данное событие), точно так же максимальная сакральность в мифическом времени присуща началу творения. Во временном плане ситуация «в начале» повторяется во время празднования святок, когда солнце на стыке старого и нового года опишет свой годовой путь вокруг мирового древа. Праздник как раз и воспроизводит своей структурой порубежную ситуацию, когда пришедшим в упадок силам космоса (организованного мира) противопоставляются набравшие мощь силы хаоса. Старый мир, старое время, старый человек «износились», и только чудо, равное чуду первотворения, может спасти ситуацию. Происходит роковой поединок, как «в начале», заканчивающийся победой космических сил и воссозданием нового (но по образу старого) мира.

Не случайно карельскому святочному образу было свойственно и традиционное ряженье, вплоть до трансвестии, и сакральные игры, например, «в покойника», и ритуальное разбрасывание поленниц, ломание каменок в бане и тому подобное.

Но святочная обрядовая практика невозможна без строгого проведения и ритуально-этических границ. И это опять связано воедино с пространственно-временными рубежами, ибо середина, будь то времени или пространства, есть не что иное, как «источник космической гармонии», «носитель порядка и чистоты»²⁵. Ритуально-этические границы в обряде иначе называются запретами, и они касаются уже, с одной стороны, только человека, но с другой – только строго соблюдая эти границы, не нарушая их, он может вступить в контакт с Сяндю или Крещенской бабой. Это как бы границы между человеком и святочными персонажами, между микро- и макрокосмом. Но созданы они только ради одного: чтобы эти две силы вступили в контакт и взаимодействие закончилось бы благополучным исходом. Вообще в мифопоэтике только высшие существа могут беспрепятственно переходить любые границы. Для человека же это сопряжено с огромным риском и с соблюдением строжайших правил (достаточно вспомнить Лемминкяйнена, утонувшего в водах Туонелы; или

Орфея, оглянувшегося назад на любимую Эвридику; или Икара, поднявшегося слишком высоко к солнцу). В карельской святочной обрядности границы-запреты касаются двух моментов. Во-первых, это правила, которые нужно постоянно соблюдать в течение двенадцати священных дней: нельзя стирать, мыть полы, пилить дрова, выливать на улицу грязную воду, выносить мусор и золу, чтобы «не запачкать дорогу Сюндю». Время, когда «земля принадлежит Сюндю» – «чистое время» (Фон. 3067/27–30, 3367/2, 3355/16–19, 1312/1). Нельзя было стричь овец, чесать шерсть, потому что «стригушие» овец ходят и могут, что и кого угодно, «выстричь» из дома (Фон. 2610/32). Нельзя в это время прясть, все равно Крещенская баба нить порвет (Фон. 1312/1). При этом это может быть не только нить шерстяная, но и та, символическая «нить жизни», которую именно в святки прядут домашние и иные духи, ведающие судьбой человека²⁶. Нельзя в эти дни спорить, ссориться, ругаться, шуметь, стучать, грешить, ибо именно в эти дни продуцируется вся жизнь на новый год: как покажешь себя перед Сюндю и Крещенской бабой, так и жить будешь (Фон. 3265/74–76).

Вторая группа ритуально-этических границ связана с самим обрядом гадания. День этот должен быть проведен в тишине и покое, без смеха, ругани и крика. «Слушать» святочных духов шли поздно вечером, обязательно должно было быть нечетное количество человек, а иногда еще и специальный «отводящий», который будет чертить магический круг и читать соответствующий заговор. Садились на коровью шкуру или на сани, накрывались с головой венчальной скатертью, простыней или капюшонами. Круг обводился по солнцу чем-то острым, железным (нож, топор) или сковородником. На севере к тому же было необходимо четко и правильно ответить на магические вопросы Крещенской бабы. Когда предсказания закончатся, необходимо было уходить молча, не оглядываясь назад. Если какой-то из этих запретов (ритуальных границ) был нарушен, могла последовать беспощадная кара: Крещенская баба выскакивала из проруби и убивала нарушившего запрет. Не менее страшен был в гневе и Сюндю.

Еще одни особенные границы связаны с магическим кругом. Его «слушающие» должны были провести вокруг себя с целью оберега, и это замкнутое пространство служило защитой от святочных персонажей. Хотя на юге записано несколько быличек, в которых говорится, что, наоборот, необходимо оставить «дверцу», чтобы в случае опасности убежать от разгневавшегося Сюндю. В любом случае эта круговая граница-оберег была непреодолима для мифических существ и служила защитой для человека, хотя все же безопаснее всего было в момент опасности оказаться дома.

Таким образом, в святочной мифологии существует целый комплекс границ. Пространство, которое они ограничивают, в принципе, не интересует рассказчика. Более-менее описан мир, в котором живет он сам, а существование верхнего и нижнего миров просто констатируется. И поэтому главное внимание в карельских святочных рассказах уделено именно различным рубежам, разделяющим миры во временном, пространственном или ритуальном плане. Крещенская баба и Сюдю персонафицируют все эти границы, подчеркивая цикличность и бесконечность мифопоэтического мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1994. С. 964.
- ² Путилов Б. Н. Миф – обряд – песня Новой Гвинеи. М., 1980. С. 68.
- ³ Мансикка В. И. Религия восточных славян. М., 2005. С. 116. См. об этом подробно: Иванова Л. И. Святочные персонажи карельской мифологии. Рукопись.
- ⁴ Конкка У. С. Поэзия печали. Петрозаводск, 1992. С. 34–38.
- ⁵ Jyrginoja V. Akonlahden arkea ja juhloa. Turku, 1965. S. 124.
- ⁶ Vogdanova L., Zarinova O. Karjalaizien elaiigu. P., 2005. S. 13.
- ⁷ Конкка А. Святки в Панозере, или Крещенская свинья // Панозеро. Петрозаводск, 2003. С. 130–132.
- ⁸ Козолупенко Д. П. Миф на гранях культуры. М., 2005. С. 106.
- ⁹ Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 152.
- ¹⁰ Козолупенко Д. П. Указ. соч. С. 89.
- ¹¹ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. С. 285.
- ¹² Пропп В. Я. Указ. соч. С. 152.
- ¹³ Козолупенко Д. П. Миф на гранях культуры. М., 2005. С. 93.
- ¹⁴ Карело-финский народный эпос. Под ред. В. Я. Евсеева. Кн. 2. М., 1994. С. 12.
- ¹⁵ Иванов В. В. Верх и низ // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 234.
- ¹⁶ Степанова Э. Скрытый мир плачей П. С. Савельевой // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 190.
- ¹⁷ Конкка У. С. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁸ Топоров В. Н. Река // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 376.
- ¹⁹ Марийцы. Йошкар-Ола, 2005. С. 201–202.
- ²⁰ Lauluruu. Toim. M. Naavio. Juva, 1980. S. 216.
- ²¹ Ibid. S. 215.
- ²² Рабинович Е. Г. Середина мира // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 428.
- ²³ Hautala J. Suomalainen kansarunodentutkimus. Helsinki, 1954. S. 30.
- ²⁴ Анучин Д. Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда // Древности. М., 1890.
- ²⁵ Рабинович Е. Г. Указ. соч. С. 428.
- ²⁶ Криничная Н. А. Нить жизни. Петрозаводск, 1995.

Е. И. Маркова
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

На границе жизни и смерти (о поэме Николая Клюева «Кремль»)

В 2006 году вышла в свет книга «Наследие комет» с подзаголовком «Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре». Она подготовлена авторитетным исследователем творчества новокрестьянских поэтов А. И. Михайловым и дочерью художника А. Н. Яр-Кравченко Т. А. Кравченко. В ней собраны материалы, раскрывающие историю взаимоотношений удивительных людей – поэта и художника, начиная с их первой встречи в Ленинграде 11 апреля 1928 года и кончая посланием из Томска ссыльного Клюева к Яру от 23 марта 1937 года.

В книге впервые опубликована поэма «Кремль», которая 72 года хранилась в семейном архиве А. Н. Яр-Кравченко. Клюев работал над ней летом 1934 года в ссылке в городе Колпашеве Нарымского округа (ныне Томской области). 2 августа этого года он послал ее Анатолию Яр-Кравченко в надежде, что он познакомит с ней известных писателей, которые помогут ее опубликовать.

Клюев понимал, что «„Кремль“ – роковое... произведение»¹. Возможно, пропуск на свободу, а, скорее всего, окончательный приговор и не только со стороны властей, но и со стороны друзей. Поэтому он предупреждает Анатолия: «...ни на один час не оставляй ее ни у кого на руках, чтобы не наслоилось на нее клеветы и злых мнений...» (226).

Опасения поэта были не беспочвенны. Его почитатель И. В. Иванов-Разумник, ознакомившись с рукописью, нашел, что сочинение написано сломленным человеком, желающим «вписаться в стан приспособившихся» (199).

Действительно, при первом прочтении создается впечатление, что поэма корреспондирует с его заявлением, отправленным во ВЦИК из Колпашева 12 июля 1934 года, где он просит о помиловании. Здесь есть строки, напрямую перекликающиеся с одическими строфами «Кремля»: «...преклоняюсь перед Советовластием...; ...Чту и воспеваю Великого Вождя...»².

Однако ни один текст Клюева нельзя воспринимать буквально, в том числе и заявление, которое написано по канонам челобитной: возвеличение дарителя и самоуничтожение просителя.

Поэма «Кремль» – книга, безусловно, потаённая. Прося друга представить свое творение «собранию поэтов и нужных людей», Клюев наказывал: «...прочитай ее, не торопясь...» (226) («не торопясь» подчеркнуто его рукой). Поэт понимал, что только медленное, неспешное прочтение его поэмы приблизит читателя к сокрытому в ней смыслу.

До фактической гибели Николая Клюева остается три года и три месяца (23–25 октября 1937 г.), но, работая над «Кремлем», поэт понимал: дамоклов меч уже занесен. В письме к Яру от 2 августа 1934 года он писал: «Быть может, скоро кончится путь мой земной...» (225). Здесь же он причислил поэму к вещам, что «могут быть созданы только в раю или на эшафоте, раз за жизнь поэта» (225).

Начинается поэма как ода, с обращения-величания: «Кремль озаренный, вновь и снова К тебе летит беркутом слово...» (203). Повторяется обращение к Кремлю 5 раз. Однако в тексте присутствуют обращения и к другим лицам, названным поименно (Есенину, Безыменскому и др.), и множеству людей (товарищам, стране), а также к животному (коню) и персонификациям природных циклов (жизни, мгле). Всего в поэме 25 обращений. Это говорит о том, что автор взывает к диалогу, надеется на понимание. Элементы жанра послания явно перевешивают одические.

Заметим, что особенно актуален жанр послания был в эпоху первых революционных лет и 20-х годов. Не случайно и последние поэмы друга Клюева Сергея Есенина и его главного антипода Владимира Маяковского открываются обращением (соответственно строки в поэмах «Черный человек» (1925): «Друг мой, друг мой...» и во «Во весь голос» (1930): «Уважаемые товарищи потомки!»).

Хотя в отличие от Маяковского Есенин обращается не к массам, а к другу, он также надеется на понимание народа. Для подобного типа произведений, обращенных к большому числу единомышленников (народу, партии, стране, потомкам и проч.), исследователь А. Субботин еще в 1968 году предложил новую жанровую дефиницию – жанр поэтического обращения³. Поэмы Есенина и Маяковского написаны в предчувствии Конца, поэтому на жанр поэтического обращения не мог не повлиять жанр эпитафии – обращения мертвого к живым. Как видим, поэма строилась на границах диалогов трех типов: живого с живыми, мертвого с живыми, живого с мертвым⁴.

Цель данной работы: показать, как поэт, находясь и физически, и психологически в пограничном состоянии, решает проблему художник и власть, как он, обернувшись шутком (а они всегда имели привилегию – говорить правду царям), размышляет над тем, что есть на деле новое советское государство.

Пограничное душевное состояние породило как своеобразную форму произведения – балансирование на границе жанров, так и выбор в качестве основных образов-символов воды и камня, которые в мифологических контекстах выступают в функции границы между жизнью и смертью.

Подчеркивает это ощущение пограничности признание: «Я жив видением Кремля!» (208). «Видение» в данном контексте означает «призрак, привидение, что-либо возникшее в воображении»⁵. Подобное толкование подтверждается словами: «Виденье красного Кремля Нося в себе как свиток дыма...» (209). Нечто призрачное может являться больному наяву и здоровому во сне, грешнику могут быть посланы дьявольские видения, человеку, отмеченному перстом Божиим, – видения Троицы, Богоматери и других небесных сил. Иными словами: видения бывают у человека, находящегося в пограничном состоянии (больного, спящего). Само видение может быть закодированным посланием иного мира. Его адресат, даже будучи абсолютно здоровым, пребывает в момент приема информации на границе двух миров: земного/подземного или земного/небесного.

Заметим, что видения (и даже сновидения) зачастую выступают в литературе в качестве самостоятельного жанра. Последний, безусловно, также повлиял на клюевскую поэтику, ибо и сам творческий процесс мыслился «олонецким ведуном» как состояние на границе двух миров, и само действие в его произведениях происходит, как правило, на границе реального и ирреального⁶.

В центре поэмы – образ Кремля, который, как известно, входит в систему национально-государственной символики России и новой советской государственности. Раз заявлен образ Кремля, то в поэме должен быть образ кремлевского вождя – образ Сталина. Образы Кремля и Сталина то сливаются в тексте, то разводятся автором. Но и описанные порознь они указывают на свое тождество, так как соотносятся с одной метафорой – уподобляются скале. Сравним: герой-поэт рисует Кремль, как «скалу родимую» (203). Сталин же для него – «великий брат, Чей лоб в лазури Арарат...» (203).

Внешние башни московского Кремля, в известной степени, ассоциируются с горными (скалистыми) вершинами, а образ вождя, горца – грузина по происхождению – предполагает описание через «родственные» ему «скалистые» тропы. Тождество «Кремль – Сталин», описанное через образ скалы, символизирует несокрушимую мощь советского государства.

Но подлинный смысл тождества, как и смысл сопутствующей ему метафоры, становится ясен при рассмотрении его на архетипическом уровне. Мифологема «скала» представлена в мифологических текстах многих

народов мира, о чем свидетельствует, например, «Мифологический словарь» 1991 года, где она заявлена в 101 статье.

Прежде всего скала является персонификацией языческого божества, что соответствует природе мифа, где «форма тождественна содержанию и поэтому символический образ представляет то, что он моделирует...»⁷. Например, со скалой связывали образ Пирвы, древнехетского божества индоевропейского происхождения, на что указывало само его имя «реги-па», означающее в переводе с хетского «скала». От этого корня произошли индоевропейские названия и атрибуты бога грозы: Перун, Перкунас и т. п.⁸ Памятуя, что «по всей области расселения славян известны названия возвышенностей и гор, которые происходят от имени Перуна», как и святилище славянского бога грозы, что находилось на Перыни под Ногородом («регупи» древнее соответствие готскому *faigini*, «скала»)⁹, нельзя не предположить, что образ скалы, являющейся персонификацией Кремля – Сталина, проецируется на образ громовержца.

Совпадает цветовая гамма образов Перуна и Скалы (так в дальнейшем мы будем именовать тождество Кремль – Сталин) в поэме. Видимо, белые (серебряные) градинки и огненные (золотые) молнии наложили свой отпечаток на идола славян и древних русичей. Голова у него серебряная, усы – золотые. В поэме у Кремля не башни, а снежные нагорные вершины, которые видятся читателю серебристо-белыми. Доминирует однако «огненный» (золотой) цвет во всем разнообразии его оттенков: «зарнокий», «огневейный», «багряный», «красный», «розовый».

У Сталина серебряной голове идола соответствует «лоб-Арарат», что «Сверкает мысленными льдами» (=серебром). Написание же имени вождя (а в мифе существо и его имя тождественны¹⁰) имеет огненную окраску: «На свежем буквенном прогале Строка торжественная С–т–а–л–и–н Сверкнула золотом и медью» (213).

Сталин как руководитель нового государства и вождь мирового пролетариата ведет свою родословную не от супружеской четы Джугашвили, а от Ленина, образ которого также проецируется на скалу, поэтому и у него видишь «льдистую громаду лба В зубах от молний мысли гордой» (213). Опять то же сочетание серебряного с золотым. Эта цветовая гамма в фольклорно-мифологических текстах указывает на связь персонажа с миром мертвых¹¹.

Заметим, что образ Ленина не ощущается в поэме как самостоятельный. Здесь, как и в официальной советской прессе, произошло слияние вождей: «Сталин – это Ленин сегодня», что вполне соответствует мифологическому сознанию: «согласно древнерусскому источнику „Перунов много“ (Перунъ есть мнозь)»¹². Однако каждой из его ипостасей отводилась своя точка в географическом пространстве и свое сезонное время.

Хотя в историческом времени Сталин получил всю полноту власти после кончины Ленина, но продолжал оставаться со своим предшественником в одном пространстве Красной площади: один правил в каменном Кремле, другой возлежал в мавзолее из камня. Ощущение этой алогичной связи живого и мертвого породило практически слитное изображение их профилей на огненных знаменах и гранитно-мраморных барельефах.

Поэтому на уровне коллективного бессознательного происходило одновременное правление живого/мертвого («живого трупа»), которое совпадало с древнейшими представлениями о вечно умирающем и воскресающем божестве. Например, египетский бог производительных сил природы и загробного мира Осирис (Усир) ежегодно умирает и воскресает к новой жизни. Но в нем и в мертвом сохраняется жизненная сила, поэтому на изображениях сквозь гроб бога проросло дерево, а на его мумии лежали стебли злаков¹³. Гроб у Осириса, очевидно, был такой, как у фараонов (живых воплощений божества). Египетская погребальная «матрешка» состояла из серебряного гроба, повторяющего очертания мумии в золотой маске, его помещали в черный гранитный саркофаг такой же формы, последний ставили в прямоугольный каменный ящик¹⁴.

Образы Ленина – Сталина в поэме также даны через растения. Так, Сталина герой-поэт называет «Озимый брат...» (208). В советском букваре «Брусничный цвет и мох олений Пovýпряли, как пряжу, Л–е–н–и–н» (213). Заметим, что в тексте нигде прямо не говорится о его смерти. Но нее намекает только еловая веточка над ленинским портретом.

Образы брусники, оленьего мха, озимых связаны с холодным временем года, с северными широтами. Оппозиция живое/мертвое влечет не антитезу горячее/холодное, а синонимическую пару холодное/холодное, что усиливает ощущение мертвенности Кремля–Сталина (Ленина). А золотые и медные буквы имени вождя ассоциируются не только с огнем, но и с холодными металлами (ср. с гробом фараона).

Клюев предпочитает переходное, пограничное время суток: восходы и закаты. «Закатное» время – время Ленина. Время Сталина – время утренней зари, иногда – солнечного дня. Но и при описании яркого солнца нет ощущения тепла, потому что ни снег на вершинах Кремля, ни лед на лбах вождей не тает. Поэтому божество Скала в отличие от бога Осириса, олицетворяющего извечный круговорот жизни и смерти, символизирует иное состояние – смерть/нежизнь.

«Нежизнь» – то пограничное состояние между жизнью и смертью, в котором человек и общество внешне функционируют, как в жизни. У них только исчезает память, которая постепенно ведет к переоценке ценностей. Так, в поэме «Погорельщина» (1928) Клюев показал, что поначалу крестьянский

люди восприняли исчезновение с иконы Егория как трагедию, затем же, утратив национальную память, начал молиться Змию, оставшемуся на образе¹⁵.

Как правило, скала в фольклорно-мифологическом сознании либо соотносится с миром мертвым, либо является границей двух миров. Есть скалы-оборотни. Такой является грузинская богиня охоты Дали, которая может явиться охотнику в виде золотоволосой красавицы: может одарить, может и навеки погубить¹⁶.

Скала (Кремль – Сталин) в поэме – тоже оборотень, что подчеркнуто великолепием ее помощников. Они, как в народной сказке, являются прежде всего «персонификацией способностей героя»¹⁷. В поэме наиболее подробно описан Ворошилов, величественный всадник, принимающий парад. Его конь будто меняет окраску (от сверкающе белой до огненной), что указывает на его функцию: быть посредником между земным миром и миром мертвых¹⁸.

Возвращаясь к образу славянского божества, отметим, что он также соотносится с конем: Перун на мочуем коне разит змия. Эта композиция хорошо известна в мировой культуре, начиная с Зевса, скульптурных изображений римских императоров и т. д. К этому же ряду восходит и знаменитый Медный всадник Э.-М. Фальконе. Император Петр I на скале (на Гром-камне)-постаменте. У копыт его коня поверженный змий. Вспоминается знаменитый памятник и в поэме:

И над Невою всадник рьяно,
Но тщетно дыбит скакуна,
Ему балтийская волна
Навеки бронзой быть велена... (210)

Сталин стоит в ряду богов и императоров, но он сильнее всех, даже реформы и завоевания Петра бледнеют на фоне его побед.

Но где же поверженный змий? Прежде чем ответить на этот вопрос, укажем, что сравнение с Петром возникло в связи с перечислением великих деяний вождя. Начинается отсчет от чудесного канала (Беломорканала). Все могучие деспоты стремились показать свое могущество над природой, поэтому, в частности, заставляли рабов прорывать необыкновенные каналы в пустынях, которые, как правило, высыхали. Петр отвоевывал для страны моря и не рыл каналы. Сталин же в своих деяниях превзошел всех. Воистину верховный бог!

И императорское дело,
Презрев венец, свершил простой
Неколебимою рукой,
С сестрой провидящей морщиной,
Что лоб пересекла долиной,
Как холмы Грузии родной! (210)

Заметим: в описании вождя выделен жест (перст указующий) и проакцентирована морщина на лбу. Причем сверкающий (сияющий) лоб Сталина – Ленина, лоб-гора (утес) выделен не раз. Ленина, действительно, отличал огромный лоб, чего не скажешь о Сталине, но в мифопоэтическом контексте поэмы значимо не фотографическое сходство, а сакральная функция органа. Лоб, как известно, является вместилищем судьбы, соответственно Сталин – Ленин, олицетворяющий всю полноту власти Кремля, заключает в своем лбу судьбу страны.

В русском фольклоре есть существо Медный Лоб, прозвище которого, по мнению В. Я. Проппа, указывает на его принадлежность к огню¹⁹. Его стремятся поймать, чтобы познать смысл человеческой жизни, тайны мироздания и услышать дивную песнь. Помимо этого, Медный Лоб обладает властью над животным миром и волшебными средствами²⁰.

Этой же силой обладает вождь – «Могучий кормчий у руля Гренландских бурь и океана!» (210). Именно его «гордой волей человечьей» даже «тартар, молотом осилен...» (210). Список деяний бесконечен, ибо вождю подвластны небо и земля: «Мильоном рук на вещиц прялке Ты заплетаешь хвост комете, Чтоб алой розой на рассвете Мирская нива расцветала...» (204–205). Кремль преобразует самое космическое пространство:

... .. розовым кораллом
Цветет кремлевская скала!
Как перед ней земля мала
И круг орбитный робко тесен! (209)

Безусловно, у Сталина – Кремля есть своя песнь. Он «Повыщербил на тучах были» (205), «Ему вершинным вещим словом Дано живить и жечь до боли...» (207).

Казалось, эти характеристики не совпадают с определением Скалы как «нежизни». Но, охарактеризовав лоб, мы не остановились на его морщине. У Ленина, кстати, на лбу тоже зубцы (=морщины) «от молний мысли гордой» (213). Не сродни ли они кругам в виде стилизованных змей на лбу Тлалока, бога дождя и грома, в мифах ацтеков? Он выполняет те же функции, что и Перун, но внешне выглядит так: глаза – в виде стилизованных змей, клыки, как у ягуара, и змеиные завитки перед носом, в руках – змееподобный, усаженный зубами посох (молния)²¹.

Собственно, к древней космической функции мирового змея, держащего или окружающего землю²², восходят многие антропоморфные божества. В языческие времена им поклоняются, так как с ними связывали представления о животворном, оплодотворяющем начале. С возникновением религии им отводится роль низших мифических существ, служащих дьяволу.

Скала (Сталин – Кремль) в поэме, как было сказано ранее, – оборотень. Она и есть змий. Змий в обличе Перуна.

Кто же змеборец? Герой-поэт? Но не он ли связан «Певучей цепью» (203) со Скалой? На цепи не гордый Прометей, а славословящий поэт. Именно это якобы сегодняшнее настроение поэта и обманывает читателя.

В поэме действует принцип обратной композиции. Начальный этап взаимоотношений поэта и власти охарактеризован в конце произведения. Здесь герой открыто заявляет о своей враждебности к Кремлю, сравнивая его с ягуаром (ср. с Тлалоком), у которого «Мороз в костях и волос дыбом» (221). Он был убежден, что его стихи – «Волшебные опалы Не для волчат в косынках алых! – Им подавай утильный стих, И погрешка пионера Кротам – гармония и вера!» (222).

Скале у него противостоит тысячекратно воспетая изба, которая, являясь средоточием русской культуры, открыта для духовных ценностей мира. Заметим, что поэт вспоминает не об «избе-богатырице», а об «избе под елью» (203, 206), которая, скорее, отождествляется с избушкой на курьих ножках, нежели с крестьянским домом. Именно в лесной избушке сказочный герой проходил через обряд инициации и становился обладателем чудесного дара.

Подтверждают наше предположение самохарактеристики героя: «сосновый Клюев, Шаман, гадатель, жрец избы...» (206). Они свидетельствуют о получении поэтом потаённого знания, которое делает его могущественным:

Я – сам земля, и гул пещерный,
Шум рош, литавры водопада... (206).

Есть у него и своя волшебная гора – глыба «Державы царской» (211). Напомним, что первоначальное негативное отношение к царской власти Клюев пересмотрел только в «Песни о Великой Матери» (1929–1934), где он сочувственно пишет о Романовых и о царевиче (жертве) Алексии. Интересно, что за символической глыбой (от России, по его признанию, остались одни эти обломки) он прячется в образе жертвенного ягненка.

Чтобы глухой овечьей дверцей
Казать лишь горб да шерсти пястку
Широкой жизни, впрягшей сказку
В стальные крылья пятилетий! (222)

Но под видом Агнца в Писании скрывается сам Иисус Христос – великая жертва за грехи всего рода человеческого. Поэт, однако, олицетворяет не сам Храм Христа Спасителя, а только его дверцу. А двери и ворота в фольклорно-мифологических текстах означают границу между двумя

мирами. Так и герой-поэт стоит на границе православной крестьянской России и новой Страны Советов. Казалось, он был готов к поединку.

Сам поединок описан в середине поэмы. (Фрагментарное, рассыпанное по всему тексту житие героя чрезвычайно затрудняет понимание произведения и требует тщательной реконструкции.) Герой, увы, не победил. И не принял, подобно Агнцу, смерть. Он опять оказался на распутье, на границе.

Создавая образ героя, автор наиболее подробно описал сердце – орган, от которого зависит жить или не жить человеку. Чтоб перейти в новую советскую веру, нужно убить в себе сердце поэта. Это и сделал герой: «И зверобойному копыю Медведем бурым сердце ставлю... Убей...» (212). После этой акции жизнь «соснового Клюева» разделилась надвое: это – бытие живого человека с мертвым сердцем и житие сиротки-музы (совсем по-пушкински: «душа в заветной лире»). Существование Слова в качестве отдельного существа характерно для ненецких сюдбабц (сказаний). В них Слово-Песня, «все слышащее, все видящее, чтобы это сбесречь для потомков, чтобы вернуть память предков народу...»²³.

Начнем с бытия поэта. Он готов к обряду посвящения, через который он уже прошел в молодости. Тогда обряд правил Архистратиг, теперь Кремлевский вождь.

Он грудь мою рассек мечом
И, вынув сердце, майский гром,
Как птицу, поселил в подплечье,
Чтоб умозрения увечье,
И пономар(ь)ское тьморечье
Спалить ликующим крылом! (208)

Если в молодости, пройдя духовную инициацию, поэт возродился верным «ангела глаголу» («Я был в духе в день воскресный», 1908), то сейчас, пробудившись «вешне-громным», он рычит «ягуаром разъяренным... на прошлого себя» (222).

Чтобы петь новые песни, этого мало: надо обрести новое магическое знание и новое слово, надо «научиться быть железным» (208), соответствовать индустриальной державе. В каком обличье предстать перед Кремлем: может, «лосихой Невиданной багряной масти» (220), носящей приплод? Но интуитивно чувствуя, что все природно-женское (рождающее) чуждо титану, поэт обернулся «Матерым дубом на закате» (203).

Ведь Сталин тождествен не только Скале, но и дубу «под облаком грозovým» (207). Он – «самоцветный дуб из стали» (206), что не противоречит связи этого образа с Перуном, поскольку последний соотносится с этим деревом. Кремль и дуб разделяет граница – стена (или, говоря на языке фольклора, змеиный вал), но дуб-поэт умудряется дотянуться

до вождя «Неистошимыми корнями» (203), т. е. прорастает сквозь почву и обнимает скалу, что «Мёдом капала» (205). Здесь он уподобляется скандинавскому богу Одину, который в обличье змея пролезал в просверленную в скале дыру за медом поэзии²⁴. Корни дуба-поэта – не те же ли змеи? (В тексте, кстати, есть выражение: «Змеится корень в колкий кремень» (215).) Выходит, поэт теперь такой же змий, что и вождь, но эпитет «матерый» (от слова «мать») говорит о неоднозначности этого образа.

Но и Скала не отпускает поэта. Как Прометей поверженный, он прикован к ней «Певучей цепью заревою» (203) – вечным ощущением своей вины. Именно гнетущее чувство вины отличает подданного тоталитарного государства от свободного человека.

Что же сиротка-муза? Ей предстоит «Наплакать в земляничный кузов Слезинок, как Осиный нектар!» (212). Как и сердце поэта, подробно охарактеризованы в поэме его слезы.

Новорожденный поэт, подобно сказочному коту-баюну, ходит по цепи вокруг Кремля, а слеза, которая пробуждает память фольклорного героя, сливается с образом старого деда. Происходит трансформация женского образа (музы) в мужской. И речь идет уже о смерти и воскресении плачущего деда, о чем и поведали в своих песнях тунгус и тунгуска (эвенки).

Песня тунгуса – это своеобразный плач о плаче, в котором масса сравнений слез деда со слезами всего природного мира. Но слеза зверя, например смертельно раненой лосихи, порождает новую жизнь: «Но слезы маткины – молóка, Что выдра выпила с насока У молодого осетра, Ей выводиться не пора По тростниковым мягким зыбкам, Чтоб из икры родилась рыбка!» (218). Таким образом, слезы деда вписываются в изблуженный Клюевым природно-материнский мир (лосиха, кукушка, жёнка). Не случайно песню тунгуса подхватила тунгуска, но ее песенка, скорее, звучит, как заклинание: «Чам-Чам, чамарша! – В ветеренце есть душа» – поселился дед в клубок, Чтоб крутиться наутек!» (218). Ее магические слова и действия типичной клюевской Пряхи выпряли новую судьбу деду: он отправляется в Москву.

Доскачет ли не доскачет он до Кремля, пока не известно, но повсюду останутся следы пребывания его музы. Они в заколоченном саду, где «гать... стихов, там много дупел И дятлов с ландышами вкупе» (208–209); в «норе барсучьей» (222). Но дупла, норы есть знаки пронимальной (родильной) символики²⁵, поэтому стихам суждена новая жизнь и новый читатель. Не случайно в заколоченном саду видится внучонок.

Дед и стал ручьем из слез, и сани его полны слез и, возрожденный, он плывет на плотках по реке.

Мои стихи – плоты на Каме
Несут зарницы и костры,
Котлы с ухой, где осетры
Глодают огненное сало... (203)

И плоты будут плыть, «Пока напевы-осетры Не заплывут Кремлю в ладони, И на костях базар вороний Не обернется мглистым сном, Навеванным седым Нарымом И Оби саваном» (209). Выходит: напевам-осетрам (а именно эта рыба произошла от слез природных существ) дано вернуть миру жизнь. Дед-Слеза победит Сталина-Скалу.

Значимую роль в этом поединке играют осетры. В поэме «Погорельщина» идеальная деревня называлась Сиговый Лоб, отражая древнее представление, что мир стоит на рыбе и ей тождествен. Соответственно, на лбу ее (на голове) = на деревне держится Русская Земля. Этот ойконим проецируется и на христианскую культуру: знаком рыбы помечен Спаситель. Его распятие свершилось на Голгофе или в переводе с древнееврейского на черепе = на лобном месте (на лбу). Сиговый Лоб – это и основа, и Голгофа православной России.

Строители нового мира разрушили старый мир – погубили Сиговый Лоб. Напевам-осетрам дано возродить мир-рыбу: капля камень точит...

Возможно ли обмануть Скалу? Кормчий Сталин «Пучину за собой ведет И бурями повелевает» (223), поэтому не заметит опасности слезного потока.

Река Кама – река слез, разумеется, не реальная река, а магическая река, река – граница между мертвым и живым миром, который, как ни странно, сохранился в глуши каторжного Нарыма.

Реальная Кама, важнейший приток Волги, никак не может течь от Нарыма. Безусловно, клюевская река хранит в памяти имя русской реки, но, скорее, она таит имя Камы – бога любви в брахманизме и индуизме. Могушеству зла должно противостоять могущество любви. Любовь должна быть единственным оружием поэта.

В пространстве Скалы есть слабое место – ее ворота (как было сказано, они являются границей между мирами). Ворота красного Кремля носят христианское имя: Ворота Спасские. Не случайно к ним принес дед «певчий камень алатырь» (206). «В стихе о Голубиной книге и русских заговорах Алатырь («бел-горюч камень») ассоциируется с алтарем, расположенным в центре мира, посреди океана, на острове Буяне; на нем стоит *мировое дерево*, или трон, святители, сидит девица, исцеляющая раны; из-под него растекаются по всему миру целебные реки...»²⁶. И есть надежда, что реки эти воскресят «избяной космос» с его собором-купиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кравченко Т., Михайлов А. Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре. М., Томск, 2006. С. 225. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках № страницы.

² Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. статья А. И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб., 2003. С. 413.

³ Субботин А. Жанр поэтического обращения у В. Маяковского // Ученые записки Уральского ун-та «Проблемы жанра и стиля в советской литературе» (Серия филол., вып. 10). Свердловск, 1968. № 85. С. 3–19.

⁴ См.: Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997. С. 49–59.

⁵ Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2003. С. 77.

⁶ См.: Маркова Е. И. Указ. соч. С. 133–161, 211–303; Михайлов А. И. О сновидениях в творчестве Алексея Ремизова и Николая Клюева // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 89–103; Логинов К. К. Николай Клюев и традиционные мистические практики России конца XIX – начала XX веков // XXI век на пути к Клюеву: Материалы Междунар. конф. «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева» / Сост. Е. И. Маркова. Петрозаводск, 2006. С. 19–30; // Трофимов И. В. Предметный мир эпоса Н. А. Клюева («Погорельщина») // Там же. С. 111–118.

⁷ Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1991. С. 653.

⁸ Мифологический словарь. С. 441.

⁹ Там же. С. 438–439.

¹⁰ Мелетинский Е. М. Указ. соч. С. 653.

¹¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 175–176.

¹² Мифологический словарь. С. 439.

¹³ Там же. С. 419.

¹⁴ Лаврин А. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. М., 1993. С. 303.

¹⁵ Маркова Е. И. Указ. соч. С. 225–240.

¹⁶ Мифологический словарь. С. 24.

¹⁷ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 167.

¹⁸ Там же. С. 175.

¹⁹ Там же. С. 160.

²⁰ Там же.

²¹ Мифологический словарь. С. 543.

²² Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 195.

²³ Преловский А. Предисловие переводчика к ненецкому сказанию «Дети Владыки Ябта Саля» // Север. 1988. № 10. С. 64.

²⁴ Мифологический словарь. С. 356.

²⁵ Щепанская Т. Б. Пронимательная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и Азии. СПб., 1999. С. 150–179.

²⁶ Славянская мифология. М., 1995. С. 31.

Ю. Г. Шикалов
Университет Йюенсуу, Финляндия

Архангельская Карелия: заворки Востока или форпост Запада?

Репродуктивное поведение крестьян Архангельской Карелии
в конце XIX – начале XX в.

В трудах, касающихся истории развития крестьянских семей в Европе, отмечается, что в XIX в. граница между так называемым западным и восточным типами крестьянских семей проходила по меридиану Петербург – Триест. Одной из отличительных черт семей восточного типа была высокая рождаемость и чрезвычайно высокая младенческая смертность. Эти демографические признаки характеризовали репродуктивное поведение большинства русских крестьян¹. Напротив, в семьях западного типа крестьяне стремились ограничить рождаемость, и младенческая смертность в таких семьях тоже была значительно ниже.

Б. Н. Миронов, выпустивший фундаментальный труд по социальной истории России периода империи, отмечает, что в конце XIX – начале XX в. отличительной чертой демографического менталитета православных русских крестьян являлась высокая рождаемость². По мнению социологов, высокая рождаемость была характерна для феодального общества, в котором понятия «семья» и «хозяйство» являются неразделимыми. По мере развития общества и отхода от натурального хозяйства наблюдается переход от традиционно высокой рождаемости к рациональным формам репродуктивного поведения³. В России изменения в репродуктивном поведении крестьян начались лишь во второй половине XIX в., по мере развития капиталистических отношений. До этого времени преобладала традиционная модель репродуктивного поведения. Дети считались Божьей благодатью и к их рождению – как, впрочем, и к смерти – крестьяне относились фатально: «Бог дал – Бог и взял»⁴.

Беломорская Карелия, являвшаяся частью Кемского уезда Архангельской губернии, располагалась на крайнем северо-западе России и была далека от промышленных центров. В XIX в. эта этническая область воспринималась российской общественностью как глухая провинция, населенная далекими от цивилизации «инородцами»⁵. Даже соседи карел по уезду – поморы – считали их народом диким и весьма опасным⁶. Логично было бы предположить, что в карельских семьях Кемского уезда во второй половине XIX столетия не могло быть и намек

на переход к рациональной форме репродуктивного поведения. Не удивительно, что современные исследователи Карелии нередко пишут о том, что карельские женщины рожали большое количество детей и детская смертность в этом «диком» краю была чрезвычайно высокой. Так, например, Р. Ф. Никольская отмечает в своих исследованиях, что «в конце XIX – начале XX в. карельские женщины рожали до 16–18 детей, однако лишь незначительная часть их выживала»⁷.

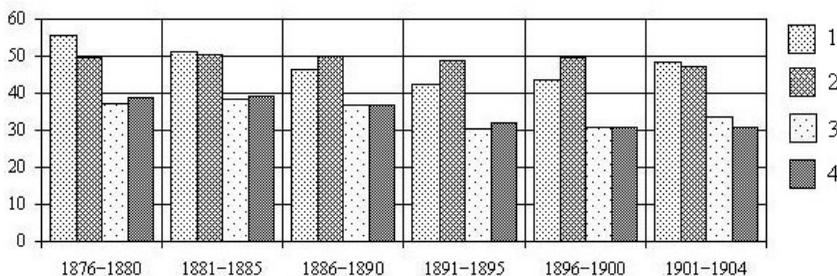
С другой стороны, сами беломорские карелы, когда говорили о количестве детей в семьях, редко упоминали такие большие цифры⁸. Подобные разногласия и послужили причиной исследования, проведенного автором. В исследовании были использованы статистические данные, полученные из церковных книг и всевозможных справочников, а также этнографические материалы. Уже данные этнографов говорят о том, что в среде крестьян Беломорской Карелии традиционное репродуктивное поведение не пользовалось популярностью. В деревнях Карелии молодые люди старались не брать в жены девушек, которые, по их мнению, могли быть слишком «плодовитыми». Часто рожавших женщин называли «гусынями», и относились к ним с недоверием. Не одобряли и женщин, которые не родили ни одного ребенка. Таких называли «лошадиным племенем» и считали, что у них «отсохли» детородные органы⁹.

Результаты статистических исследований полностью подтверждают данные, собранные этнографами. В проведенном исследовании подсчитаны показатели рождаемости в Беломорской Карелии и Кемском Поморье с 1876 по 1904 г. Установлено, что в исследуемый период среднегодовая рождаемость в среде беломорских карел равнялась 35‰. Этот показатель значительно ниже, чем среднегодовая рождаемость по европейским губерниям России, где рождаемость в конце XIX – начале XX в. была близка к 50‰¹⁰. В деревнях же Кемского Поморья рождаемость равнялась 48‰, т. е. практически не отличалась от показателей рождаемости, характерных для большинства русских деревень европейской части России.

С другой стороны, рождаемость в карельских деревнях Кемского уезда была близка к показателям рождаемости в финской провинции Кайнуу, являвшейся ближайшим соседом Беломорской Карелии на западе. Вообще в Финляндии показатели рождаемости не превышали 50‰ даже в XVIII в., а к концу XIX столетия они снизились до уровня 35‰. В первом десятилетии XX в. рождаемость в Финляндии уже не превышает 30‰¹¹. В провинции Кайнуу картина изменения рождаемости практически не отличалась от общей картины изменения рождаемости в Финляндии. Если в 80-х гг. XIX в. среднегодовая рождаемость в этой отдаленной от центра провинции еще достигала иногда 40‰, то

уже в 90-х гг. рождаемость здесь снижается до уровня примерно 30‰ и держится на этом уровне вплоть до 30-х гг. XX столетия¹². Приведенный здесь график наглядно показывает картину изменения рождаемости в описанных регионах. Из графика видно, насколько близки были показатели рождаемости в Беломорской Карелии и провинции Кайнуу и насколько сильно они отличались от рождаемости в Кемском Поморье и от средних по европейской России значений рождаемости.

Рождаемость (‰) в Кемском Поморье (1), европейских губерниях России (2), Беломорской Карелии (3) и финской провинции Кайнуу (4) в 1876–1904 гг.¹³

Уже в начале XIX в. во многих странах Западной Европы происходит уменьшение уровня рождаемости и переход населения от традиционного к новому, так называемому рациональному типу репродуктивного поведения. Причиной послужило развитие индустриального производства и связанные с ним изменения экономических и социальных функций семьи. В России изменение репродуктивного поведения происходило с большим запаздыванием и в конце XIX в. снижение рождаемости наблюдалось лишь в Прибалтийских регионах и крупных промышленных центрах¹⁴. В российские деревни регулирование рождаемости начало проникать, прежде всего, через отходников, уходивших на заработки в крупные города. Отходничество изменяло стандарты традиционного демографического поведения, отходники вносили в жизнь своих семей черты городского быта, в частности, знание методов регулирования рождаемости¹⁵.

Как уже упоминалось, Беломорская Карелия находилась вдали от крупных городов и никак не могла претендовать на звание промышленного района России. Чем же тогда можно объяснить столь «передовое» отношение карельских крестьян к вопросам рождаемости? Несомненно, что и здесь главную роль сыграли изменения в хозяйственной жизни населения. Крестьяне Беломорской Карелии вспоминали, что в первой

половине XIX столетия им хватало своего хлеба вплоть до следующего урожая, поскольку подсечное земледелие при благоприятных условиях давало урожаи «сам 40», а то и «сам 50»¹⁶. Однако в конце 1850-х гг. подсеки были запрещены, так как чиновники посчитали, что в результате такого земледелия гибнет большое количество государственных лесов¹⁷. Попытки государства перевести карельские хозяйства на полевое земледелие провалились, и решающую роль в жизнеобеспечении края стал играть привозной хлеб. Не приносило ощутимого дохода и скотоводство, поскольку кормовая база была очень слабой. Карельские крестьяне были вынуждены искать иные средства к существованию.

Уже в 1852 г. Министерство государственных имуществ получило рапорт, в котором говорилось, что у беломорских карел «отхожие промыслы составляют главный источник заработков». В западных волостях Кемского уезда с наступлением осени множество мужчин отправлялось «коробейничать» в Финляндию. В восточных областях Беломорской Карелии крестьяне подражались на рыбные промыслы в поморские артели либо занимались извозом, а концу столетия в крае начинает набирать силу лесная промышленность¹⁸. Таким образом, к концу XIX в. во многих карельских семьях приобретает вес денежная форма хозяйствования. Как писал Юшкозерский священник, «главный промысел населения прихода за последние 20 лет, на который уходит большая часть года, это вырубка, вывозка и сплав бревен для Т-ва Кемских лесопильных заводов. ... С наступлением осени многие лица из населения уходят в Финляндию для торговли в разнос. Этот отхожий промысел и является у карел почти единственным источником добывания средств...»¹⁹. А священник Ухтинского прихода вообще сравнивал местных крестьян с горожанами: «Пахоты у карел вообще мало, а у ухтян на половину и совсем нет, живут на городском положении»²⁰.

Земледелие и в особенности подсеки требовали большого количества рабочих рук. Нанимать их со стороны – для этого у крестьян не было средств. Проблема пытались решить «изнутри», за счет детей. Решение это было крайне невыгодным экономически, поскольку дети часто потребляли больше, чем производили, и нередко умирали так и не «оплатив» затраченных на них расходов. Хозяйства отходников уже не нуждались в большом количестве детей, напротив – чем меньше детей было в семье, тем легче было женщинам вести хозяйство в отсутствии мужчин. Молодые карельские мужчины, проводившие много времени в Финляндии и ходившие торговать даже в Швецию, естественно подвергались влиянию зарубежных обычаев и по возвращении домой стремились устроить свои семьи по образцу финских и шведских семей. Долгие отлучки

не только снижали количество сексуальных контактов, но и наверняка служили определенной «школой» по регулированию рождаемости. И если в русских деревнях церковь, не одобрявшая регулирования рождаемости, в значительной мере тормозила переход русских крестьян к новому типу репродуктивного поведения, то в среде беломорских карел авторитет церкви был весьма незначителен и вряд ли распространялся на внутрисемейную жизнь местных крестьян. Таким образом, переход на новые формы хозяйствования привел к тому, что в семьях беломорских карел во второй половине XIX в. утверждается новая, «прогрессивная» модель репродуктивного поведения.

С другой стороны, в среде поморских крестьян, являвшихся соседями беломорских карел по волости, высокая рождаемость сохранялась. Объяснение этому, очевидно, следует искать, во-первых, в традициях, а во-вторых, в значительном влиянии старообрядчества и церкви на семейную жизнь поморов. Мурманские рыбные промыслы, бывшие основным источником доходов для большинства поморских семей, тоже разделяли семейные пары практически на полгода и в некоторой мере уменьшали рождаемость в поморских семьях. Однако в поморской среде деревенская община и церковь строго следили за соблюдением традиционной морали²¹. Один из главных постулатов морали русского православного крестьянина «все дети – от Бога» здесь соблюдался строго, в особенности в старообрядческих семьях, которых в Кемском Поморье было много. Справиться же с большим количеством детей в отсутствие мужа поморским женщинам помогала «большая семья», т. е. система хозяйствования, при которой семьи взрослых детей проживали совместно с родителями. Эта «архаичная» система ведения домашнего хозяйства была очень широко распространена в Поморье вплоть до начала XX в.²²

Подсчеты, проведенные по данным метрических книг в некоторых приходах Кемского уезда, показали, что в конце XIX в. в большей части изученных семей родилось от двух до пяти детей. Из их числа до совершеннолетия доживали далеко не все. К примеру, в Колежемском приходе, расположенном в Поморье, до 16 лет доживала только половина всех детей. В то же самое время в Ухтинском приходе, расположенном в центре Беломорской Карелии, из 4–5 родившихся детей в возрасте до 16 лет умирал в среднем лишь один ребенок. Различие в детской смертности в этих двух этнических областях особенно заметно при анализе показателей младенческой смертности, т. е. смертности детей, умерших в возрасте до одного года.

Б. Н. Миронов сравнивает репродуктивное поведение российских крестьян в XIX в. с «адской машиной». По его мнению, «дети рождались,

чтобы умереть, и, чем больше рождалось детей, тем больше умирало, а чем больше умирало, тем больше рождалось»²³. Это был какой-то заколдованный круг – крестьяне боялись остаться без наследников и стремились завести как можно больше детей, однако чем больше детей рожалось, тем меньше было у родителей возможностей для нормального ухода и тем больше была вероятность гибели ребенка. Не удивительно, что средние показатели младенческой смертности в европейской части России в период 1860–1910-х гг. находились на уровне 220–300%²⁴. Статистика показывает, что в конце XIX – начале XX в. только в европейских губерниях России умирало ежегодно в среднем 1 100 000 детей в возрасте до года. Подсчитано, что, к примеру, если бы младенческая смертность в России в 1903 г. была такой же, как в Норвегии (где показатели были самыми низкими в Европе), то в этом году осталось бы в живых около 850 000 русских младенцев²⁵.

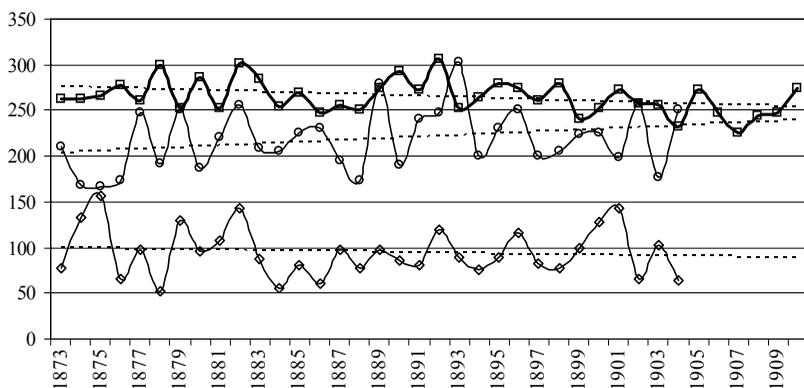
Чрезвычайно высокие средние показатели младенческой смертности в России отнюдь не являлись повсеместными для всей территории империи. Было замечено, что граница в показателях младенческой смертности проходила примерно по меридиану Петербурга. На запад от этой границы младенческая смертность находилась на уровне 100–250%, в то время как на восток от меридиана она характеризовалась показателями, нередко превышавшими 350%²⁶.

Архангельская губерния с ее обширными и малозаселенными территориями входила в состав регионов с относительно невысокой младенческой смертностью. К примеру, в десятилетие 1887–1896 гг. в губернии на первом году жизни умирало ежегодно в среднем «лишь» около 250 младенцев из каждой тысячи родившихся. Особая роль в столь низких показателях младенческой смертности в губернии принадлежала Кемскому уезду, где младенческая смертность в конце XIX – начале XX в. находилась на уровне около 170%²⁷, т. е. была самой низкой по всем областям Архангельской губернии. К примеру, в Кемском уезде в 1870–1880-х гг. дети в возрасте до одного года составляли лишь четвертую часть от числа всех умерших, в то время как в других уездах Архангельской губернии соответствующая цифра нередко достигала 50%²⁸. По данным метрических книг за период 1873–1904 гг. в Кемском уезде умерло всего около 5500 детей в возрасте до года, т. е. в среднем умирало 170 младенцев в год²⁹.

По подсчетам доктора Ульриха, меньше всего младенцев в Кемском уезде умирало в среде карельского и саамского населения, где младенческая смертность была в три раза меньше, чем в среде русских жителей уезда³⁰. Отмеченное Ульрихом различие между младенческой

смертностью у карельского и русского населения подтверждается подсчетами, проведенными по данным метрических книг. Как видно из приведенного графика, младенческая смертность в семьях беломорских карел была нередко в два, а то и в три раза ниже, чем в семьях поморских крестьян Кемского уезда. В поморских приходах уезда младенческая смертность колебалась в пределах 180–300%, приближалась к средним показателям младенческой смертности по европейской территории России. В то же время в карельских приходах она редко превышала 100%. Даже западные соседи беломорских карел – финны из провинции Кайнуу – не смогли превзойти своих «братьев по крови» в этом отношении. В Кайнуу младенческая смертность в исследуемый период колебалась от 100 до 200%, т. е. была выше, чем в Беломорской Карелии, хотя и незначительно³¹.

Младенческая смертность (%) в Европейской России (□), приходах Кемского Поморья (○) и Беломорской Карелии (◇) в период 1873–1910 гг.³²

Доктор Никитенко, защитивший в начале XX в. диссертацию по детской смертности в России, высказал предположение, что в огромной и слабозаселенной Архангельской губернии «климатические и другие условия» могли бы объяснить какие угодно исключения в показателях смертности³³. Действительно, что касается климатических условий, то они, несомненно, оказывали влияние на младенческую смертность. В карельских частях уезда, расположенных далеко от побережья, обширные леса, сухие песчаные перешейки и чистые реки и озера обеспечивали обитателям здоровую среду обитания. В Поморье климат был значительно сырее, что, несомненно, сказывалось и на

здоровье маленьких детей. Отдаленность карельских деревень от берега моря имела и еще одну положительную черту, а именно: отсутствие дорог и постоянного сообщения с внешним миром уменьшало вероятность проникновения в карельские области эпидемий. В то же время поморы, имевшие тесные морские контакты как с соседними селениями, так и с городами в России и за рубежом, нередко привозили из своих путешествий заразные болезни. Главным рассадником эпидемий служили рыбацкие бараки на Мурманском берегу, в которых поморские мужчины проживали во время летних промыслов.

Однако климат и географическое положение отнюдь не объясняли полностью почти трехкратную разницу в младенческой смертности между карельским и русским населением Кемского уезда. Еще во второй половине XIX в. современники подчеркивали, что почти треть всех умерших в младенчестве крестьянских детей являлась жертвами недостаточного ухода³⁴. Ситуация с младенческой смертностью в Кемском уезде подтверждает, насколько велика была роль хозяйственной деятельности населения и традиций, касавшихся ухода за младенцами, в формировании картины детской смертности.

Этнограф Ю. Ю. Сурхаско писал, что в карельских деревнях в конце XIX – начале XX в. около трети всех новорожденных умирало в возрасте до года. По его сведениям, такая высокая младенческая смертность зависела, прежде всего, от того, что много новорожденных умирало в период летней страды, когда у матерей не оставалось времени для ухода за младенцами. У детей, родившихся осенью, шансы на выживание были лучше, поскольку количество работ уменьшалось и об «осенних» детях заботились больше³⁵. Исследователь, несомненно, прав, говоря о зависимости младенческой смертности от графика сельскохозяйственных работ, однако для несведущего читателя требуется уточнение, о каких карелах идет речь. Было бы правильным подчеркнуть, что в данном случае очевидно, имеются в виду карельские жители Олонецкой губернии, хозяйственная деятельность которых была обычной для земледельческих крестьянских семей России.

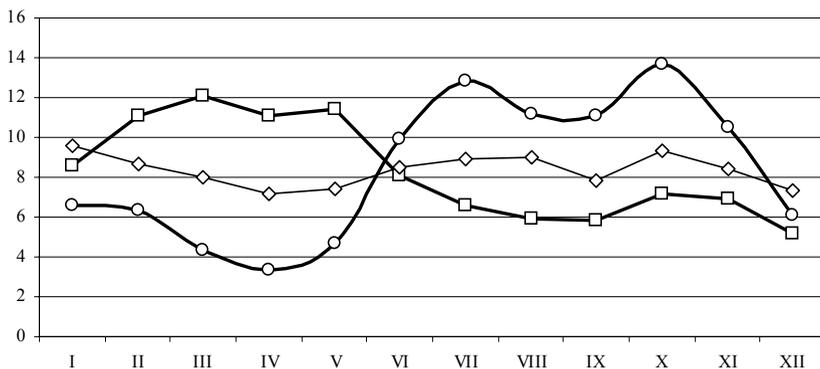
Земледелие действительно являлось одной из основных причин высокой младенческой смертности в сельскохозяйственных районах России. В летние месяцы смертность младенцев в средней полосе России резко возрастала. Причиной нередко называлась «детская» или «летняя» холера, которая, по мнению местных врачей, постоянно «жила» в деревне и достигала «высшего напряжения» в теплые месяцы года³⁶. «Желудочный катар», или просто «понос», был одной из самых частых причин смерти

младенцев, указываемых в метрических книгах. Иными словами, одной из самых распространенных причин младенческой смертности в русских деревнях сельскохозяйственной зоны России являлись желудочно-кишечные инфекции. Распространение этих инфекций среди младенцев напрямую зависело от способов кормления и ухода, в особенности за новорожденными детьми.

Резкий рост младенческой смертности в летний период обуславливался также и тем, что в летние месяцы увеличивалась рождаемость в крестьянских семьях. Рабочий ритм крестьянской семьи, зависящей от земледелия, накладывал отпечаток на внутригодичное распределение рождаемости. Больше всего зачатий в русских крестьянских семьях приходилось на осенний период, когда крестьяне освобождались от полевых работ, что приводило к увеличению рождаемости в летние месяцы, в самый разгар летней страды. А поскольку в семьях русских крестьян роженицы и кормящие матери обычно не получали особых поблажек, грудные младенцы оказывались практически брошенными на произвол судьбы в самый критический период жизни. Занятые на полевых работах матери вынуждены были оставлять новорожденных детей дома на попечение «нянек». Прокисшее коровье молоко, сладкая водичка, а то и брага из грязного «рожка» и всяческие «жевки», содержимое которых было скорее ядовитым, чем питательным, служили заменителями материнского молока, а в качестве «нянек» выступали либо совершенно негодные к работам старики, либо дети, сами лишь недавно покинувшие колыбель. Такие «няньки» не могли обеспечить даже элементарного ухода за младенцами. Не удивительно, что множество русских малышей гибло от «летних поносов» и всевозможных несчастных случаев³⁷.

Приведенный ниже график показывает, что внутригодичное распределение рождаемости в Кемском Поморье было близко к распределению рождаемости в земледельческих районах России. Объясняется это тем, что промысловый сезон на Мурманском берегу совпадал по срокам с земледельческой страдой. Возвращение поморских мужчин с рыбных промыслов являлось причиной увеличения количества зачатий в осенний период. Это приводило к тому, что поморские женщины рожали тоже чаще всего в летние месяцы, когда мужчины находились вдали от дома и на женщин ложились все заботы по ведению хозяйства. Не удивительно, что и в поморских семьях маленькие дети заболели и умирали практически с такой же частотой, как и русские крестьянские дети в земледельческих регионах России.

Внутригодовое распределение рождаемости (%) в европейских губерниях России в 1889–1898 гг. (◇); Кемском Поморье (○) и Беломорской Карелии (□) в 1873–1882 гг.³⁸

В семьях же карельских крестьян Кемского уезда ситуация была значительно более благоприятной по отношению к младенцам. Как уже упоминалось, во второй половине XIX в. образ жизни беломорских карел значительно отличался от образа жизни крестьян-землепашцев. Отхожи промыслы являлись причиной того, что внутригодовое распределение рождаемости в карельском регионе Кемского уезда было прямо противоположным годовому распределению рождаемости в Кемском Поморье и земледельческих районах России. Карельские мужчины уходили на заработки осенью и возвращались весной, до наступления распутья. Лето «коробейники» – как, впрочем, и карельские крестьяне, занимавшиеся извозом и лесозаготовками, – проводили дома, набираясь сил для следующего трудового сезона³⁹.

Такой годовой ритм работ приводил к тому, что количество зачатий в семьях беломорских карел достигало своего максимума летом, обуславливая, таким образом, высокую рождаемость в конце зимы и в весенние месяцы. Отход от земледелия предоставлял карельским женщинам больше свободы и времени для ухода за новорожденными. В результате в первые месяцы жизни карельские дети питались материнским молоком, а не «жевками», как их сверстники в русских деревнях. Разница в культуре ухода и в отношении к кормящим матерям и маленьким детям приводила к тому, что большинство карельских детей Кемского уезда благополучно преодолевали первый год жизни, являвшийся самым опасным периодом.

Подводя краткий итог, можно сказать, что Беломорская Карелия конца XIX – начала XX в. по показателям рождаемости и младенческой

смертности находилась отнюдь не на уровне забытой Богом, «полуди-кой» провинции, а напротив – была близка к самым прогрессивным странам Западной Европы. В то же время рождаемость и младенческая смертность в семьях соседей карел по уезду – русских крестьян Поморья – все еще оставались на «феодалном» уровне. Иными словами, если семьи беломорских карел уже активно переходили к рациональному, «западному» типу репродуктивного поведения, то поморы Кемского уезда продолжали придерживаться традиционного, «восточного» типа репродуктивного поведения. Выражаясь образно, в демографическом отношении граница между Западом и Востоком на крайнем северо-западе России проходила не по границе между Финляндией и Россией, а по этнической границе между карельскими и русскими областями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В современной демографии под репродуктивным поведением подразумевается совокупность норм и установок, действующих в определенном обществе и влияющих на деторождение. Репродуктивное поведение является частью так называемого демографического поведения и регулируется социальными и культурными нормами общества. См.: Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. И. Валентей. М., 1985. С. 199.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 166.

³ Антонов А., Медков М. Социология семьи. М., 1996. С. 98–99.

⁴ Вишнеvский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 105–107.

⁵ Богуслав. Беломорская Карелия // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1847. № 5. С. 221–224.

⁶ Максимов С. В. Год на Севере. Ч. 1. СПб., 1896. С. 255–258.

⁷ Никольская Р. Ф. Традиционно-бытовая культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 144.

⁸ Vuolle S., Artman R., Aalto P. Интервью архангельских карел-переселенцев, сделанные Майю Кеунясом в 1940 году. Тетрадь III. АрхивКарельского просветительского общества (Karjalan Sivistysseura), Хельсинки.

⁹ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Jyväskylä, 1995. S. 25.

¹⁰ Бондарская Г., Вишнеvский А. Ранние этапы перехода к новому типу рождаемости в СССР (дореволюционный период) // Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 132–133.

¹¹ Turpeinen O. Lastensuojelu ja väestönkehitys // Suomen lastensuojelun historia. Helsinki, 1987. S. 355; Koskinen S., Martelin T., Notkola I.-L., Notkola V., Pitkänen K. Suomen väestö. Hämeenlinna, 1994. S. 316.

¹² Turpeinen O. Kainuun historia II. Väestö ja talous 1721–1982. Kajaani, 1985. S. 51, 232–233; Strömmer A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. Tornio, 1969. S. 167.

¹³ Построено по данным: Бондарская Г., Вишневский А. Указ. соч. С. 133; Strommer A. Op. cit. С. 167, 171; Исповедальные книги Кемского уезда 1900 г.; Метрические книги Кемского уезда 1876–1904 гг.

¹⁴ Народонаселение. Энциклопедический словарь / Ред. Г. Меликъян. М., 1994. С. 393–394.

¹⁵ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 181, 186; Вишневский А. Г. Указ. соч. С. 122–123.

¹⁶ Энгельгардт А. Русский Север: путевые записки. СПб., 1897. С. 36.

¹⁷ Чубинский П. Статистическо-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского Статистического комитета за 1865 год. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 75.

¹⁸ Кораблев Н. А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 56–61; Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX вв. Рукопись диссертации. Петрозаводск, 1998. С. 42.

¹⁹ А. П. Юшкозерский приход, Кемского уезда // Архангельские Епархиальные ведомости. 1912. № 5. С. 127.

²⁰ Чирков Иоанн. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские Епархиальные ведомости. 1908. № 7. С. 211.

²¹ Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 133.

²² Там же. С. 134.

²³ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 199.

²⁴ Новосельский С. Обзор по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. Ч. 2. Петроград, 1916. С. 64–65.

²⁵ Куркин П. Смертность малых детей. Статистика детской смертности. Московское Общество борьбы с детской смертностью. М., 1911. С. 16–19.

²⁶ Никитенко В. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 год. СПб., 1901. С. 39; Соколов Д., Гребенщиков В. Смертность в России и борьба с нею. СПб., 1901. С. 20–24; Куркин П. Указ. соч. С. 19.

²⁷ Никитенко В. Указ. соч. С. 227, 235; Соколов Д., Гребенщиков В. Указ. соч. С. 18, 21–24.

²⁸ Минейко Г. Особенности смертности сельского населения в уездах Архангельской губернии. Протоколы и труды Общества Архангельских врачей за 1886 год. Вып. II. Архангельск, 1887. С. 148.

²⁹ Метрические книги приходов Кемского уезда за 1873–1904 гг.

³⁰ Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики. Т. 5. СПб., 1878. С. 81, 83.

³¹ Turpeinen O. Kainuun historia II. S. 60.

³² Построено по данным: Новосельский С. Указ. соч. С. 64–65; Метрические книги приходов Кемского уезда за 1873–1904 гг.

³³ Никитенко В. Указ. соч. С. 50.

³⁴ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 204.

³⁵ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985. С. 49.

³⁶ Куркин П. Указ. соч. С. 28.

³⁷ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 199–200; Никитенко В. Указ. соч. С. 26–30.

³⁸ Построено по данным: Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903. С. 45–46; Метрические книги приходов Кемского уезда за 1873–1882 гг.

³⁹ Naakka-Korhonen M. Halpa hinta – pitkä mitta. Rauma, 1988. S. 68–69, 81.

М. В. Пулькин
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

За гранью приличий: девиантность в Олонецкой губернии (XVIII – начало XX в.)

Слава, слава, слава героям!
Впрочем, им довольно воздали дани...
Теперь поговорим о дряни.

В. Маяковский

В современной литературе нередки оценки поведения населения Европейского Севера как независимого, исполненного чувства собственного достоинства, связанного с ценностями коллективизма, заметным влиянием православной идеологии. Для современников событий не стала секретом другая, менее известная ныне сторона характера местных жителей. По замечанию Г. Р. Державина, «поселяне» Петрозаводского уезда «весьма жестоки, ленивы и беспечны, склонны к ябедам <...>, начальникам преслушны»¹. Тем не менее позитивные представления о жителях дореволюционной Карелии явно преобладают как в обыденном сознании, так и в трудах специалистов. Не пытаясь радикально пересмотреть эти представления, я предлагаю обратиться к иной, теневой, значительно более негативной стороне взаимоотношений в среде населения Олонецкой губернии.

Эта темная сторона повседневной жизни северного населения весьма хорошо отражена в архивном материале, представлена практически во всех фондах провинциальных и столичных архивов. Речь идет об основных путях и формах проявления негативного, а точнее говоря, используя проникший в настоящее время на страницы исторических исследований социологический термин, девиантного поведения. Изучение этой проблемы связано с широким кругом вопросов, в числе которых заметное место отводится как агрессивным формам проявления девиантного поведения (драки, нанесение увечий), так и значительно менее явным, зачастую безуспешно маскируемым: проституция, обман покупателей, пьянство и «буйство», преследования отдельных лиц по этническому признаку. Единственным исследованием, где этот вопрос рассмотрен по материалам Олонецкой губернии, является интересное, подробное и беспристрастное исследование В. А. Копяткевича², опубликованное около столетия назад. Затем историки «забыли» об отклоняющемся поведении; изучение

девиантного поведения стало уделом социологов, опирающихся на современные материалы. В настоящее время интерес к данной проблеме начал пробуждаться, появляются первые труды, призванные заложить методологические основы будущих исследований³.

Легко заметить, что разнообразные аспекты девиантных проявлений достаточно полно отражены в источниках, прежде всего, в фондах судебной власти, консисторий, несколько в меньшей степени – городских магистратов. Более того, можно сказать, что автору современных исторических работ нередко приходится отыскивать в огромной массе материалов, связанных с девиантностью, отдельные фрагменты, не содержащие негативной информации. Ведь известно, что если тот или иной индивид не нарушал общепринятые нормы поведения, не вступал в конфликт с законом, то документы, связанные с его скромной биографией, не сохранялись и, следовательно, память о нем быстро исчезала. Огромный массив документов, связанных с рассматриваемой темой, явно нарастал со временем и становится просто колоссальным к середине XIX в. Это легко объяснить: постепенно «все, кто прежде чувствовали себя бесправными и молча сносили обиду и угнетение», направлялись в суд искать справедливости⁴, что не могло не отразиться на объеме сохранившихся в архивах документов. Таким образом, на сегодняшний день игнорируется огромный массив архивных источников и преднамеренно создается односторонняя картина исторических событий. Эта мысль сегодня не нова. Так, анализируя поведение приходского духовенства в XIX в., Т. А. Бернштам утверждает, что в огромном потоке негативной информации «терялся образ сельского пастыря в подлинном значении слова»⁵. Значительное число материалов по девиантному поведению содержится в российском законодательстве. Нередко в самих правовых актах приводятся конкретные примеры девиантного поведения. Но наиболее важную часть данного источника составляют те нормы, которые с точки зрения государства следовало противопоставить отклоняющемуся поведению.

Серьезной проблемой остается соотношение между церковным и светским пониманием девиантности, а также православным восприятием греха и представлением о недопустимом поведении, распространенным в изучаемый период в народной среде. Известно, что в России общие представления о грехе в том виде, в каком они жили в массе русских, не расходились с православным учением. Но «при конкретизации их в повседневной жизни, в применении их к определенным случаям эти представления могли несколько отклоняться от канонических». Отклонения могли быть разными: «иногда в сторону усиления осуждения греха, расширительной трактовки того, что осуждается, как грех; иногда же, напротив, в сторону послабления в осуждении и даже полного отрицания греховности некоторых поступков»⁶. Здесь можно опереться на

значительное число примеров, большинство из которых связано с промыслами и вообще – с практической стороной повседневной жизни. Так, в Заонежье среди рыбаков считалось обязательным «хорошо накормить» любого путника после захода солнца, но до заката «нельзя было отдавать ни одной рыбешки»⁷. В начале XX в. среди олонекских крестьян считалось нормальным просить «Христа ради», превращая это занятие в своеобразный сезонный промысел. По окончании полевых работ вполне обеспеченные местные жители отправлялись нищенствовать в соседние губернии. Им удавалось не только раздобыть пищу, но и сэкономить корм для лошадей, привезти домой разнообразный товар, весело провести время и т. д. В конечном итоге их односельчане приходили к простому умозаключению: нищенство – «легкий и хороший заработок», к которому необходимо стремиться⁸. Все перечисленные и многие другие особенности поведения вели к бесконечному усложнению рекомендаций, связанных с «нормальным» поведением.

Характерная черта девиантного поведения – культурный релятивизм. Это означает, что *социальная норма, принятая либо обществом, либо группой или социальной стратой, представляет собой не абсолютное, а сугубо относительное явление*. То, что в одной группе может считаться отклонением, в другой может восприниматься как норма. С одной стороны, преподавание священников в сельской школе расценивалось крестьянами как отклонение от нормы – забвение попом своих прямых обязанностей. Это благородное начинание пастыря порой «разводило священника с прихожанами»⁹. С другой стороны, отклоняющееся с точки зрения современного человека поведение могло рассматриваться в традиционной культуре как вполне нормальное, не только допустимое, но и рекомендуемое. Среди карелов до начала XX в. считалось нормальным совместное мытье женщин и мужчин в бане: «иногда зимой в бане собиралось чуть ли не полдеревни»¹⁰. Наконец, в отдельных социальных или религиозных группах допустимым могло считаться такое поведение, которое современникам событий представлялось отклоняющимся. Так, для старообрядцев-странников Олонецкой губернии в конце XVIII – начале XX в. ненормальным считалось создание семьи, обзаведение домашним хозяйством, использование денежных средств, любые контакты с властью¹¹.

Итак, девиантность приобретает самые различные формы, от безобидных до самых серьезных. Очевидно, что проблема девиантности в недалеком будущем станет актуальной научной темой. Ее изучение позволяет выявить новые аспекты истории духовной и экономической жизни XVIII–XX вв., специфику административных задач, возникавших и более-менее успешно решавшихся в изучаемый период. Здесь необходимо отрешиться от эмоциональной оценки по примитивному принципу «плохое – хорошее». Девиантность, по сути дела,

способствовала осознанию необходимости существующего порядка, позволяла мобилизовать силы для его сохранения, а также устанавливала границы между приемлемым и неприемлемым. В некоторых случаях девиантные проявления в жизни карельской деревни способствовали развитию капиталистических отношений и вообще ускоряли общественный прогресс. Так, ростовщичество, закабаление крестьян скупщиками продукции, будучи явно негативными явлениями с точки зрения современников событий, тем не менее, приводили к стремительному развитию товарно-денежных отношений¹².

Те или иные девиантные факторы доминировали в разные периоды истории. Так, с конца XVII в. основным источником девиантности стало старообрядческое движение, которое в XVIII в. достигло в Карелии заметного влияния. Известно, что отклоняющееся поведение возникает, прежде всего, тогда, когда общественно принимаемые и задаваемые ценности не могут быть достигнуты некоторой частью этого общества. Неприятие никоновских реформ, тщательно поддерживаемое, культивируемое и развиваемое просвещенной частью старообрядческих сообществ, становилось именно таким вариантом развития событий. Другой мощный фактор развития девиантности – приписка к заводам. Начиная с первых лет XVIII в. огромные массы крестьян были вырваны из привычного жизненного уклада, вынуждены отстаивать свои права в борьбе с односельчанами (во время «мирского» распределения повинностей) и с местной администрацией, а также выполнять значительный объем работ на невыгодных условиях. И наконец, третьим существенным моментом всплеска девиантности стали рекрутские наборы, которые в сознании крестьян, по сути дела, отождествлялись с убийствами. От рекрутчины спасались бегством, надолго прячась в лесах, а между крестьянскими семьями вспыхивали ссоры и даже вооруженные стычки из-за решения вопроса о «выдаче» рекрута¹³. Девиантное поведение во всех перечисленных случаях могло затрагивать не только непосредственных виновников крестьянских бед, но и всех тех, кто по их представлениям был связан с властью. Примером здесь могут послужить многочисленные дела о конфликтах между духовенством и прихожанами, в которых обе стороны, в особенности крестьяне, действовали предельно жестко, не останавливаясь перед насилием¹⁴.

В конечном итоге, распространению девиантного поведения способствует то обстоятельство, что в ходе перемен в экономике и духовной жизни нарушилась регулирующая роль социальных институтов (в частности, прихода), в которых важнейшая роль отводилась «мирскому» самоуправлению, действующему на основании освященных веками традиций. Это стало возможным потому, что община (или приход) утратила свое предназначение – освобождать индивида от проявления неупорядоченной активности, перенапряжения сознания в связи с беспрестанным принятием решений в ситуации

нестабильности и неопределенности. С другой стороны, под угрозой тогда поставлено важное достояние местного сообщества как социального организма – солидарность. Ведь известно, что «девиантологические факторы в немалой степени связаны со снижением сплоченности общества»¹⁵. Наконец, срабатывала общая закономерность: в условиях нарушения привычного уклада жизни одни лица демонстрируют большее стремление следовать общепринятым нормам, а другие, как правило, чаще проявляют склонность нарушать существующие правила поведения, быстро формируя девиантную среду¹⁶.

Дальнейшее развитие событий показывает, что рост девиантности связан с нарушением традиционного уклада жизни, а не с бедностью населения. Заживление полученных обществом ран быстро принесло свои ощутимые плоды. С начала XIX в. основные, наиболее значимые факторы, способствующие массовой девиации, отошли в прошлое. Прежде всего, значительно сгладились в общественном сознании последствия церковного раскола, его наиболее экстремальные проявления (массовые самоожжения, восстания старообрядцев) стали достоянием истории. Отдельные группы старообрядцев, более или менее успешно взаимодействующих с господствующей церковью, не становились источником беспокойства и девиантных проявлений для местной власти и населения. Церковь, судя по миссионерским отчетам, ставила перед собой цель покончить со старообрядческим влиянием путем проповеди, церковного просвещения, убеждения сторонников «древлего благочестия», а не путем радикальных, репрессивных мер, т. е. не нарушая стабильность общества и исключая ответные проявления девиантности¹⁷. Важным фактором стабильности в поведенческой сфере стала школа. Ее усилия были направлены на ускоренную адаптацию подрастающего поколения к существующим порядкам, воспитание законопослушных граждан. Прошедшее школу поколение в меньшей степени проявляло склонность к крайним, наиболее грубым формам девиантного поведения. В дальнейшем олонекское земство отмечало благотворное влияние школы, видя в ней надежный путь «к грамотному ведению крестьянского хозяйства» и вообще – к цивилизованным формам экономической активности¹⁸. Однако влияние школы не следует преувеличивать: в начале XX в. заметный рост числа учащихся, как подчеркивал В. А. Копяткевич, совпал с ощутимым ростом разнообразных форм девиантного поведения¹⁹.

По данным современных исследований, новый существенный импульс к дальнейшему развитию девиантность получила в середине XIX в.: «Личная свобода, полученная в результате великих реформ, дорого обошлась обществу – она привела почти к четырехкратному росту преступности»²⁰. В числе факторов, толкающих отдельных лиц на девиантные проявления, очевидно, можно назвать постепенно разворачивающийся процесс становления индивидуальной

личности, разрушение устоявшихся норм коллективной жизни, существенное снижение влияния православной идеологии, заметное расслоение общества. Особенно отчетливо и быстро эти процессы проявлялись в городах, поэтому урбанизация становилась существенным фактором, способствующим девиантным проявлениям. Повсюду в России, и Олонецкая губерния здесь не исключение, городская жизнь являлась силой, подрывающей традиционные общинные институты²¹. Деревня, конечно, тоже не была оазисом спокойствия. Город усиливал существующие агрессивные настроения. Известно, что переезжающие из деревни в город и вырывающиеся из-под власти общины крестьяне часто проявляли склонность к девиантному поведению: «не привыкшие к самоконтролю, молодые люди легко давали волю агрессии, своим отрицательным импульсам и эмоциям»²². Более того, возвращаясь из города в деревню, они шокировали своих односельчан и местное духовенство. Как говорилось в статье, написанной псаломщиком из Немжинского прихода Олонецкой епархии, на общем фоне выделяются «те субъекты, которые побывали в столице». Они «позволяют себе в праздничные дни выпить и с гармонией в руках бродить по селу, распевая неприличные песни»²³. В первые десятилетия XX в. разлагающее влияние города стало очевидным и представители духовной власти с тревогой отслеживали происходящие изменения: «Вредно влияют на народ и отхожие промыслы, откуда люди приходят как бы переродившимися, к сожалению, в дурную сторону: крестное знамение изображают плохо, а обычай принимать благословение у священника в иных местах исчез бесследно»²⁴.

Статистика подтверждает наблюдения современников событий. По данным конца XIX – начала XX в. в абсолютных цифрах среди преступников лидируют крестьяне²⁵. Иногда их девиантные настроения принимали массовый, радикальный и угрожающий характер. Так, узнав о манифесте 17 октября, крестьяне Вытегорского уезда, как писал местный священник, «восприняли его превратно». Они решили «ехать целым обществом и разгромить ближайшие лесные дачи частных землевладельцев для того, чтобы правительство узнало об их недостатках и удовлетворило их нужды». Не соглашавшихся с ними односельчан они «хотели подвергнуть собственному суду и избиению». Священнику с трудом удалось предотвратить беспорядки²⁶. Несколько меньшей в абсолютных цифрах стала в изучаемый период преступность в мещанской среде. Затем, в порядке убывания – лица привилегированных сословий: личные и потомственные дворяне, духовенство, купцы и почетные граждане.

Но в относительных показателях, с учетом огромного процента крестьян в населении губернии, картина становится иной: «среди отдельных сословий наиболее преступным оказывается сословие мещанское, затем идут привилегированные сословия и, наконец, крестьяне»²⁷. Виды преступлений

также существенно различаются в зависимости от сословной принадлежности правонарушителей. У крестьян наиболее развиты нанесение увечий, убийства. У мещан и лиц привилегированных сословий оказалась наиболее развита преступность имущественного характера, а у последней категории населения столь же распространенными оказались должностные преступления. Во всех перечисленных сословиях на рубеже XIX и XX вв. шел непрерывный рост числа правонарушений²⁸.

Значительно менее на девиантность влияли этнические и гендерные факторы, хотя их воздействие, особенно гендерного фактора, также нельзя полностью игнорировать. Известно, что на рубеже XIX и XX вв. женская преступность в Олонецкой губернии оказалась «развитой в гораздо меньшей степени, чем преступность мужская». Женская преступность полностью отсутствовала в сфере должностных преступлений (взятки, превышение полномочий), что вполне объяснимо, поскольку женщины, по сути дела, были отстранены от участия в деятельности органов власти. «Крайне ничтожным» оставалось участие женщин в политических преступлениях: с 1897 по 1911 г., в том числе в бурные годы первой русской революции, к ответственности по этой разновидности деяний привлечено 2 женщины и 232 мужчины. Несколько большее число женщин предстало перед судом за преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц, а также против прав собственности. Зато в преступлениях против «прав семейственных» (родительские права, обязанности супругов) число подсудимых женщин оказалось «лишь немного ниже числа мужчин». Впрочем, по соответствующим статьям закона в рассматриваемый период было осуждено небольшое число граждан обоего пола²⁹.

В конечном итоге, изучая девиантное поведение, мы имеем дело с личностью, отвергающей социальные регуляторы и противопоставляющей им свои собственные, зачастую неприемлемые для общества, правила поведения. Это особо отчетливо проявилось в становлении и развитии проституции, для которой в заводских поселениях, где мужское население явно преобладало, открывалось обширное поле деятельности. На первых порах в XVIII в. с проституцией, существовавшей на Петровском заводе, боролись с помощью суровых репрессивных мер. Заводская канцелярия в 1775 г. обнаружила, что в слободе живут «бабы и девки», которые «подвергают себя, так и других <...> венерическим болезням». Девки решили «отослать на прежние жительство», а чтобы они больше не появились при заводах, «выдать в замужество»³⁰. В дальнейшем в XIX – начале XX в. попытки искоренить проституцию не предпринимались, но занимающиеся «бордельным промыслом» женщины были поставлены под суровый врачебный контроль. Здесь срабатывала общероссийская закономерность: «Наряду с довольно скромны-

ми масштабами привлечения к уголовной ответственности за сводничество значительно большее количество проституток привлекалось к судебной ответственности за неисполнение правил врачебно-полицейского надзора»³¹.

Девиантное поведение проявлялось в ряде сфер, имеющих разную природу: преступления, самоубийства, сексуальные отклонения, алкоголизм, бродяжничество. В современной литературе нередко в качестве специфических форм отклонений рассматриваются изменения в моде, различные виды творческой деятельности, направленной на создание уникального, отличного от того, что принято считать нормой на уровне обыденного сознания³². Можно проследить своеобразное сохранение энергии в сфере девиантного поведения: в XVII–XVIII вв. сферой его проявления стала конфессиональная жизнь, в которой отдельные представители приходского духовенства, многие верующие демонстрировали грубое нарушение общепринятых норм поведения при решении имущественных споров и совершении обрядов, прежде всего – заключении браков. В следующем столетии ситуация начала меняться. В XIX в. среди областей проявления девиантного поведения особое место отводится экономической активности населения. В экономической сфере девиантность связана с обманом, фальсификацией продукции, разнообразными, в том числе опасными для здоровья населения, нарушениями общепринятых правил торговли. Наконец, в начале XX в. отчетливо проявились и стали заметной частью криминальной хроники преступления государственного характера: участие в тех или иных формах антиправительственного, революционного движения. О причинах этого нового явления, опираясь на местные материалы, предельно отчетливо и с опорой на статистические материалы писал В. А. Копятевич: «Люди выбиты из старой, веками проложенной колеи, люди должны устраиваться заново. Как много людей оказывается беспомощными в таком положении! Как многие из них должны пойти по скользкой дороге преступления!»³³.

Самым непосредственным образом отклоняющееся поведение связано с криминалом. Всевозможные преступления против личности, насилие встречались в истории Европейского Севера постоянно, причем, судя по документам, имела отчетливая тенденция к их численному росту, увеличению масштабов. Возможно, это связано с более тщательной фиксацией преступлений, начавшейся в конце XVIII – начале XIX в., по мере становления губернских органов власти. Ведь известно, что экономическая активность населения находилась под пристальным контролем разнообразных ведомств. В то же время следствие по делам, связанным с преступлениями против личности, как и по всем вообще преступлениям, где не присутствовали государственные интересы, велось крайне неэффективно из-за незначительности и слабой подготовленности

местного управленческого аппарата. Сам местный быстро растущий в XIX в. управленческий аппарат мог стать источником специфических форм девиантности. Эта проблема плохо отражена в источниках, поскольку «отношения населения и администрации, основанные на традиционном кормлении, признавались нормальными обеими сторонами». Протест могли вызывать «лишь крайние проявления насилия и злоупотреблений местных властей»³⁴. Нередко мы имеем дело с цепью девиантных поступков, в которых девиантность одной части населения приводила к «ответной» девиантности. Так, крайне плохие условия жизни на лесозаготовках и сплаве древесины приводили к ответным мерам со стороны работников. Они, «находясь в постоянном страхе за свою жизнь», часто демонстрировали свое недовольство, которое выражалось в «протестах против плохой пищи, в порче хозяйского инвентаря, в избиении десятников и приказчиков»³⁵.

В то же время отрадной особенностью изучаемой сферы стало отсутствие девиантных проявлений, связанных с национальным вопросом. Существование русского и карельского населения оставалось мирным в течение всего доступного для изучения периода. Местные ресурсы (охотничьи угодья, земли, пригодные для сельского хозяйства) при малочисленности населения не становились предметом противоречий, а конфессиональные различия оставались незначительными и были связаны преимущественно с языческими элементами в мировоззрении, в то время как православие играло роль сплачивающего фактора. Появление представителей других культур (евреев, поляков, англичан, финнов) оставалось эпизодическим, представители всех этих народов не стремились захватить доминирующие позиции в обществе, а их экономические возможности оставались незначительными. Более того, некоторые из них, например, евреи, стремились к максимальной адаптации в новой для себя обстановке, избегали конфронтации с коренным населением и вызывали не опасения, а скорее, сочувствие из-за приниженного правового статуса³⁶. В то же время в местной прессе, епархиальной и губернской, нередко антисемитские высказывания, которые потенциально могли послужить основой для девиантного поведения.

Возможности российского общества противопоставить негативному девиантному поведению иные нормы и правила, а также эффективную карательную систему оказывались небольшими и имели тенденцию к сокращению. Речь шла о крайне немногочисленном полицейском аппарате, православных священниках, обязанных выступать в роли хранителей общественной морали. И духовенство, и в особенности представители силовых структур сами зачастую не без оснований обвинялись современниками в девиантных проявлениях. Общественное мнение также не могло

стать серьезным фактором, препятствующим девиантным проявлениям. Его влияние, особенно в городах, становилось все менее значимым. Не менее важным является и другое обстоятельство. У общества отсутствовал некий единый идеал, противопоставляемый девиантным образцам поведения. В средние века таким идеалом могли послужить жития святых. По мере роста секулярного сознания использование этой разновидности литературы в поисках идеалов, применимых к повседневной жизни, оказалось маловероятным. Более того, память верующих нередко противопоставляла благочестивых предков и забывающих о христианской морали современников³⁷, косвенным образом санкционируя девиантное поведение. Общепринятые нормы вообще трудно точно определить, в результате чего девиантность принимает огромное множество промежуточных форм между отклоняющимся и одобряемым обществом поведением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным // Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958. С. 163.

² Копяткевич В. А. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897–1911 гг. Петрозаводск, 1914.

³ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.

⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 1999. С. 94.

⁵ Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 127.

⁶ Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 94.

⁷ Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 42.

⁸ А. Пр-ий. Нищенство как промысел // Олонецкие епархиальные ведомости (далее – ОЕВ). 1907. С. 255–256.

⁹ Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 399.

¹⁰ Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. Этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 116.

¹¹ Козлов И. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год // Приложение № 22 ОЕВ за 1912 год. С. 7.

¹² Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962. С. 194.

¹³ Там же. С. 116.

¹⁴ См. об этом подробнее: Пулькин М. В. Повседневность религиозности: конфликты духовенства и прихожан в XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2003. № 2. С. 14–19.

¹⁵ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. С. 249.

¹⁶ Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 130.

¹⁷ Козлов И. Указ. соч. С. 15–23.

¹⁸ Илюха О. П. Отношение карелов Олонецкой губернии к школе и образованию (конец XIX – начало XX века) // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 43.

¹⁹ Копяткевич В. А. Указ. соч. С. 21.

²⁰ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 97.

²¹ Энгелстейн Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 239.

²² Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 95.

²³ Фарсинонов А. Немжинский приход Лодейнопольского уезда // ОЕВ. 1906. № 13. С. 511.

²⁴ Козлов И. Указ. соч. С. 14.

²⁵ Копяткевич В. А. Указ. соч. С. 15.

²⁶ Маклюинов К. Из села Ухты, Вытегорского уезда // ОЕВ. 1906. № 1. С. 26–27.

²⁷ Копяткевич В. А. Указ. соч. С. 15–16.

²⁸ Там же. С. 15–16.

²⁹ Там же. С. 12.

³⁰ НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 279, л. 327–328.

³¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. С. 325.

³² Рахматуллин Э. С., Хабриев Р. Ф. Девиантное поведение как социальная проблема. Казань, 2004. С. 105.

³³ Копяткевич В. А. Указ. соч. С. 21.

³⁴ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в. М., 2007. С. 328.

³⁵ Тароева Р. Ф. Указ. соч. С. 51.

³⁶ См. об этом подробнее: Пулькин М. В. Евреи в малых городах Европейского Севера России (конец XIX – начало XX в.) // Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера. Петрозаводск, 2006. С. 203–213.

³⁷ См. об этом подробнее: Пулькин М. В. Православная память: противоречия и стимулы развития в XIX – начале XX в. // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе. СПб., 2007. С. 225.

О. П. Илюха

ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Советские границы в учебно-воспитательных текстах сталинского времени

У большинства советских людей представления о границах СССР, их реалиях формировались на основе информации и образов, транслируемых кино, периодической печатью, литературой и изобразительным искусством, песенной лирикой¹. В 1930-е гг., отмеченные стремлением сталинского руководства найти основу для объединения советского общества, форсированным конструированием советской идентичности, особый масштаб приобрела мифотворческая работа. В этот период в политический дискурс о Родине прочно вошли метафоры «большой семьи» (народы СССР), возглавляемой «отцом народов» (Сталиным), живущей в «большом общем доме» (территория СССР). Сердце Родины-матери – Москва (самый замечательный город, лучше которого нет на свете), голос Родины – бой кремлевских курантов. Родной дом окружен врагами и похож на осажденную крепость, но его «покой» зорко охраняют стражи-пограничники. Образ запертых ворот был частью идеологического конструкта, грандиозного мифологизированного образа «новой» России. В общественно-политических текстах закрепляется идеологема-клише «граница на замке».

В 1930-е гг. тема границы стала нетъемлемой частью системы патриотического воспитания детей и молодежи. Она органично вписывалась в общий контекст милитаризации школы, проявившийся в изучении боевой техники (Осоавиахим), обучении искусству стрельбы (Ворошиловские стрелки) и т. д. Символика и метафорика государственной границы, а также некоторые реалии советского приграничья получили отражение в изданиях для детского чтения и воспитательной работы, букварях, учебниках для начальной школы. Такого рода литература представляет интерес не только как «факт культуры», но и в силу того, что сознание многих поколений советских людей подверглось «идеологическому облучению» букваря². Представления и образы, формирующиеся в детском возрасте, обладают большой устойчивостью и даже спустя много лет служат своеобразной призмой, через которую воспринимается новая информация о предмете.

В методическом пособии для преподавателей обществоведения, изданном в Москве в 1935 г., программа курса для начальной школы предварялась

замечанием о том, что «помнить о враге – первейшая задача каждого школьного работника». Там же была опубликована схема урока, посвященного советской Родине. Всю информацию о границах учителю предлагалось преподнести, отталкиваясь от тезиса о враждебном окружении страны: «Капиталисты ненавидят страну советов, готовятся к войне. Трудящиеся нашей страны готовятся к обороне. *Крепко заперты ворота нашей родины* (курсив мой. – О. И.)»³.

Как основной эмоционально-психологический прием предлагалось использовать образы героев: «Героизм всегда влечет к себе. Дети особенно любят героев, увлекаются ими, стараются подражать им. На образах и подвигах героев советской страны наша школа должна воспитывать у детей мужество, отвагу, преданность нашим пролетарским идеалам и чувство непримиримой ненависти к классовому врагу»⁴. Для этих целей в воспитательной и учебной работе, составлявших неразрывное целое, широко использовались детские газеты и журналы: в первую очередь «Пионерская правда», «Пионер», «Мурзилка», поступавшие в каждую школу.

Романтика, героика жизни пограничной заставы были той психологической основой, на которой строился интерес юных граждан СССР к этой теме. Из всего советского пантеона героев образ пограничника – любимейший у детей в конце 1930-х годов. Опасность, исходящая от внутренних врагов, меркнет в сравнении с надвигающейся внешней опасностью. Притягательность границы как места, где происходит «настоящая жизнь» и есть возможность совершить подвиг, усиливается⁵.

В Карелии, как пограничной республике, тема границы получила более детальное и последовательное освещение в образовательно-воспитательных текстах и практиках. В 1938 г. Наркомпрос Карелии утвердил план работы с книгой для учащихся начальных школ. Девизом работы были выбраны строки из стихотворения С. Михалкова: «Врагами задуманы войны, немало врагов у страны, но Родина наша спокойна, она не допустит войны». Чтения и беседы предусматривалось проводить исключительно по «военно-оборонительной» тематике. Они объединялись в следующие разделы: 1. Военные годы (о гражданской войне и интервенции); 2. Вожди и герои Красной Армии (Ленин, Сталин, Киров, Фрунзе, Ворошилов, Буденный, Чапаев, Щорс); 3. «Товарищ Ворошилов, я быстро подрасту, И встану вместо брата с винтовкой на посту»; 4. На заставе (Советский пограничник). Характерны названия стихов, рекомендованных для разучивания в каждом классе: «Иностранка» Н. Вирта, «Шпион» и «Оборона» С. Михалкова, «Баллада о часах» Е. Благиной, «Оборонная песня» Б. Шмидта, «На заставе» А. Барто и т. д.⁶

В букварях и книгах для чтения, издававшихся в 1938–1952 гг. в Петрозаводске и предназначенных для школ Карелии, тема границы представлена более образно и ярко, чем в унифицированных учебниках, опубликованных в Москве. Казалось бы, идеологические возможности букваря ограничены. Но даже в тесное вербальное пространство русского букваря для нерусских школ, предусматривавшего освоение лишь 400 лексем, его создатели сумели «втиснуть» тему границы⁷. Выделенные курсивом фразы «Боец на границу не пустит врага», «Наша защита крепка и верна» и т. п. предлагалось многократно читать или переписывать. Как известно, подобные тихие, незаметные практики субъективизации, внедрения в подсознание идеологических штампов и клише весьма продуктивны, усвоение предлагаемых образцов таит в себе гигантские ресурсы воздействия на человека.

Общая фабула объединяет рассказы «Случай на границе», «Дружок», «Расказ пограничника», так же как и многочисленные стихи на эту тему. Она раскрывается через инцидент на границе, через ситуацию, связанную с задержанием шпиона. Учитывая «воспитательное» значение темы, Министерство просвещения Карелии рекомендовало учителю объяснять детям смысл понятий «след на границе», «руки вверх», «шпион», подчеркивать, что нарушать границу могут только враги. (Уместно вспомнить, что постановлением Президиума ЦИК 1934 г. бегство или перелет за границу карались высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией имущества⁸.)

В каких понятиях и образах впервые преподносится 7–8-летнему ребенку тема границы? Ответ на этот вопрос содержится в статье, обобщающей опыт учителей Карелии по проведению такого рода уроков и дающей рекомендацию, как «правильно» следует читать в классе рассказ «Дружок»:

«...Вывешивается картинка с надписью „Граница“. Ученики читают надпись... Потом на картине учитель показывает: это – наша земля, это – чужая земля, здесь граница: край нашей земли, начало чужой. – Кто это? – Это пограничник. – Что он делает? – Он охраняет границу. – Охраняет – не пускает чужих, бережет. Вы бережете, охраняете свой дом, свой огород осенью, когда поспеют овощи. Вывешивается плакат „Пограничник охраняет границу“... От кого охраняет пограничник границу? – От врагов, шпионов. – Кого называем „шпион“? – Кто переходит чужую границу, узнает важные тайны и возвращается к себе. – Вывешивается плакат «шпион». Учащиеся читают. Учитель говорит: „Шпион переходит границу; собака пограничника слышит врага. Пограничник прячется, следит, потом собака прыгает на врага“... К рассказу „Дружок“ имеется такая картинка:

лес, на земле лежит человек, на нем собака, другой человек целится в собаку, а в него, в свою очередь, целится пограничник...»⁹.

Приведенный фрагмент методической рекомендации показывает, что для выработки защитно-оборонительных рефлексов и бдительности использовались не только глубоко традиционные способы разделения социальной реальности на «своих» и «чужих», но эксплуатировалось и неистребимое чувство собственника. В курьезном примере, где граница сравнивается с огородом, имеется в виду домашний, а не колхозный огород (здесь для доходчивости объяснения учителю приходилось отступить от другой идеологической задачи – воспитания человека-коллективиста, который будет трудиться не «ради наживы»), а шпион сравнивается с вором – «внутренним врагом».

Обращение к теме происходит регулярно. На уроках разучиваются стихи о пограничниках, их читают хором, на текстах о границе отработывают правила грамматики. В одном из подобных упражнений предлагалось сделать распространенные предложения из следующих простых предложений: «Приближается вечер. Пограничник прислушивается. Слышен шорох. Человек крадется. Пограничник ждет. Раздается выстрел. Человек падает. Враг пойман»¹⁰. Творческая работа – написание сочинения – также осуществляется по готовой схеме: предлагаются ключевые слова или план, строго определяющие все тот же ход событий.

Базовый сюжет большинства публикаций о пограничниках – будь то учебник, детская публицистика или беллетристика – стандартен: погоня, схватка и задержание (вспомним, что традиционные для эпического жанра элементы описания включают седлание коня, богатырскую поездку, поединок, победу героя). Разнообразие вносят лишь детали: количество участников коллизии, степень вооруженности шпиона и т. д. Образ пограничника строится по эпической модели героя: «Он храбро сражался против семи». Конь героя «самый быстрый на заставе» или «гнедой, тонконогий», «распустив по ветру гриву, конь мчался, едва касаясь копытами земли»¹¹. Нетрудно заметить, что подавляющее большинство эпитетов взято из традиционного фольклорного репертуара.

Формирование стереотипных представлений о пограничнике опиралось на отличительные черты, выделяющие его из галереи советских героев. Он самый зоркий и самый чуткий (с обостренным вниманием), т. е. наделен особым умением видеть врага. Учителю предлагалась схема рассуждений: «Почему враги не могли проникнуть в Советский Союз? – Потому что пограничники зорко следят за границей и видят все, что на ней происходит...»¹². Пограничника «невозможно перехитрить и невозможно обмануть». Зоркий, чуткий, бдительный –

ключевые слова в текстах о пограничниках. Эти исключительные качества подкреплены технически – зоркость обеспечивает бинокль, а быть чутким помогает подготовленный друг – собака. Эти два элемента современного антуража богатыря-пограничника – объект мечты детей. Самодельный бумажный или деревянный бинокль и дворовый пес – общедоступные атрибуты-заместители, позволявшие мальчишкам «примерить» себя к «настоящим» пограничникам.

В системе координат границы герою-пограничнику противопоставит антигерой-шпион, идеологическая роль которого сводится к подтверждению непревзойденных качеств пограничника. Это противопоставление рельефно выражено в рассказе Ю. Германа. В его описании пограничник – исключительно положительный персонаж, «...высокий, сильный, красивый и очень смелый человек. И очень умный. Никто его не мог перехитрить, и ни один враг не перешел нашу границу – невозможно было обмануть товарища Авдеева». Облик шпиона иной: «...роста огромного, лицо злое, от страха бледное, глаза светятся как у волка, – вот-вот зарычит»¹³.

Шпион в детской художественной литературе и публицистике маркирован символикой оборотня. Помещение оборотня в пространство границы соответствует мифологической традиции, согласно которой стык миров (освоенного и неосвоенного, своего и чужого), граница между ними является локусом, где наиболее часто свершаются реинкарнации, перевоплощения, локализуется оборотничество¹⁴. В русской народной сказке пограничье также помещалось на грани двух миров – жизни и смерти – и было заселено «нечистой силой». За внешней оболочкой, иногда даже за красноармейской формой нужно суметь разглядеть врага. Его может выдать неестественный смех (чтобы быть похожим на советского человека, шпион громко смеется, так как слышан, что «на советской стороне людям жить весело»¹⁵), глаза, которые светятся «как у волка»¹⁶, неуместный наряд (элегантный плащ в лесу) или деталь костюма (необычного покроя шапка, фуражка) и даже оторвавшаяся пуговка (стихотворение Е. Долматовского «Пуговка», 1939 г.). В арсенале маскировочных средств нарушителя границы – колодки, меняющие форму следа: «У врага этого к сапогам были привязаны нарочно сделанные коровьи копыта...»¹⁷. У шпиона, как правило, есть черты, выделяющие его из окружения: хромой, сутулый, рыжебородый, кряжистый или верзила и т. д. Обратная ситуация перевоплощения – пограничник, переодетый в шпиона. Ряженье пограничников в «шпионов» в 1930-х гг. использовалось как способ проверки бдительности населения в пограничной зоне.

Модернизированный вариант школьных рассказов о пограничниках – задержание врага с помощью пионеров (вспомним героические мифы, в

которых, обретая духов-помощников, герой побеждает чудовище, или русские сказки, где благодаря неожиданной чудесной помощи герой успешно преодолевает трудности). Связка «пограничники и пионеры» широко использовалась в детской публицистике, отвечая поставленной Ф. Дзержинским задаче сотрудничества погранвойск с населением приграничья. Портреты детей, оказавших помощь пограничникам, публиковались в «Пионерской правде», они становились известными всей стране, и это было высшей наградой.

Образ пограничника лучше других героических образов вписывался в логику пионерского движения. Пионерская организация немало вобрала из скаутского движения (скаут = следопыт, разведчик), пришедшего в Россию в преддверии Первой мировой войны. Еще при появлении движения скаутов в России русские педагоги осудили ряд его трансформаций на русской почве. В их числе – замещение «элемента свободы и человечности, который был у англичан», «идеей монархизма, чиновничества и войны»¹⁸. Также неприемлемой признавалась связь русских скаутов с охранительными структурами власти. Эта сформировавшаяся еще до революции модель взаимоотношения детей и власти была очищена от морально-нравственных заповедей и христианского духа скаутизма и адаптирована к советским реалиям.

Образы границы, транслировавшиеся по официальным каналам, должны были укрепить комплекс величия родины. Эпитеты, которыми характеризовался Советский Союз – бескрайняя, широкая, громадная, необъятная страна, на самом деле плохо увязывались с представлением о границах как ограничителях пространства. Протяженность государственной границы в школьных учебниках сравнивалась с длиной экватора и расстояниями между полюсами Земли (в 1,5 раза длиннее экватора, в 3 раза больше расстояния от полюса до полюса¹⁹). Территория страны могла только расширяться, а протяженность границ прирастать. На уроках географии детям предлагалось сравнивать площадь «важнейших» зарубежных стран с территорией Советского Союза: «территория нашей страны в 3 раза больше территории США, в два с лишним раза больше территории Китая, в несколько раз больше территории Франции, Англии, Германии взятых вместе»²⁰. Рекомендовалось таким же образом сравнивать и отдельные регионы СССР.

Представления о государственной границе были частью официальной модели восприятия пространства страны. Эта модель строилась по достаточно жесткой фольклорной схеме: центр – остальная территория – заграничье. Сакральность центра определялась тем, что Москва – столица единственного в мире социалистического государства, и тем, что там находится

Сталин – «вождь всех времен и народов». Он наделен магическими свойствами и характеризуется с помощью солярных эпитетов (например: «Дети страны советов согреты *солнцем сталинской заботы*»), а потому территория страны надежно защищена от вторжения злых сил²¹.

По мифологической модели маркируется пространство: СССР – свет, прогресс, остальной мир – тьма. Этот другой, темный мир, начинающийся за пограничной заставой, – обитель врагов. Земля и не-земля (вражеская территория) обозначается на картах особо. Карта Финляндии в молодежном журнале «*Punavartio*» (Красный страж) покрыта черной паутиной свастики. На карте Карелии красным цветом вписан силуэт советского воина. Враги характеризуются как выродки, принадлежащие к иной породе, рожденной другим, темным пространством и другим, прошлым временем. Это не люди, а волки, псы, крысы, лисы, гидры, спруты, стервятники, гады, вороны и т. д. Естественно, что эти зооморфные существа лишены одного из отличительных признаков человека – речи. Они не говорят, а «воюют», «тявкают», «шипят» и «каркают». Эта метафорика получает развитие в послевоенные годы. Например, в мультфильме «Чужой голос» (Союзмультфильм, 1949 г.) сорока, только что прилетевшая из-за границы, объявляет искусство соловьиного пения устаревшим и дает концерт. Она обрушивает на изумленных слушателей каскад ужасных, резких звуков, в которых угадывается «чуждая» мелодия джаза.

В мирное время граница, где можно встретиться с «настоящим врагом», давала больше шансов для подвига, о котором мечтали дети. Несмотря на то, что мальчики и девочки в равной мере были вовлечены в «образовательно-воспитательный процесс», в литературе и публицистике лишь мальчики совершают подвиг на границе. Девочки в лучшем случае сопровождают героев, становятся свидетельницами их мужественных поступков, но реальными героинями – крайне редко. Формировался его-образ «боевой подруги» (развивавший сложившееся еще в годы дореволюционного эмансипационного движения отношение к женщине как к «другу по общему делу»²²) и задавались «параметры» идеального мужчины. Таким образом, на детей проецировалось повышение статуса мужчины в милитаризирующемся советском обществе 1930-х гг. Педагогическая, пропагандистская литература демонстрирует, что готовность к возможным испытаниям, связанная с культивированием самоконтроля, самодисциплины, самоограничения и самоотверженности, становится в предвоенный период господствующей «мужской» чертой. Еще более ярко гендерно-возрастная асимметрия в распределении ролей проявилась в подвижной детской игре в пограничников и шпионов: непопулярная роль шпионов, которым предстояло быть пойманными, доставалась младшим детям и девочкам.

Иную ситуацию предлагали правила официальной настольно-печатной игры «Пробег по границам СССР». Игра была издана в 1937 г. в качестве приложения к журналу «Мурзилка» и адресована младшим школьникам. В ней могли на равных участвовать девочки и мальчики, а роли были только положительными – пограничник с собакой, летчик, радист и водитель вездехода, тогда как шпионы оставались «за кадром». Матрица игры представляла собой обычную «ходилку», в основе которой – испытание удачи, поскольку судьбу игрока решает бросок кубика и передвижение фишек. Обучающие функции игры ограничивались усвоением географических названий в ходе передвижения по игровому полю, представлявшему карту родины. Не вдаваясь в детали этого развлечения с пропагандистской начинкой, обратим внимание на культурные символы, проступающие сквозь его внешнюю форму. Движение путешественников освящено именем Ленина: свой путь они начинают из погранчного Ленинграда. Перемещение игроков вдоль границ шло по замкнутому кругу. Сакральный характер и архаический культурный смысл такого действия очевиден: движение «посолонь» свойственно многим ритуальным обходам, шествиям и народным танцам. Обернувшись вокруг центра – «священной Москвы», отмеченной на карте звездой, игроки символически замыкали границу Родины.

К западным, наиболее опасным границам они возвращались, обогащенные опытом путешествия, пройдя испытание встречей с диверсантами на китайской границе. В ходе движения предусматривались небольшие экскурсии внутрь страны к интересным (в стилистике источника – замечательным) объектам. На западных границах, где вероятность встретить шпиона резко возрастала, участники игры все-таки делали одну остановку, чтобы заглянуть в село Михайловское (игра была издана в год Пушкинского юбилея). Но это всего лишь любопытная деталь. «Удача» игрока состояла в другом – встретить врага, поскольку именно такая встреча влечет за собой награду – дополнительный ход и как следствие, возможность скорейшего возвращения (уже героем) в город Ленинград. Советская страна предстала как воплощенная мечта, чудесный остров во враждебном море-океане. Образ острова усиливался визуально-графической семантикой: вся «заграница» была окрашена в серый цвет. Эта игра, как и многие ее аналоги, не только выстраивала в сознании ребенка идеал взрослого, задавая предпочтения в будущей жизни, но и формировала вполне определенную модель мира, ментальную карту личности.

Мифологизация, героизация границы была частью общего имперского дискурса, конструировавшего советский патриотизм, замешанный на чувствах жертвенной любви и ненависти (любви к Родине/вождю/партии

и ненависти к ее реальным и мнимым врагам). Несмотря на апелляцию к традиционным стереотипам, советский патриотизм был достаточно современен. Переосмысление архетипических мотивов осуществлялось на основе современной социалистической идеологии, современного «прогноза» тотальной войны и, наконец, современного технократически-милитаризованного антуража героизма²³. Новый социокультурный комплекс прекрасно вписывался в матрицу мифа.

Любимая детская игра в пограничников и шпионов, в которой все хотят быть пограничниками и никто – шпионом; страсть к дрессировке овчарок, проявившаяся в популярности клубов юных кинологов, вышедших за рамки сталинского периода; популярность массовой песни о границе и «утрата» рядом песен авторства, перемещение их в категорию «народных» (песни «Катюша», «На посту пограничник стоит», «Пуговка») – все это говорит о том, что образы были поняты и приняты. Вся палитра представленных взаимодополняющих текстов (художественных, учебных, игровых, иконографических) – это своеобразный по своему содержанию гипертекст, благодаря которому происходила передача детям определенных ценностных ориентиров. В нем в полной мере проявилась культурная стратегия насаждения «воображаемого»²⁴, когда официально одобренный миф, «социалистическая фантазия» навязывалась всем, включая детей. Мышление ребенка, тесно связанное с эмоциональной сферой, особенно восприимчиво к своеобразной мифологической «логике». Игровое действие как ритуальный эквивалент мифа закрепляло и поддерживало официально одобренную модель мира, в которой идеологически актуальные образы встраивались в систему ментальных универсалий. В силу психологических особенностей возраста навязанные государством ценностные ориентиры приобретали характер устойчивых рефлексов, проявления которых остро ощущает не только современная Россия, но и весь мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Клубков П. А. «На посту пограничник стоит...» // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С. 405–411.

² Фирсов С. М. Советская и постсоветская культура в исторической динамике: влияние на культурную дифференциацию. СПб., 1999. С. 28–29. <http://www.eu.spb.ru>

³ Роль обществоведения в коммунистическом воспитании учащихся. Методическое письмо преподавателям обществоведения начальной и неполной средней школы. М., 1935. С. 4.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ По наблюдениям С. Шведова, в сталинском букваре и книгах для чтения присутствуют два локуса, где происходит «настоящая жизнь»: наряду с государственной границей таковым является и железная дорога. С. Шведов. Уроки букваря. <http://www.because.ru/culture>

⁶ Национальный архив Финляндии. Коллекция Пентти Ренвалла. 14 В. План для начальных школ г. Петрозаводска по организации работы учащихся с книгой.

⁷ Беляев И. С., Бонч-Осмоловская А. Г. Основы методики обучения русскому языку в начальных нерусских школах Карело-Финской ССР: Пособие для учителей. Петрозаводск, 1946. С. 8, 102, 123, 186, 244.

⁸ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1934. Вып. 33. Ст. 255.

⁹ Бонч-Осмоловская А. Г. Объяснительное чтение в нерусской школе // Методический бюллетень Министерства просвещения и Института усовершенствования учителей Карело-Финской ССР. 1946. № 3. С. 31, 34.

¹⁰ Анисимов Н. А. Грамматика карельского языка. Ч. I. Учебник для неполной средней и средней школы. Петрозаводск, 1939. С. 10.

¹¹ Пионерская правда. 3 декабря 1937 г. С. 4.

¹² В помощь школе. Методический бюллетень Министерства просвещения и Института усовершенствования учителей Карело-Финской ССР. 1946. № 3. С. 37.

¹³ Герман Ю. Рассказ пограничника // Беляев И. С. Книга для чтения во втором классе карело-финской школы. Петрозаводск, 1952. С. 116, 119.

¹⁴ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Петрозаводск, 2000. С. 350–351.

¹⁵ Гайдар А. Маруся. (1939–1941) // Гайдар А. Сочинения. Т. II. М.; Л., 1949. С. 335.

¹⁶ Герман Ю. Рассказ пограничника. С. 119.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Рубинштейн М.М. Война и идеал воспитания: (К вопросу о национализме в педагогике) // Вестник воспитания. 1916. № 2.

¹⁹ География СССР. Учебные материалы. Седьмой класс. М., 1950. С. 7–8.

²⁰ Наглядность в преподавании географии. Сборник в помощь учителю. Ред. И. И. Самойлов. М., 1955. С. 92.

²¹ Мещеряков А. Советский хронотоп. Покорение пространства и времени. <http://www.l.u-tokyo.ac.jp>

²² Пушкарёва Н. Л. У истоков русского феминизма: сходства и отличия России и Запада // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения. СПб., 2001. С. 82–84.

²³ Никонова О. Ю. Военный опыт и конструирование советского патриотизма. <http://isem.susu.ac.ru>

²⁴ Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N. Y., 1989. P. 248–253.

Границы ТОПОНИМНЫХ ареалов Карелии. Материалы атласа

И. И. Муллонен, Д. В. Кузьмин
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Границы топонимных ареалов Карелии. Материалы атласа*

Карелия в ее современных границах не составляет единую историко-культурную зону. Есть ощутимые различия в культуре Обонежья, Приладожья и Беломорья; карельский запад отличается от русского востока; своей спецификой характеризуются этноязыковые ареалы, сформировавшиеся в бассейнах пересекающих территорию Карелии с запада на восток рек, а также бассейнах крупных озер. Вместе с тем просматриваются факты, объединяющие территорию в единое целое. Топонимия в силу присущей ей исключительной устойчивости во времени, привязки к территории, массовости способна внести свой вклад в понимание формирования этнокультурной карты Карелии. Важно также, что топоним рождается в рамках определенной системы, по определенным моделям, обусловленным географически и хронологически. Именно такая системность в сочетании с отмеченными свойствами делает топонимию надежным этноязыковым и историко-культурным источником и позволяет использовать ее для интерпретации языковой ситуации на разных хронологических срезах, истории заселения, формирования поселенческой структуры, времени переселений, этнических контактов и т. д.

В практике ономастического исследования картографирование отдельных топонимных моделей нередко, однако создание атласов, позволяющих продемонстрировать не только целый комплекс фактов, но и их взаимосвязи, ареальное наложение и оппозиции, устойчивость ареальных границ, центры инноваций и т. д., не получило распространения. Между тем оно дает в руки исследователей новые возможности для понимания этноязыковых и историко-культурных процессов, адаптационных механизмов. Исходя из этого, в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным

* Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Топонимический атлас Карелии»). Карты 1–5 и комментарии к ним подготовлены И. И. Муллонен, карта 6 – Д. В. Кузьминым.

трансформациям» в ИЯЛИ КарНЦ РАН был задуман и осуществлен пилотный проект «Топонимический атлас Карелии». Атлас включает набор из 50 карт, на которых представлены ареалы отдельных прибалтийско-финских (карельских, вепсских), русских, саамских топонимов территории Карелии. Картографированию подвергнуты как структурные, так и лексико-семантические модели, заключающие в себе этноязыковую и этноисторическую информацию. Каждая карта сопровождается комментарием, в котором приводится фактический материал, т. е. список картографированных топонимов, а также предлагается анализ выявленных ареалов (изоглоссы, характер взаимного расположения объектов с выявленными моделями названия, центры и периферии ареалов, их наложение и др.). Помимо этнокультурного содержания ареальная составляющая оказывается в ряде случаев исключительно важной и для этимологической интерпретации топоосновы.

При определении критериев отбора моделей, перспективных для картографирования, авторы исходили из того, что не любой топоним может быть использован в целях языкового и этноисторического анализа. Наиболее продуктивно использование тех моделей, которые были популярны в какой-то определенный ограниченный промежуток времени и свойственны локальной группе населения. В таком случае ареал не размыт, он имеет достаточно четкие очертания и может быть интерпретирован. Предшествующие исследования коллектива позволяют утверждать, что для целей ареального исследования полезны суффиксальные модели, поскольку каждый суффикс (или топонимный формант) имеет свой ареал. Существенную информацию возможно извлечь и из так называемой ареальной семантической оппозиции моделей, когда один и тот же признак, положенный в основу названия, выражается различными языковыми коллективами по-своему. Полезны топоосновы, в содержании которых заключена идея «культурное пространство» (топоосновы со значением ‘путь, дорога, волок’, ‘граница, край’, ‘поселение’), а также этнонимы и антропонимы-фамилии и родовые прозвища.

При создании карты-основы и обозначении общих границ территории картографирования принималось во внимание, что на протяжении всего второго тысячелетия территориальные рамки Карелии менялись. В современных границах (с незначительными изменениями) Республика Карелия существует с 1920 г. Понятно, что традиционная топонимия складывалась в период, предшествовавший появлению Карельской республики. Поэтому карта-основа охватывает территорию бывшей Олонецкой губернии, а также Кемского уезда Архангельской губернии, в рамки которых укладывается основная часть дифференцирующих при-

балтийско-финских (карельских и вепских) и русских топонимных типов. При этом территория обследования выходит за обозначенные границы на запад, захватывая значительную часть территории Финляндии, чрезвычайно показательную с точки зрения истоков целого ряда карельских моделей, а также на юг, где доходит до Белозерья, существенного в плане вепских, а также финно-угорских топонимных ареалов. Административно это территория Тихвинского, а также части Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губернии. В зону исторического вепского расселения входила также восточная часть территории Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. Подготовка карты-основы тесно связана с вопросом о выборе территориальной единицы для картографирования. В качестве таковой применительно к поздним и массовым топонимным моделям выступает волость. Традиционная волостная система административного членения, как известно, сыграла исключительно важную роль в складывании и языковых, и культурных особенностей. Положительная сторона избранного подхода состоит и в том, что значительная часть полевого и архивного, а также опубликованного в разного рода письменных источниках материала отражает ситуацию рубежа XIX–XX столетий и начала XX века – времени существования волостей. С другой стороны, хронологически ранние, а также редкие модели целесообразно отражать вне зависимости от волостных границ. Для них показательное расположение относительно водоемов, транзитных водных и водно-волоковых путей, водоразделов. Исходя из этих положений, карта-основа включает два элемента. Это, во-первых, основные водные объекты (реки, крупные озера), служившие дорогами для освоения территории в древности и средневековье, сформировавшими систему традиционного расселения и границы историко-культурных зон. Во-вторых, это административное членение, при этом за основу взято традиционное волостное деление начала XX в. В отличие от современного, оно более адекватно отражает традиционную культурно-историческую ситуацию в Карелии. На основе списков населенных мест указанных выше российских губерний подготовлена карта-основа с волостным членением (разработчик – Е. В. Ляля, отдел ГИС-технологий Петрозаводского государственного университета). Для демонстрации ареалов, включающих территорию Финляндии, использована традиционно применяемая в историко-культурных и диалектных исследованиях карта волостного членения Финляндии начала XX в.

Для маркировки используются знаки различной конфигурации. Как правило, за каждым знаком стоит один топоним. В том случае, когда в границах волости фиксируется больше трех топонимов данной модели,

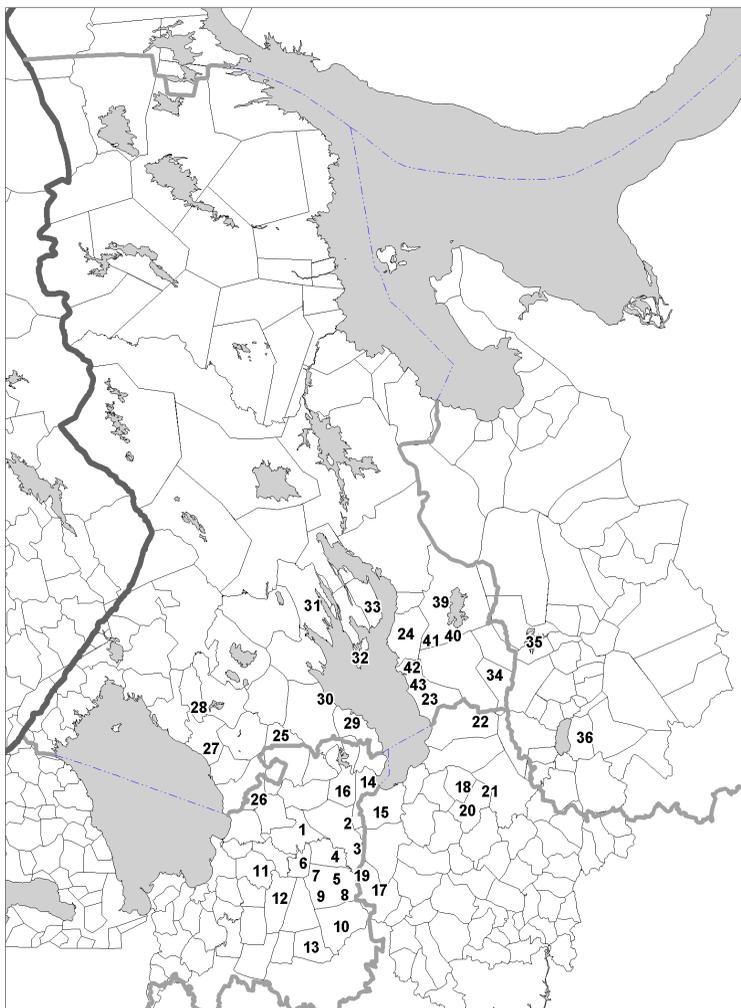
применяется более крупный по размерам знак. При массовом характере фиксаций возможно выделение ареала штриховкой.

В корпусе источников материала главная роль отведена Картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей. Планомерный сбор топонимии ведется ИЯЛИ КарНЦ РАН с 1970-х гг., накоплена одна из лучших на Северо-Западе России топонимических картотек. При этом последние 15 лет сбор географических названий ведется с использованием крупномасштабных топографических карт, что позволило активно и с хорошими результатами привлекать ареальную методику в исследовательской работе. В течение нескольких последних лет при поддержке РГНФ ведется создание географической информационно-аналитической системы «Топонимия Карелии», в ходе которой создаваемая на основе картотеки база данных последовательно связывается с электронной картой. Это позволяет проводить всесторонний ареальный анализ материала. Кроме полевых данных использованы материалы Национального архива Республики Карелия (фонды Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия, Олонецкой губернской палаты государственного имущества, Олонецкого губернского статистического комитета, уездных земельных управлений, районных землеустроителей), Российского государственного исторического архива (плановый архив Министерства земледелия), Государственного архива Архангельской области (материалы фонда 6 Архангельского губернского правления, включающие более 6300 топонимов, 1876 г.). Архивные материалы исключительно ценны в связи с исчезновением с карты Карелии на протяжении XX столетия значительного числа населенных пунктов и, следовательно, невозможностью собрать их традиционную топонимию. Для выявления ареалов ряда карельских топонимных моделей привлечены материалы топонимического архива Финляндии, хранящиеся в Научно-исследовательском центре языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus). Использованы также картографические и опубликованные источники. В настоящее время картотека имеющихся в распоряжении коллектива топонимов включает более 100 тысяч названий.

Далее предложены образцы карт ряда топонимных моделей с соответствующими комментариями.

Карта 1. Vadag' / Vadai-, Вадог- / Вадег-

1. *Vadag'* (Вадога, Верхняя Вадожка), река; *Ватозеро*, озеро; *Ватозерский мох*, болото; *Нижняя Вадожка*, река [Олон., Лодейн., Шапшин., Шапша]

Карта 1

2. *Vadajärv* (Вадаозеро), озеро; *Vadag'so* (Вадаксоболото), болото [Олон., Лодейн., Виниц., Тукшозеро]
3. *Vadaoja* ~ *Vadoja* (Вадручей), ручей [Олон., Лодейн., Виниц., Озера]
4. *Vadaoja* ~ *Vadoja* (Вадожка), ручей; *Vadaso* (Вадожное болото); *Vadaged*, покосы [Новг., Тихв., Пелдуш., Сарозеро]

5. *Vadag'oja* ~ *Vadoja* (*Вадуй*), ручей; *Vadjärv*, озеро; *Vadoiso*, болото; *Vadaged*, покосы [Новг., Тихв., Лукин., Ньюговичи]
6. *Вадога* ~ *Вадоги*, ручей [Новг., Тихв., Красноб., Красный Бор]
7. *Вадожка* ~ *Вадожний*, ручей; *Вадожное*, озеро [Новг., Тихв., Лукин., Мягичево]
8. *Вадоги*, река [Новг., Тихв., Лукин., Пялозеро]
9. *Вадожский*, ручей [Новг., Тихв., Лукин., Хундола]
10. *Vadaoja* (*Вадоя*), ручей [Новг., Тихв., Борис., Маслово]
11. *Вадожский мох*, болото [СПб., Новолад., Никол., Николаевщина]
12. *Вадога*, река [Новг., Тихв., Кунев., Пустыня]
13. *Вадозеро*, озеро [Новг., Тихв., Дерев., Симаново]
14. *Вадеги*, покос [Олон., Лодейн., Оштин., Кузра]
15. *Вадаозеро*, озеро; *Вадасельга*, урочище; *Вадаж*, покос, *Вадеги* ~ *Вадяги*, покос [Олон., Лодейн., Оштин., Курвоши]
16. *Вадручей*, ручей [Олон., Лодейн., Виниц., Шокшозеро]
17. *Вадоги*, урочище [Новг., Белоз., Киин., Керстан]
18. *Вадега*, болото [Олон., Вытег., Девят., Белый Ручей]
19. *Vadoiso*, болото [Новг., Тихв., Лукин., Рябов Конец]
20. *Бадожский Погост*, село [Олон., Вытег., Бадож., Бадожский Погост]
21. *Вада*, болото [Олон., Вытег., Бадож., Лоза]
22. *Вадеручей*, ручей; *Вадеручейский порог* [Олон., Вытег., Андом., Самино]
23. *Вадемох* ~ *Вадомих*, болото; *Бадеж*, покос [Олон., Пудож., Нигиж., Каршево]
24. *Вадеги*, покос; *Вадемох*, болото [Олон., Пудож., Авдеев., Ижгора]
25. *Vadekoski*, порог [Олон., Олон., Важин., Мошничье]
26. *Вадега* ~ *Вадога*, река [Олон., Олон., Неккул., Андреевщина]
27. *Vadaja* ~ *Vadajannurmet*, покос [Олон., Олон., Видлиц., Видлица]
28. *Vadai* ~ *Vadajennurmet* [Олон., Олон., Видлиц, Кондуш., Кавгозеро]
29. *Vadag'*, покос [Олон., Петроз., Шелт.-Бер., Васильевская]
30. *Вадоги*, урочище [Олон., Петроз., Ладвин., Деревянное]
31. *Ватнаволок*, деревня [Олон., Петроз., Кондоп., Ватнаволок]
32. *Ватлекиа*, залив [Олон., Петроз., Великог., Гарница]
33. *Вадгуба*, залив [Олон., Петроз., Голв., Типиницы]
34. *Vadajad*, покос [Олон., Олон., Тулмоз., Кормелисто]
35. *Vadailambi*, озеро; *Vadaipergivo*, покос; *Vadaiselgy*, гора [Олон., Олон., Тулмоз., Тулмозеро]
36. *Вадеги* ~ *Вадежское*, болото [Олон., Каргоп., Кеноз., Глазова]
37. *Вадога*, река; *Вадоги*, покос [Олон., Каргоп., Калитинская, Кинема]

38. *Вадоги*, покос [Волог., Вожегод., Чужга]
 39. *Завадежье*, поле [Олон., Пудож, Водлоз., Пильмасоз., Паезеро]
 40. *Вадыги*, уроч. [Олон., Пудож., Водлоз., Куганавол., Бостилово]
 41. Нижние *Вадеги*, уроч. [Олон., Пудож., Водлоз., Куганавол., Рагно-
 зеро]
 42. *Вадиги*, уроч. [Олон., Пудож., Нигиж., Шальс., Дягельнаволок]

Ареал сформирован названиями небольших рек и ручьев, озер, болот, сенокосных угодий. Он наиболее плотен на вепсской территории – в южном Присвирье, на севере доходит до северного Обонежья, на востоке захватывает Каргополье, а на западе достигает восточного Приладжья. Исходя из того, что значительная часть топонимических фиксаций представлена простыми по структуре названиями, следует полагать, что топоним восходит к ландшафтному термину. Таковой действительно известен в восточных финских говорах: *vataja* ‘болотистое, поросшее кустарником или чахлым лесом место, используемое иногда под покосы’ [1]. В карельских диалектах *vataja* обозначает, как правило, ‘куст, обычно низкий и широкий’, а его производные, оформленные суффиксом с коллективной семантикой, *vadajikko* и *vadajažikko* ‘болотистое место, поросшее чахлыми березками и ивняком’ [2]. Современному вепсскому языку соответствующий термин неизвестен, однако судя по значительной продуктивности основы *Vadag* в вепсской топонимии, он бытовал в прошлом и в вепсских говорах, а функционирование ее в названиях низких, болотистых мест, используемых под сенокосы, дает представление о семантике ландшафтного термина [3]. Кроме того, подтверждением прежнего бытования слова в прибалтийско-финских языках Карелии служат русские говоры Обонежья, которым известны вадога и вадега для обозначения болотистого места [4]. Традиционно принято считать термин в севернорусских говорах производным от вадья, которое, в свою очередь, является коми заимствованием [Фасмер]. В действительности на Русском Севере, видимо, произошла контаминация двух терминов с разными истоками: вадега, вадига ‘глубокое место реки с тихим течением; озеро’ [5], имеющего на Русском Севере преимущественно восточный ареал, и вадога ‘покосы в низких сырых местах около озер и речек, где растет главным образом осока; зарастающее лесом болото’, представленного в русских говорах Карелии и на смежных территориях Ленинградской области [6]. Если для первого допустимы коми истоки, то второй и ареально, и семантически естественнее связывать с прибалтийско-финским (вепсским) источником. Вариант *вадега* с мягким согласным второго слога мог возникнуть вследствие

воздействия замыкающего слог палатализованного согласного оригинального вепсского термина *vadag'. Вепсское *vadag' является фонетически закономерным соответствием финского vataja и карельского vadaja (ср. фин. kataja и вепс. kadag 'можжевелик', фин. диал. kajaja и вепс. kajag 'чайка' и др.). Ряд вепсских топонимов демонстрирует неустойчивость конечного согласного, однако наличие вариантов (напр., связка оз. *Vadajärv* и бол. *Vadagso* на его берегу), а также сохранение в ряде примеров гласного *a* в атрибутивном элементе сложных топонимов при последовательном его выпадении в том случае, если он замыкает двусложную основу (*Vada/järv*, *Vada/oja*, *Vada/so* неоднократно), позволяют восстанавливать исходный согласный.

При анализе ареала встает вопрос об истоках топоосновы в ливвиковском Приладожье. Здесь она известна на западных рубежах ливвиковской территории, прилегающей к восточно-финскому ареалу, где фиксируется топонимическое функционирование термина vataja [7]. В этом контексте, а также принимая во внимание фонетический облик топоосновы, отличный от того, который представлен на вепсской и смежной с ней территории (т. е. *Vadaja – Vadag'*), следует, видимо, признать самостоятельное от вепсского происхождение топонима в западных говорах ливвиковской Карелии.

Рассматриваемая карельская основа может быть реконструирована в названии расположенного в окрестностях д. Гарница на Климецком острове залива *Ватлекша*. Географическим обоснованием этимологии служит то обстоятельство, что побережье залива заболочено, причем здешние болота регулярно выкашивались. В свою очередь, фонетический облик второго элемента этого сложного по структуре прибалтийско-финского топонима (< *Vat/lekši) позволяет реконструировать усеченный атрибут до первоначального *vatai-. В собственно-карельских говорах происходило закономерное выпадение конечного -i, сопровождавшееся палатализацией следующего за -i согласного [8]. Этапы развития топонима могут быть представлены следующей схемой: *Vataja/lakši (кар. lakši 'залив') > *Vatailakši > *Vatalekši > *Vatlekši > Ватлекша. Видимо, в одном ряду с *Ватлекша* надо рассматривать и истоки топонимов *Ватгуба* (с вариантом *Вадьгуба*) и *Ватнаволок* на Климецком острове (Сенн), *Вадгуба* залив с заболоченными берегами (Типин), а также название населенного пункта *Ватнаволок* в Кондопожском районе. На это указывают присущая большинству из названий карельская глухость согласного *m* в атрибутивном элементе топонимов, а также, видимо, единый заонежский ареал.

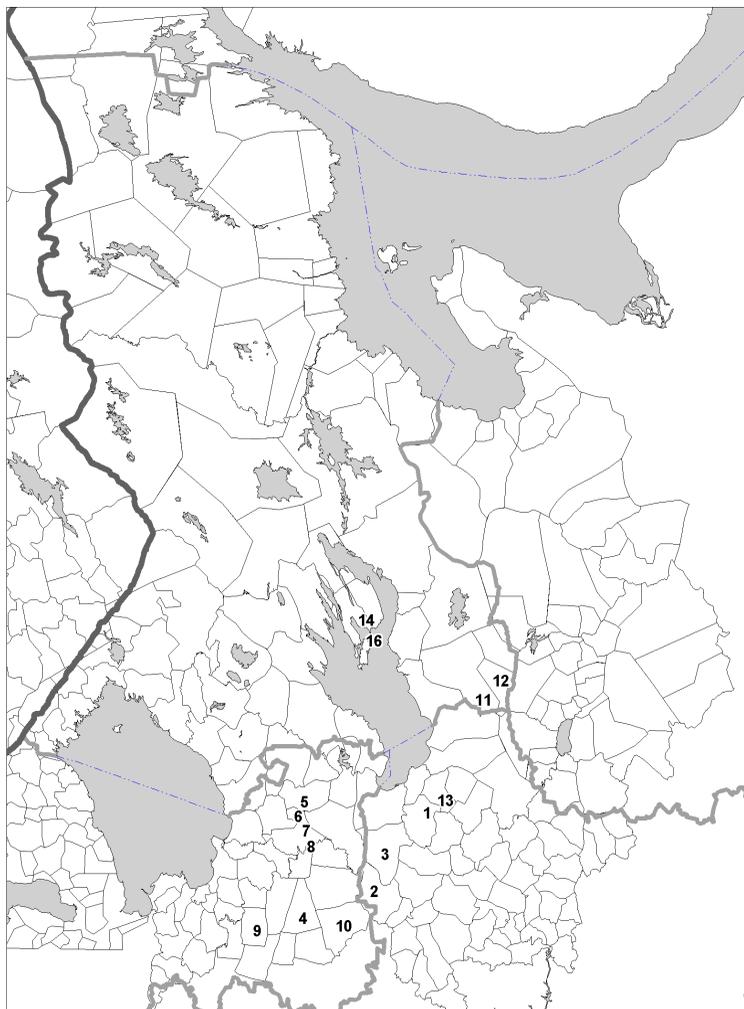
В свою очередь, в восточном Обонежье есть достаточно веские основания в пользу вепсских истоков ареала. Это, прежде всего, присутствие *z*

(Вадога ~ Вадега), являющегося характерным вепским фонетическим признаком, а также то, что восточный берег Онежского озера является естественным продолжением на север и северо-восток вепского этнического ареала.

Итак, модель наиболее интенсивна в ареале современного и исторического вепского расселения в восточном Обонежье. В ливвиковском Приладожье и в Заонежье, исходя из фонетического облика топонимов и некоторой изолированности от вепского ареала, допустимы карельские истоки модели. При этом, впрочем, следует принять во внимание, что модель, не проявив себя на остальной карельской в языковом отношении территории, актуализировалась только в непосредственном вепском ареальном соседстве, что может быть вызвано непосредственным или опосредованным вепским воздействием. Можно допустить, что на Олонецком перешейке происходила фонетическая адаптация вепского термина, его сближение со своим карельским словом *vataja* ~ *vadaja*. Не исключено, впрочем, что вепское субстратное воздействие могло привести к рождению ливвиковской топонимной модели, активизирующей известную в карельских говорах лексему *vataja*.

Карта 2. Lap- / Lap(a)t-

1. *Лапозеро*, озеро [Олон., Вытег., Коштуг., Ундозеро]
2. *Лапозеро*, озеро [Новг., Белоз., Киинск., Керстан]
3. *Лароја (Лапручей)*, ручей [Олон., Лодейн., Шимоз., Пелкаска]
4. *Лаповский*, ручей [Новг., Тихв., Кузьмин., Кильмуя]
5. *Лапозеро* ~ *Лапоть*, озеро [Олон., Лодейн., Подпор., Вонозеро]
6. *Лапозеро*, озеро [Олон., Лодейн., Шапшин., Мульевичи]
7. *Лапозеро*, озеро [Олон., Лодейн., Шапшин., Варбиничи]
8. *Лапозеро*, озеро [Олон., Лодейн., Шапшин., Кукас]
9. *Ланисарь*, остров в болоте [Новг., Тихв., Новин., Имолово]
10. *Лапоское*, озеро [Новг., Тихв., Борисовц., Пудрино]
11. *Лапатозеро*, озеро [Олон., Пудож., Коловс., Отовозеро]
12. *Лапозеро*, озеро [Олон., Пудож., Колодоз., Палоручей]
13. *Лапатозеро* ~ *Лопотозеро*, озеро [Олон., Вытег., Вытег., Сперовс. общ-во, Кудаозеро]
14. *Лапостров*, остров [Олон., Петроз., Великог., Яндом., Усть-Яндом.]
15. *Лапцарское*, болото [Новг., Кирилл., Остров., Чаготма]
16. *Лапостров* [Олон., Петроз., Великог., Рогачево]

Карта 2

Основа представлена серией названий малых озер, характерной особенностью которых является расположение на берегу, сбоку от более крупного озера. Исходя из этой характерной особенности местоположения, в топооснове следует видеть вепскую лексему **lart* ‘край, бок, сторона’, которая в современных говорах представлена наречиями: *lartaha* ‘в

сторону', *laptali*, *laptaiči* 'стороной', *laptas* 'в стороне', *laptati* 'рядом'. Производящая основа *lapt* этимологически входит в один ряд с карельским *lappie* и финским *larrea* [9], которые позволяют реконструировать исходный для прибалтийско-финских языков вид **larreda* и тем самым проясняют происхождение вепс. *lapt* как результата характерной для вепсского языка редукции гласного второго слога в случае, если первый слог долгий или закрытый [10]: **larreda* >> *lapt*. При этом процесс выпадения гласного сопровождался оглушением конечного согласного под влиянием соседнего глухого *p*. В ряде топонимных примеров редукция гласного отсутствует: *Ланатозеро* в верховьях р. Колоды, маленькое *Ланатозеро* на берегу Кудомозера в южном Обонежье, оз. *Ланоть* (с вариантом *Ланозеро*) у оз. Палежма в южном Присвирье, а также, возможно, руч. *Ланать* в бассейне верхней Шексны. Впрочем, нельзя исключать и вторичного наращенного гласного, имеющего в ряде случаев народно-этимологические истоки. В большинстве примеров на стыке элементов сложного топонима произошло упрощение фонетического облика топонимной основы: **Laptjärv* > *Lapjärv* > *Лапозеро*.

Ареал модели охватывает южное Присвирье, южное и юго-восточное Обонежье и может, таким образом, квалифицироваться как вепсский, хотя и не покрывает всю вепсскую территорию. С точки зрения этнической истории и географии расселения наиболее интересны фиксации в юго-восточном Обонежье, в том числе *Ланатозеро* и *Ланозеро* в бассейне р. Колоды, озеро *Ланоть* в Салмозере, доказывающие вепсское прошлое этой русской территории.

Исходя из локального ареала, а также функционирования модели преимущественно в названиях микрообъектов, следует признать ее относительную молодость. Показательно ее отсутствие на Олонецком перешейке – исторической вепсской территории. На окраинах ареала зафиксировано несколько топонимов – названий островов: в юго-западном Присвирье урочище (остров на краю болота Имоловское) *Ланьсарь* (*saf* 'остров'), на нижней Кеме в северном Белозерье бол. *Ланцарское* (<**Lapsaf*), остров *Ланостров* в окрестностях д. Усть-Яндома на юге Заонежского полуострова, являющийся крайним в череде островов, расположенных в окрестностях поселения. Появление *Ланострова* в южном Заонежье может быть отражением устойчивых связей данной территории с вепсским Прионежьем, характерным в относительно позднее время.

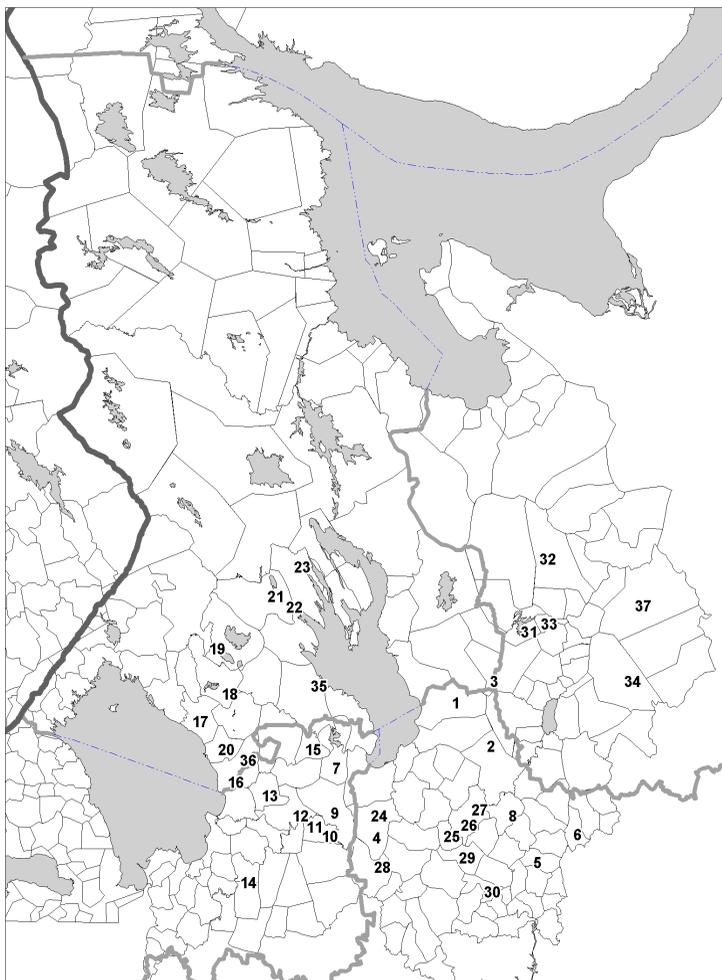
В контексте сказанного есть смысл пересмотреть этимологию некоторых наименований с основой *лап-*, традиционно связываемых с этнонимом *lappi* 'лопаль'.

Модель не получила распространения в карельской топонимии, основа не входит и в число продуктивных финских топонимов.

Карта 3. Pehk-, Пехт-

1. *Пехручей*, ручей [Олон., Вытег., Андом., Ладвоз., Айнозеро]
2. *Пехозеро*, озеро [Олон., Вытег., Чернослоб., Ерчина]
3. *Пехозеро, Пехозерко*, озеро [Олон., Пудож., Колод., Дубовск., Паларучей]
4. *Пехручей*, ручей [Олон., Вытег., Коштуг., Ежезер., Дундуково]
5. *Пехтач*, деревня [Новг., Кирилл., ... Пехтач]
6. *Пехтач*, деревня [Новг., Кирилл., ... Прилуц., Пехтач., Казан., Пехтач]
7. *Пех(т)болото*, болото [Олон., Лодейн., Юксовская, Юксовичи]
8. *Пехручей* [Новг., Кирилл., Островс., Чаготма]
9. *Pehkoja*, ручей; *Pehkoijärv*, озеро; *Pehkoisohut*, болото [Олон., Лодейн., Вениц., Озерск., Киприяновская]
10. *Pehkišt*, покосы [Новг., Тихв., Пелдуш., Бахарево]
11. *Pehko*, болото [Новг., Тихв., Пелдуш., Ярославичи]
12. *Пехболото*, болото [Олон., Лодейн., Шапшин., Агашево]
13. *Пехтега*, река [Олон., Лодейн., Мирошкин., Тененск., Тененичи]
14. *Пяхта*, река [Новг., Тихв., Новинск., Пяхта]
15. *Pehkusuo, Пеккусуо*, болото [Олон., Олон., Важин., Михайл., Мошничье]
16. *Pehkoselgy*, урочище [Олон., Олон., Неккульск., Обжанск., Обжи]
17. *Pehkeisuo*, болото [Олон., Олон., Видлиц., Верхневидлиц., Гавриловка]
18. *Pehus, Pehusjärvi (Пехус)*, озеро [Олон., Олон., Ведлоз., Паннильское, Варлоев Лес]
19. *Pehkosuo, Pehkotsuo*, болото [Олон., Петроз., Сямозер., Часовен., Каменьнаволок]
20. *Pehkoja*, ручей [Олон., Олон., Рыпушкальск., Ладвинск., Левендукса]
21. *Pehkoiniem*, мыс [Олон., Петроз., Спасопреображ., Пялозер., Пялозеро Северное]
22. *Пехкое*, покос [Олон., Петроз., Вороновс., Вороново Малое]
23. *Пехнаволок*, мыс [Олон., Петроз., Кондоп., Викшезер., Викшезеро]
24. *Похта*, болото [Олон., Вытег., Коштугск., Коштуги]
25. *Сампохта*, болото [Новг., Белозер., Гавринская, Сотозеро]
26. *Похта, Похтаболото*, болото [Новг., Кирилл., Покров., Курдюг]
27. *Похта*, болото [Новг., Кирилл., Покров., Ужла]
28. *Пильпацкое*, болото [Новг., Белозер., Киинск., Нижняя Ножема]
29. *Похта*, болото [Новг., Белоз., Мегрин., Мегра]
30. *Похта*, река [Новг., Белоз., Антушев., Лаврово]
31. *Валдапахта*, болото [Олон., Каргоп., Кеноз., Спицина]
32. *Лепакта*, болото [Олон., Пудож., Краснов., Ундозер., Гороховская]

33. *Лайпахта*, болото [Олон., Каргоп., Кенорецк., Корякин., Кузьминская]
 34. *Пахтозеро*, озеро [Олон., Каргоп., Каргоп., Няндомы]
 35. *Пухта*, болото [Олон., Петроз., Шелтозер.-Береж., Шелтозеро]
 36. *Pehkotsuo* [Олон., Олон., Неккул., Куйтежа]
 37. *Вайпахта*, урочище [Олон., Карг., Большесторонская вол., Семеновская]

Карта 3

Топонимы, в которых топооснова Pehk-, Пехт- представлена либо в самостоятельном употреблении, либо в качестве определяющего компонента сложных по структуре наименований, являются названиями болот, небольших рек, болотных ручьев и озер. Топооснова восходит, по всей видимости, к известному всем прибалтийско-финским языкам слову со значением ‘гнилая трухлявая древесина’ (фин. *pehka*, *pehku*, кар. *pehku*, *pehko*, люд., вепс. *pehk*), ср. также кар. фин. *pehkeytyä*, кар. *pehkovua* ‘гнить’ [11], вепс. *pehkestuda* ‘плесневеть, преть, гнить’ [12]. Использование основы с подобной семантикой кажется вполне логичным в названиях болот: в топонимии Присвирья *Pehku/suo* в бассейне р. Важина, *Pehk/so* в басс. р. Оять, в окрестностях с. Ярославичи, *Pehkso* и бол. *Pehkišt* в басс. верхней Ояты, *Pex/болото* в басс. р. Савина, в олонечкой топонимии *Pehkeisuo* (Видлища), *Pehketsuo* (Куйтежи) и др. Она закрепляется и в названиях смежных объектов: *Pehk/oja* ручей (басс. р. Оять, в окрестностях с. Озера), в ливвиковской топонимии *Pehkoselgy* лесное урочище (Обжа), *Pehkoja* ручей (Левендукса), в людиковской *Pehkoiniem* мыс оз. Пялозеро (Кондоп. Пялозеро) и др.

В русской Карелии и на смежных русских в языковом отношении территориях модель представлена рядом фонетических вариантов, которые требуют некоторых пояснений. Прежде всего, прибалтийско-финское сочетание *hk*, чуждое русской фонетике, меняется в ряде заимствований на *хт* [13], что отражают названия болота *Пехтболото* в Юксовичах, а также присвирских рек *Пехтега* и *Пяхта*. В последнем случае диссимиляция сопровождается изменением *e > a* в позиции перед мягким согласным. Река *Пяхта* протекает по одному из наиболее заболоченных участков бассейна Паши, подтверждая этимологию географически. Ряд примеров демонстрирует выпадение согласного на стыке элементов сложного по структуре топонима: *Пехболото* на реке Савине в южном Присвирье, *Пехручей* в бассейне Мегры, Кемы и Андомы в южном и юго-восточном Обонежье, там же *Пехозеро* и *Пехозерко*.

Видимо, в этом контексте надо искать и истоки севернорусской лексики **пахта** ~ **похта** ‘болото’ [14]. Примечательно, что она вписывается в целый ряд севернорусских именующих прибалтийско-финские истоки лексем, в которых проявляется закономерность прибалтийско-фин. *e* (преимущественно в заднерядных словах) > севернорус. *a*: вахта ‘трифоль, водяной трилистник’ – прибалтийско-фин. *vehka*; вагмас ‘заболоченный лес с буреломом и кустарником’ – фин. *vehmasto* ‘густой лиственный лес или кустарник’, эст. *võhmas* ‘остров на болоте’; шалга ‘возвышенность, покрытая лесом’ – возможно, сопоставима с кар. *šalgä* в том же значении. В объяснении звукоперехода существует определенная проблема, однако прибалтийско-финские истоки перечисленных слов – А. К. Матвеев говорит об особом прибалтийско-финском диалекте на территории русского

Севера – несомненны [15]. Есть предположение о том, что восприятие местного ландшафтного термина в русские говоры произошло через посредство топонимов, т. е. вследствие реапеллятивизации, абстрагирования географического термина из состава сложного по структуре топонима. Иначе говоря, появление семантики ‘болото’ стало возможным потому, что основа *pehku-* является в прибалтийско-финской топонимии типичной для наименований болот и выступает многократно в качестве атрибута в сочетании *Pehkusuo* (*suo* ‘болото’). Использование слова в гелонимах привело к восприятию его пришлым населением как имеющего значение ‘болото’ [16].

В виде *пахта* ландшафтный термин бытует прежде всего в архангельских русских говорах*, а также в северном Белозерье. При этом на территориях, тяготеющих непосредственно к Белому озеру, появляется вариант *похта*, вызванный, видимо, особенностями субституции прибалтийско-финского *a* в русское употребление как *o* в период ранних прибалтийско-финско-русских контактов. По-видимому, вдоль транзитного водного пути, связывавшего истари Белое и Онежское озера, вариант *похта* проник севернее, проявившись, в частности, в южном Обонежье в Коштугах (бол. *Похта*), а также, не исключено, на юго-западном побережье Онежского озера, где известно обширное болото *Пухта* (в названии произошло сужение первоначального *o* в *y*).

Ареал довольно убедительно может быть охарактеризован как вепсский. Топонимы данной модели известны как на современной, так и на исторических вепсских территориях в южном Обонежье, на Онежско-Ладожском перешейке. Знаменательно, что топооснова непродуктивна в собственно-карельском ареале, в связи с чем ее присутствие в ливвиковской и людиковской топонимии допустимо рассматривать как вепсское наследие.

В ряде топонимов Карелии основа *Pehek-* закрепилась как отантропонимическая: в прибалтийско-финских языках, в том числе в карельском, у лексемы *pehko/pehku* на основе примарного значения ‘гнилая трухлявая древесина’ развилась вторичная семантика ‘недалекий человек, дурак’, которая послужила основой для возникновения прозвища, в том числе и родового, перешедшего позднее в разряд официальных и неофициальных фамилий. Среди таких отантропонимных топонимов название поля *Pehkoihiine Rod'andorog* (имеется в виду тот участок обширного поля под названием *Rod'andorog*, букв. ‘Дорога в [дер.] Rod'a’, который принадлежал семье с неофициальной фамилией *Pehkoihiine* [д. Шелтозеро При-

* В действительности ареал здесь значительно более насыщен, чем на нашей карте, однако вследствие фрагментарности архангельских материалов в топонимической картотеке ИЯЛИ он лишь обозначен несколькими фиксациями.

он.]) или поле *Pehkazenpellod* (pellod ‘поля’) в Тунгуде. В западном Заонежье в окрестностях д. Усть-Река известны *Пехкины Полянья* – еще один топоним, в котором закрепился карело-вепсский антропоним, возможно, связанный с тем самым карельским «князем» Пехкоем, который известен местной традиции [17]. Ареал этих и подобных им топонимических примеров имеет свой генезис и по понятным причинам не рассматривается в одном ряду с приведенными в списке фиксациями.

Карта 4. Lusm- / Lužm-

1. *Lusmajoki*, река; *Lusma*, порог; *Lusmansuari*, остров; *Lusmanvuara*, гора [Арх., Кемс., Тихтоз., Хяме]

2. *Тарвилужма*, урочище [Арх., Кемс., Ухтин., Пиргтилакси]

3. *Lusma*, порог; *Lusmajoki*, река; *Lusmanlaksi*, залив [Арх., Кемс., Кондокс., Минозеро]

4. *Luzmajogi*, река; *Luzmankoski*, порог; *Luzmanlaksi*, залив; *Luzmansuari*, остров; *Luzmanvuara*, гора [Арх., Кемс., Тунгуд., Лужмаварака]

5. *Lusmalaksi*, залив, деревня [Олон., Повен., Ругоз., Кимасозер., Лужмагуба]

6. *Lusma*, река; *Luzmankoski*, порог [Олон., Повен., Ребольск., Лужма]

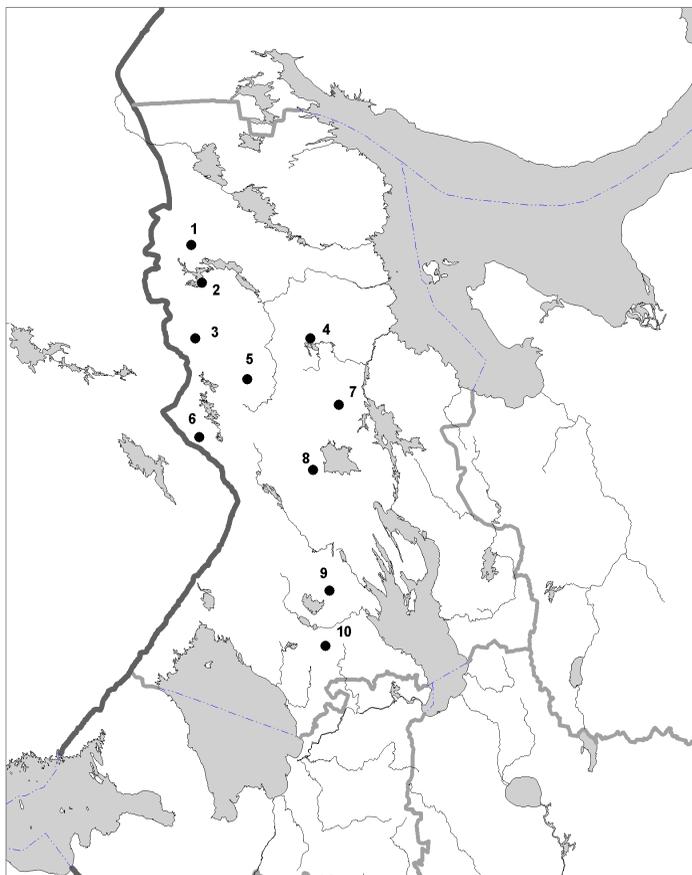
7. *Lusmalambi*, озеро; *Lusmansalmi*, пролив; *Lusmansuari*, остров [Олон., Повен., Ругозер., Коргубс., Коргуба]

8. *Lusma*, река [Олон., Богоявлен., Сондал., Паданский Погост]

9. *Lužmand’ogi*, река; *Luzmansuu*, урочище в истоке реки [Олон., Петроз., Спасопреобр., Вохтозер., Нимозеро Губа]

10. *Lužme*, озеро [Олон., Петроз., Святозер., Пелдожи]

Топооснова *Lusma / Lužma* выступает в топонимии Карелии в первую очередь в названиях водных объектов – рек и озер, а также их частей, что согласуется с семантикой саамского географического термина *lusme, lus’pe* ‘исток реки из озера (особенно длинный залив, из которого вытекает река)’ [18]. Надо полагать, что слово имело эту же семантику и в тех древних саамских говорах, которые были распространены в прошлом на территории Карелии. Она хорошо подтверждается географической характеристикой объектов, в названии которых закрепилась топооснова. Это, как правило, река, в истоках которой располагается значительный по размерам и протяженности залив. Из представленных в списке топонимов особых пояснений требует *Тарвилужма* как зафиксированное в архивном источнике начала XX в. название. Очевидно, исходный фонетический вариант должен был иметь вид **Talvilusma* ‘Зимняя Лужма’, в котором произошла диссимилиация двух *l*.

Карта 4

Топонимы, будучи в целом немногочисленными, покрывают карту Карелии редкой сетью, которая к тому же заметно редет на юге территории, а на ее восточных окраинах модель и вовсе отсутствует. При этом ареал продолжается на территорию восточной и северной Финляндии, где известно до десятка топонимов, среди них *Lusma*, *Lusmaniemi*, *Lusmasaari*, *Lusmavaara*, *Lusmakoski*, *Lusmankisaari*, *Luusma*, *Luusuasaari*, *Luusuaniemi* и некоторые другие [19]. Добавим, что саамская лексема заимствована в говоры северной Финляндии в виде *lusma*, *luspa*, *luusua* [20]. Вырисовывающийся ареал принципиально отличен от ареала бытования другой представленной в данных материалах саамской

топоосновы *Šolm-/Jolm-* ‘пролив’, которая практически не включает в себя территорию Финляндии, но покрывает в то же время восточную Карелию и простирается дальше на восток в Архангельскую область, а на юге доходит до Белого озера. По сравнению с ним ареал основы *Lusma / Lužma* значительно смещен на северо-запад. Очевидно, за этим ареальным членением стоят разные этапы древней саамской этноязыковой истории. Ареальная дистрибуция приобретает особое значение с учетом разных этимологических корней данных лексем: в то время как саам. *šol'bme* ‘пролив’ (< *šōlmē) имеет единые истоки с прибалтийско-финским *salmi* ‘пролив’, для *lusme* не обнаруживается никаких параллелей в родственных языках, и оно, видимо, входит в пласт субстратных для саамского языка палеоевропейских слов. В связи с этим не исключено, что ареал топоосновы отражает былую территорию бытования палеоевропейского субстрата, подвергшегося финно-угорскому языковому воздействию, сформировавшему саамский язык. Идею о палеоевропейском субстратном топонимическом наследии на Европейском Севере развивает Я. Саарикиви [21]. Ареал *Lusma / Lužma* вписывается в целом в границы ряда выявленных Саарикиви субстратных для саамской топонимии моделей.

Карта 5. Šolm-, Челм-

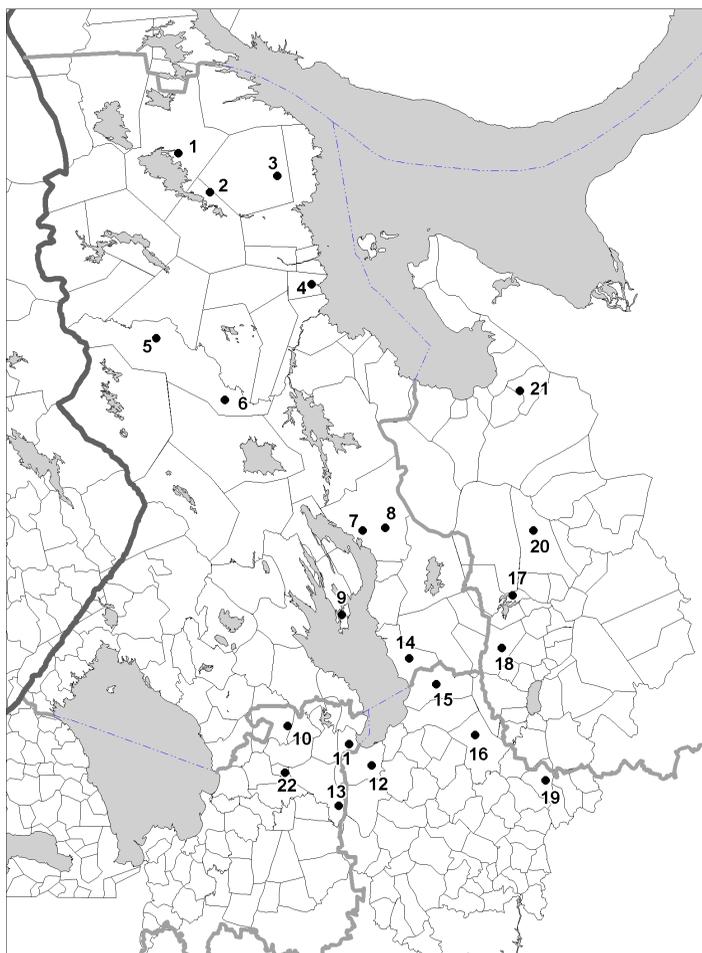
1. *Šuolmaniemi* (Чуолманиеми), мыс; *Šuolmalakši*, залив; *ŠCuolmalampi*, озеро [Арх., Кемск., Кестеньг., Лохгуба]
2. *Šolmanki*, озеро; *Colmankisuari*, остров [Арх., Кемск., Погостс., Хайколя]
3. *Jolmoni* (рус. *Елманга*), деревня; *Jolmosensuari*, остров [Арх., Кемск., Вычетайбол., Вычетайбол., Елманга]
4. *Елманиха*, гора [Арх., Кемск., Шуерецк., Шуерецкое]
5. *Šolmojärvi* (Челмозеро), озеро; *Šolmo ~ Šolmojärvi*, деревня; *Šolmonsuari*, остров [Олон., Повен., Ругоз., Ругоз., Челмозеро]
6. *Jolmajärvi ~ Jolmajärv ~ D'olmarvi* (Елмозеро), *Jolmajogi*, река; *Jolmoisuo*, болото; *Jolmoisjärvet*, озера [Олон., Повен., Ругоз., Коргуб., Кузнаволок]
7. *Челмужи*, деревня; *Челмужская губа*, залив [Олон., Повен., Данилов., Данилов., Челмужи]
8. *Челмозеро*, озеро [Олон., Повен., Данилов., Данилов., Кодозеро]
9. *Челмужгуба*, залив [Олон., Петроз., Великог., Сенногуб., Гарницы]
10. *Челма*, река [Олон., Олон., Мятус., Погачинс., Яковлевская]
11. *Челмаишское*, озеро; *Челмасручей*, ручей [Олон., Лодейн., Оштинс., Кузра]
12. *Šoumažgärv* (Челмасозеро), озеро; *Челмасручей*, ручей [Олон., Лодейн., Оштинск., Водлицкое, Верхняя Водлица]
13. *Šoimjärv ~ Šaimjärv* (Челмозеро ~ Чоймозеро ~ Чаймозеро), озеро [Олон., Лодейн., Виницк., Ладвин., Ладва]

14. *Челможское*, озеро [Олон., Пудож., Нигижем., Великодвор., Рани-на Гора]
15. *Челма, Челмаручей*, река [Олон., Вытег., Андом., Ладвозеро]
16. *Челма*, пролив [Олон., Вытег., Чернослобод., Кемское]
17. *Челма*, пролив [Олон., Каргоп., Кенозер., Чолма]
18. *Челма*, река [Олон., Каргоп., Лекшмоз., Ившинская]
19. *Челма*, пролив [Новг., Кирилл., Печенг., Чаронд., Шухтино...]
20. *Челмозеро*, озеро [Олон., Пудож., Краснов., Ундозер., Гороховская]
21. *Челмозеро*, озеро [Арх., Онеж., Тамбицкая вол.]
22. *Челма*, урочище [Олон., Лодейн., Шапш., Варбин., Печеницы]

Топонимы объединяют в единый ареал обширную территорию от Кольского полуострова на севере до Белого озера на юге, от западных границ Карелии на западе до бассейна Северной Двины на востоке. Территория Карелии входит в него неотъемлемой частью. Топооснова восходит к саам. сев. čol'bme, инари čolmi, патс. tšoälme, кильд. t'šuołme, йоканг. t'šiołme "salmi" < *čölmē [22]. Саамская лексема заимствована в говоры северной Финляндии в виде jolma (SSA), согласующемся с закономерностями фонетической адаптации саамского č заднерядных слов в финских говорах. Она проникла в апеллятивное употребление и на Русском Севере, где челма 'пролив, протока, залив', а также 'горловая ловушка для рыбы' [23], ср. в связи с этим проливы с названием *Челма*, известные на восточной окраине ареала – озерах Кемском, Воже и Кенозере.

В топонимии Карелии и сопредельных областей основа выступает в виде Čolma-/Čolmo-, Čuolma-, Čoim-, Čoum-, Jolma-, из которых первый является самым продуктивным. Вторым (Čuolma-), представленный на далеком севере Карелии, видимо, воспроизводит то хронологически позднее саамское звучание, в котором топоним был усвоен в карельское употребление. В свою очередь, два следующих Čoum- и Čoim- вызваны свойственной вепсскому языку цепочке звуковых изменений [24]. Последний (Jolma-) представлен в названии вытянутого в длину почти на 40 км озера *Jolmarvi / D'olmarvi (Елмозеро)* на северо-восточной границе Сегозерья, которое в районе д. Кузнаволок сужается до 200 м, образуя своего рода пролив между северной и южной частями озера. Именно здесь традиционно существовала переправа через озеро по дороге из Падан в Ондозеро. Хотя географическая характеристика озера хорошо согласуется с предложенной этимологией, фонетическая адаптация не вполне обычна для закономерного карельского усвоения саамских названий. Не случайно для топонима была в свое время предложена иная этимология, связывающая топоним с другим саамским словом: саам. *jiellem* 'жизнь' [25], что сомнительно в смысле семантики названия. Однако более детальное

знакомство с топонимией Сегозерья показало, что на этой территории есть и другие географические названия с адаптацией саамского \check{c} через j , а кроме того, выявился ряд топонимов, имеющих емские (фин. *häme* 'емь') истоки и пришедших с территории северо-восточной Финляндии [26], для которой как раз обозначенная выше модель фонетического усвоения закономерна. По всей видимости, за этим кроется промысловое освоение территории северного Сегозерья, в которое втянулось наряду с карельским и емское население.

Карта 5

В ряде случаев топооснова расширена за счет суффиксального элемента (*Челмасозеро*, *Челмажское озеро*, *Челмужи*), генезис которого не до конца понятен.

С ареальной точки зрения знаменательно отсутствие сколько-нибудь заметного функционирования модели на территории Финляндии, а также в северном Приладожье. На этом фоне выделяется Обонежье, где модель представлена достаточно весомо. Известно ее присутствие и восточнее, вплоть до бассейна Северной Двины [27]. О широком бытовании саамского слова в восточном Обонежье свидетельствует и его проникновение здесь в апеллятивное употребление.

Есть некоторые языковые факты, которые указывают на то, что в вепсской языковой среде ощущалось родство топоосновы с вепс. *sałm ~ soum* 'пролив': оформление суффиксом *-as* (*Челмасозеро*, *Челмашское озеро*), который присоединился и к вепсской словообразовательной основе (ср., например, вепсские топонимы *Salmas ~ Saumes*, *Soumez*, неоднократно *Салмакса*), стремление к одинаковому с вепсским качеству гласного в основе в топониме *Čoimjärv ~ Čaimjärv*. В этом же контексте знаменательно название урочища *Челма* на берегу пролива, соединяющего оз. Печенское и оз. Дальничное, являющееся, собственно, обширным южным заливом озера Печенского. При этом сам пролив носит название *Салма*, т. е. представляет собой вепсское соответствие саамского *Челма*.

Карта 6. -ngV, -н(ь)гV

В топонимии Карелии выделяется целая группа топонимов, главным образом, названий водных географических объектов, которая содержит фиксируемый как в прибалтийско-финской (карельской, финской, вепсской), так и в русскоязычной топонимии Русского Севера формант *-ngV/-н(ь)гV*.

История изучения природы данного суффикса уходит корнями во вторую половину XIX века, когда финляндский исследователь А. И. Шегрен впервые попытался проанализировать серию названий, оформленных формантом *-ngV/-н(ь)гV* (Sjögren 1861, 301). После него к этому вопросу не раз обращался целый ряд ученых как из Финляндии, так и из России (М. А. Кастрен, Д. Европеус, В. Ниссиля, Э. Кивиниemi, А. Ряйсянен, А. К. Матвеев, Б. А. Серебренников, И. И. Муллонен и др.) [28]. Однако топонимы Карелии оставались до сих пор вне поля научного исследования.

Анализ форманта *-nkV/-ngV* должен быть предварен рядом замечаний о бытовании его в апеллятивной лексике.

В топонимии, как правило, достаточно часто закрепляются такие суффиксы, которые являются малопродуктивными в апеллятивном словообразовании, что вызвано стремлением к разграничению между апеллятивными и онимическими суффиксами.

Материал словарей карельского языка [29] позволил выявить 60 слов, оформленных интересующим формантом. Разделение по диалектам по частоте встречаемости его в языке можно представить в виде следующей схемы:

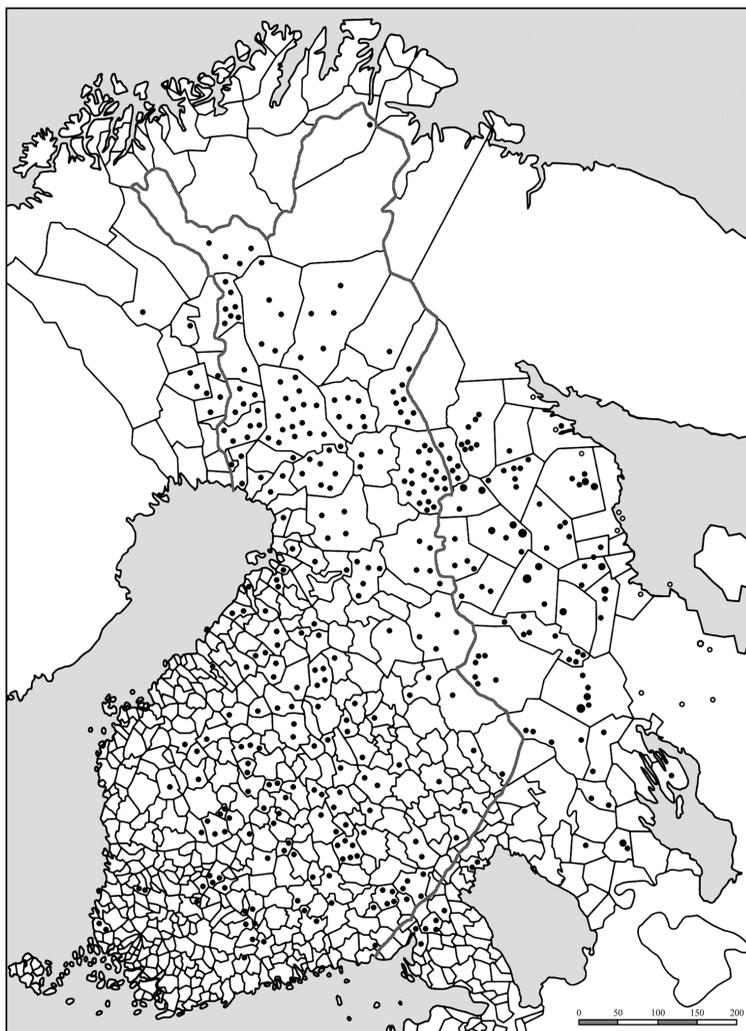
	Всего слов	Только в данном диалекте
Севернокарельские диалекты	17	5
Южнокарельские диалекты	41	22
Южнокарельские диалекты Тверской области	2	–
Ливвиковские диалекты	23	9
Людиковские диалекты	6	1

Из схемы видно, что на апеллятивном уровне рассматриваемый суффикс представлен во всех наречиях карельского языка. Однако его активность различна. Среди зафиксированных апеллятивов встречается всего три слова, которые известны на территории всей Карелии: *alanko* ‘низина’, *karanko** ‘сухостойное дерево’ и *vahinko* ‘убыток, несчастье’, при этом два последних представлены и в апеллятивной лексике на территории проживания собственно-карел в Тверской и Ленинградской областях. Апеллятивы на *-nkV/-ngV* фиксируются и в вепском языковом ареале: ср. *alang* ‘низина’, *karangišt* ‘ельник с большим количеством сухостойных деревьев’, *sohring* ‘болотина’, *tazangist* ‘равнина’, *uhring*, *urting* ‘родник, топкое вязкое место в лесу’ [30]. Из представленной выше схемы видно, что большинство слов, оформленных суффиксом *-nkV/-ngV*, фиксируется в южнокарельских диалектах собственно-карельского наречия, главным образом, в говорах Средней Карелии (Паданская и Ругозерская волости), а также в финляндской Северной Карелии.

Среди зафиксированных апеллятивов с конечным *-nkV/-ngV* на территории Карелии в качестве географических терминов используется только восемь слов: *ahingo* ‘узкий перешеек между озером и болотом’, *alanko* ‘низина’, *šauringo* ‘галечник, почва с гравием’, *il’l’anko* ‘место, где остался лед (снег), когда вокруг уже все растаяло; гололед’, *gauningo* ‘груда камней’,

* На карте распространения названий, оформленных суффиксами *-nkV/-ngV*, не показаны названия, в которых закрепились апеллятивы *alango/alanko*, *karango/karanko* и *ylängö/ylänkö*.

suotingo 'болотце', tazango 'равнина', ylängö 'возвышенность'. К этой группе, по всей видимости, можно отнести еще два слова, которые фиксируются в топонимии, но не известны в качестве апеллятивов, это *uräpki 'возвышенное место' и *kudrinki 'углубление в водоеме' (см. ниже).

Карта 6

Непродуктивной, по всей видимости, модель на -nkV была и в апеллятивной географической лексике соседней Финляндии. Среди более чем двух сотен географических терминов, рассмотренных Э. Кивиниеми в исследовании «Perustietoa paikannimestä», интересующий нас структурный элемент фиксируется только в семи словах: alanko (alinko), alunki, kuorinki, ojanko, raivinki, guöpinkö и ylänkö [31]. В то же время нужно учитывать, что часть апеллятивов на -nkV/-ngV могла, по всей видимости, не попасть в поле зрения исследователей, как на территории Финляндии, так и в Карелии, и, соответственно, их количество может быть несколько больше. Так, например, Л. Хакулинен упоминает в одной из своих работ географические термины kujanki в значении ‘неширокая дорога’, oilinka со значением ‘прямой участок дороги’ и peranko ‘поляна, расчищенная под пашню’ [32], которые Э. Кивиниеми не рассматривались.

В отличие от топонимии Финляндии, где многие из названий, содержащих формант -nkV/-ngV, выступают в наименованиях достаточно крупных и важных гидронимов (Kiviniemi 1980: 334–335), в Карелии топонимы этого типа представлены чаще всего в названиях средних или некрупных по размеру географических объектов, которые, как правило, не известны за пределами той сельской общины, где они зафиксированы.

Уже отмечалось, что в ареале современного и исторического расселения карел формант -nkV/-ngV выступает, прежде всего, в гидронимии, при этом в большинстве случаев он фиксируется в составе лимнонимов, т. е. в названиях озер. Кроме этого, суффикс встречается в наименованиях рек и ручьев, порогов и островов, мысов и заливов, болот и возвышенностей, а также в названиях сельскохозяйственных угодий. Всего на территории Карелии удалось зафиксировать 131 гнездо рассматриваемого типа (ср. гнездо Hemmenki-: Hemmenkiniemi, Hemmenkijoki, Hemmenkisuari, Hemmenkisuot, Hemmenkivuara (Луусалми)), при этом подавляющее их число (118) бытует в карелоязычной топонимии. Из представленного количества гнезд 75 основ, оформленных топоформантом -nkV/-ngV, можно назвать раритетными, поскольку они встречаются в топонимии только единожды в том или ином населенном пункте, 53 других имеют варианты-тезки, большинство из которых представлено в Карелии двумя фиксациями. И только пять основ имеют от трех до четырех фиксаций: Eningi-/Enängi- (3), Kuuzingi-/Kuusinki- (4), Munangi-/Munanki- (3), Vezungi-/Vesunki- (4) и Ypängi-/Ypäнки- (3).

Стоит отметить, что большинство основ на -nkV/-ngV в Карелии являются раритетными и на общем прибалтийско-финском фоне. Среди 220 топооснов, оформленных -nkV/-ngV в финской топонимии, рассмотренных А. Ряйсяненом [33], параллели с карельскими названиями имеют

только 10: фин. Juomunki- / Juomingilammit (Юшкозеро), Kujanki- / Kujanginiemi (Лужма), Kuusinki- / Kuuzingijärvi (Кимасозеро), Liminga- / Limingansuo (Лежево), Oulanka- / Oulungajogi (Маслозеро), Pienanki- / Pieninkiluoma (Кимасярви), Sieminki- / Sieminginoja (Кизрека), Vesanka- / Vezungilaksi (Шуезеро), Viianki- / Viijanki(järvi) (Ухта), Vitsanki- / Vicangivuara (Березовый Наволок).

Ряд параллелей с карельскими названиями фиксируется также на Кольском полуострове, в Архангельской и Вологодской областях: ср. поле Варзанга (Нюхча) – река Варзеньга (Арханг. обл.), река и озеро Voingi (Воинга) – река Воинга (Кольск.), река Enängijogi (Концеостров) – река Енанга (Волог. обл.), озеро Kalmungi (Сельги) – река Калманьга (Арханг. обл.), озеро Kuollungijärvi (Тикша) – река Коленьга (Арханг. обл.), деревня Korpanka – река Корманга (Волог. обл.), река Korpankijoki (Костомукша) – река Корбанка (Волог. обл.), река Kuuzengijogi (Березовый Наволок) – река Кузеньга (Волог. обл.), ручей Kurtangioja (Юшкозеро) – река Курденьега, поле Куртанга (Волог. обл.), озеро Lemengijärvi (Вычетайбола) – река Леменьга (Арханг. обл.), озера Puulonkijärvet (Пулоньга) – дер. Пулонга (Кольск.), озеро Suksingo (Евгора) – река Суксонга (Арханг. обл.), озеро Sululanki (Миккола) – река Сулонга (Волог. обл.), деревня Таваньга – река Тавеньга (Волог. обл.), ручей Ulango-oja (Пелдожа) – река Уленьга (Арханг. обл.), остров Чаванка (Нюхча) – речка Чаваньга (Кольск.), порог Juumin-givirda (Гагарино) – река Юменьга (Арханг. обл.)*. В то же время вопрос о единых истоках указанных выше названий остается пока открытым.

Как и в апеллятивной лексике, названия в топонимии представлены с разной конечной огласовкой рассматриваемого суффикса. Большая часть названий бытует с конечным гласным -i, это 70% всех названий гнезд (ср. ручей Šieringioja (Корелакша), озера Kylmengijärvet (Сельги), остров Юзминги (Поньгома)). На порядок (7,5%) им уступает вариант суффикса с финальным -o (ср. залив Ruamingo (Хлевनावолок), ручей Lozungo-oja (Кузнаволок), озера Kuuksinkolammit (Лохгуба)). Чуть больше 20% названий оформлено конечным гласным -a (возвышенность Gull'unganvuara (Лубасалма), река Oulankajoki (Оланга), поле Варзанга (Нюхча)). При этом последние два варианта суффикса фиксируются, главным образом, на окраинах ареала данной структурной модели, в его же ядре фиксируются исключительно названия с конечным -ngi/-nki.

В то же время вариативность конечной гласной суффикса не несет, по всей видимости, этноисторической нагрузки. В разных местах ареала и

* Названия с территории Архангельской и Вологодской областей взяты из монографии А. К. Матвеева [34].

даже в пределах одной территории распространения модели можно встретить основы, которые оформлены разной конечной огласовкой форманта, ср. озера *Eningolambi* (вар. *Eningi-*) в Шалговааре и *Eningijärvi* в Сельгах, озера *Šapšangajärvi* в Сельгах и *Šapšangojärvi* в Лубосалме, *Punangojarvet* в Гагарино и *Punankilampi* в Хайколя, река *Pieningäjogi* в Тужне и озеро *Pieninkiluoma* (Кимасъярви), ср. тут же варианты названия озера *Suksingo* и *Suksingi* в Сельгах, залива *Urpangilaksi* и мыса *Urpenganiemi* в районе Барышнаволока, а также озера *Maininkajärvi* и *Maininki-* *järvi* в окрестностях Аккалы.

Не наблюдается также устойчивости в употреблении гласных во втором безударном слоге топоосновы при присоединении к ней форманта *-nkV/-ngV*. Возможно, это может свидетельствовать в ряде случаев о разных истоках основ, закрепившихся в названиях, ср., *Enängi-/Eningi-*, *Gul'ungo-/Kul'ango-*, *Hemmenki-/Hemmunki-*, *Kuusinki-/Kuusenki-/Kuuzangi-*, *Levengi-/Levingi-*, *Oulanka-/Oulunka-*, *Pirtanki-/Pirtonki-*, *Punango-/Punengo-*, *Urpangi-/Urpengi-*, *Vuavungi-/Vuavangi-/Vuavengi-*.

Говоря об истоках модели на территории Финляндии, Э. Кивиниеми предполагает, что ее корни уходят в доисторическое время, о чем свидетельствуют, по мнению исследователя, как достаточно значительные размеры многих географических объектов, так и неясность происхождения их наименований. Исследователь также предполагает, что часть этимологически неясных названий рассматриваемого типа могла появиться в языке саамского населения, которое проживало когда-то на территории Средней Финляндии. Затемненность топооснов он объясняет как возможной утратой современными саамскими языками соответствующих апеллятивов, так и адаптацией саамских названий языком новопоселенцев, что сильно изменило первоначальный облик саамских топонимов. При этом сам топоформант, по мнению Э. Кивиниеми, может восходить к прасаамскому диминутивному суффиксу *-ñdze* (*-ñče). Тем самым, этот топонимический тип в Финляндии может являться параллельным прибалтийско-финскому гидронимному типу наименований, оформленных суффиксом *-nen*. В то же время исследователь предполагает, что целый ряд названий в топонимии Финляндии мог образоваться уже благодаря продуктивному на определенном этапе истории топонимическому суффиксу *-nkV/-ngV*, который использовался первоначально прибалтийскими финнами для адаптации к своей топонимической системе иноязычных названий [35].

Возможным подтверждением происхождения топоформанта *-nkV/-ngV* из прасаамского *-ñdze* (*-ñče) могут являться зафиксированные в топонимии северных частей Беломорской Карелии названия географиче-

ских объектов, в которых параллельно выступают оба представленных выше форманта: ср., остров Uarinkisuari и берег Uarinciranta в северной части Пяозера в окрестностях Костоваары, а также река Rievinki в Тихтозерозерской волости и залив озера Топозеро с названием Rievenci в районе деревни Лохгуба. Как известно, в северных частях современной Карелии саамы продолжали проживать вплоть до начала – середины XVIII в. [36]. При этом саамское население этих территорий перешло на карельский язык естественным путем через процесс билингвизма, что, в свою очередь, стало хорошей предпосылкой для сохранения как старой саамской топонимии в целом, так и ее отдельных структурных элементов, которые были представлены на этой территории в саамский период. Кроме уже отмеченных топонимов на -ncV, названия данного типа фиксируются еще в ряде географических объектов на территории современной Карелии: ср. озеро Imancarvi > *Imancijärvi/Imancajärvi (Янгозеро), возвышенность Kokkancivuara (Коштоваара), ручей Livoncinoja (Крошноозеро), озеро и возвышенность Pizanca (Паданы), залив Povenca (Валасрека), озеро Uomancinjärvi (вар. Uamancarvi) и Uvancarvi > *Uvanci/Uvancajärvi (Ругозеро), река Voivonci (вар. Voijonci) (Каличий Остров).

Предварительный анализ топооснов, оформленных суффиксами -nkV/-ngV, на территории Карелии показал, что их языковые истоки могут быть различными. В связи с этим все топонимы данного типа можно разделить на четыре основные группы. Первая и самая большая из них – это названия с этимологически затемненными топоосновами. Другими словами, их этимологизация не позволяет пока делать каких-либо определенных выводов об истоках языка, в котором они появились. Вторая группа – это топонимы, имеющие с большой долей вероятности саамские корни. К этой группе можно отнести следующие географические названия:

озеро Ķolmanki, остров Ķolmankisuari (Хайколя), остров Jolmanginsuari (Ёлманга) < саамС. Ķoal’bme, саамК. Ķuēlm ‘пролив’; река Enangijogi (Ровкула), озера Eningijärvi (Сельги) и Eningolambi (Шалговаара) < саамК. ædne ‘большой’ [24], река Kiestinkijoki и озера Kiestinkilammit (Кестеньга) < саамК. kiesta ‘заводь, встречное течение’ или производное от глагола саамС. giessat ‘огигать, обходить’ [33], озера Kuolingi (Сельги), Kuoljungi (Чикша) < саамК. kuoll(e) ‘рыба, рыбный’; ручей Kurtangioja (Юшкозеро) < саамС. gurtte, саамИ. kurtte ‘poron kaulaliha’ [37], река Lu(u)zingijogi и озеро Lu(u)zingi (Емельяновка) < саамС. luos ‘лосось’; озера Sapsangajärvi (Сельги) и Sapsangojarvi (Лубасалма) < саамК. šaps ‘сиг’ [38]; остров Uarinkisuari (рус. Заячий) (Костоваара) < саамК. aarri ‘разновидность чаек серого цвета’ [39], Kuusinkijarvi (вар. Kuusunki) (рус. Кувженьга) (Тумчезеро), река Кувженьга (Ковда) < саамС. guvzá

'таймень' или *kuovsi* 'одногодный бобр' [40], ручей *Чу́пинка* > (кар. *Су́рpinka*) (Чупа) < саамК. *šiborröš* 'конец залива'.

К третьей группе относятся топонимы, в которых суффикс *-nkV/-ngV* мог присоединиться к топооснове еще на доономастическом уровне, т. е., другими словами, они содержат один из зафиксированных в карельском языке апеллативов: река *Hemmunkijoki* (вар. *Hemmenki-*) (Луусалми) < *hemmungane* 'княженика'; озера *Juomingilammit* и ручей *Juominginoja* (Юшкозеро) < *juominga* 'голубика'; покос *Latinka* (Аккала) < *latinki* 'заряд, патрон', озеро *Maininkajärvi* и река *Maininkijoki* (Аккала) < *mainink/a-i, -o* 'долгая невысокая волна'. В то же время из-за неясной мотивированности появления некоторых из представленных названий не вполне понятно, входит ли в состав этих топонимов готовый апеллатив или данные названия являются омонимичными по звучанию, но не имеющими с апеллативами ничего общего.

Последняя группа представлена топонимами, в которых мы с определенной долей уверенности можем видеть прибалтийско-финские основы, однако, как и в предыдущей группе, не для всех из них можно найти адекватное объяснение, почему тот или иной апеллатив закрепился в каждом отдельном случае. Эта группа достаточно обширна и составляет приблизительно треть от всех названий, оформленных формантом *-nkV/-ngV*. В качестве примера подобных названий можно привести следующие топонимы:

озеро *Šiprinkijärvi* и река *Šiprinkijoki* (Чипринга) *šipri* 'небольшого размера' [41], возвышенность *Gul'ŋ'unganvuara* (Лубасалми) *gul'ŋ'u** < **kul'ŋ'u* 'овраг', порог *Juumingivirda* (Гагарино) *juuma* 'глубокое место в реке', озеро *Kalmungi* (Сельги) *kalma* 'могила', озеро *Korpanki* (Костомукша) *korpi* 'глухой лес' или *korppi* 'ворон', озеро *Ku(i)dringilambi* (Юшкозеро) *ku(i)dri* 'волосы' или *kutru* 'углубление в водоеме' [42], озеро *Krusinkijärvi* (Костомукша) *krusi* 'груздь', покос *Kul'ŋ'ango* (Сондала) *kul'ŋ'u* 'овраг', озера *Kuuksinkolammit* (Лохгуба) *kuukso* 'кукша', озеро *Kuuzingijärvi* (Кимасозеро) *kuuzi* 'ель', озера *Kylmengijarvet* (Сельги) *kylmä* 'холодный', порог *Lavingenkoski* (Коргуба) *lava* 'лабаз', озеро *Lemengi* (Вычетайбола) *lemi* 'топь', озера *Lerongilammit* (Панозеро), озеро *Lerungi* (Пизьмагуба) *lero* 'отдых' или *leppä* 'ольха', озеро *Levenki* (Нурмилакша) *levie* 'широкий', болото *Limingansuo* (Лежево) *lima* 'слизь, рупия (растение)' [43], ручей *Lozungo-oja* (Кузнаволоок) *lozo* 'низкое сырое

* О правомочности такой реконструкции позволяют говорить зафиксированные здесь же в Поросозерской волости наименования двух небольших озер с названием *Guikanlambi* < **Kuikanlambi* (Янгозеро, Совдозеро).

место', озера Munankilammit (Войница) muna 'яйцо', река Oulunga (Маслозеро) oulu 'половодье', река Pirtanki (Окуневая Губа) pirta 'бердо в ткацком станке' или pirtti 'изба', озера Punangojärvet (Гагарино) puna 'водворот', озеро Suarvanki (Ухта) suarva 'выдра', озеро Suksingojärvi (Семчезеро) suksi 'льжа', озеро Umangijarvi (Гагарино) и болото Umangisuo (Булдыри) ume(h) 'туман' [44], болото Uzmangisuo (Ужмана) uzma 'пар, туман', возвышенность Uzvangivuara (Пебозеро) uzva 'иной', залив Vezungilaksi (Шуезеро) veza 'поросль, побег', vezakko 'кустарник, куст', озеро Vičankijarvi (Кимасъярви) vičča 'прут', vičikkö 'кустарник', озеро Viijankijarvi (Каменное Озеро) viita (ген. viijan) 'густой ельник', залив Vuavangi (Пильдозеро) vuato (ген. vuavon) 'вешало для сетей', озеро Yrånki (Толлорека) уррā (ген. урān), урākkā 'возвышенное место', поле Варзанка (Нюхча) varza 'жеребенок'.

В ряде случаев вероятность того, что некоторые из названий на -nkV/ngV могут иметь именно прибалтийско-финские истоки, несколько увеличивается, поскольку в непосредственной близости с ними фиксируются географические объекты с теми же топоосновами, но в названиях которых интересующий нас формант отсутствует. Так, рядом с озером Levenki в окрестностях Нурмилакши находится более крупное озеро Leviejärvi, а в озеро Lerungi в районе деревни Пизьмагуба впадает ручей с названием Lerānoja. Кроме этого, объективные географические реалии, окружающие объекты с интересующим нас топоформантом помогают в выборе правильной интерпретации того или иного названия. В качестве примера можно привести наименование реки Kuuzengijogi (вар. Kuuzangijogi), впадающей в Тунгудское озеро у деревни Березовый Наволок, которая, по сведениям информаторов, течет по густому ельнику. Это, тем самым, дает возможность связать название с карельским апеллятивом kuuzi со значением 'ель'. Таким образом, приведенные примеры могут, на наш взгляд, свидетельствовать о том, что мы имеем в данном случае дело с суффиксацией.

Подтверждением того, что представленные топонимы могли быть образованы с использованием именно топонимического форманта -nkV/ngV, служит целая серия названий, в которых рассматриваемый нами суффикс или отсутствует, или на его месте фиксируется какой-либо другой топоформант: ср.

Gul'umägi (Кудамгуба), Kul'l'unranda (Топорная Гора), Kalmajärvi (Кургиево), Korpinvuara (Вокнаволок), Kuuksolambi (Жокорино), Kuuzijärvi (Пелкула), Kylmäjärvi (Бабья Губа), Lemijogi (Юостозеро), Losolampi (Тухкала), Oululaksi (Корбинаволок), Pirtajärvi (Чикша), Punalampi (Хайкола), Suksiselgä (Юккогуба), Suarvajärvi (Юшкозеро), Usmajoki

(Хайкола), Uzmakoski (Подужемье), Varsansuo (Войкула), Vesalaksi (Чезозеро), Vicalambi (Линдозеро), Viidajärvi (Лужма), Viijanjogi (Семчезеро), Vuatajärvi (Лувозеро), Vuatosuo (Вонгозеро), Ypäyzojat (Суопасалма).

Этимологически неясные топоосновы, оформленные суффиксом -nkV/-ngV, также нередко сосуществуют в топонимии Карелии как с простыми по структуре вариантами, так и с вариантами, оформленными другими топоформантами: ср.

озеро Āiprinki – Āipretinjärvi (Чипринга), река Joutankijoki (Миккола) – ручей Joutenoja (Тирозеро), ручей Kuatrankioja – возвышенность Kuatrankivuara (Хайкола), ручей Kurtangioja – болото Kurtansuo (Пиртозеро), возвышенность Kurtinvuara (Каменное Озеро), озера Möllängilambi (Чиркакемь) – Mollakka (Костомукша), протока Orngivengi (Суопасалма) – болото Ogensuo (Вингигора), ламбина Orjangilambi (Суопасалма) – Orjasvuara (Хайкола), Orja(n)lambi (Рудометово), луда Пундинка (Поньгома) – залив Punduni (Ёлманга), озера Puntamojärvet (Софьянга), покос Punteikko (Аккала), река и порог Rievinki (Тихтозеро) – залив Rievenci (Лохгуба), озеро Suulanki – остров Suuluasuari (Сулоостров), озеро Tipingä – поселение Типиницы (Типиницы), озеро Ulmangijärvi – река Ulmajoki (Логоварака), остров Uarinkisuari – берег Uarinciranta (Костоваара), озеро Vojangi (Суопасалма) – порог Vojassu (Надвоицы), озеро Vuotangi (Малая Тикша) – Vuotanjärvi (Гимола).

Кроме этого, на территории Карелии фиксируется целый ряд случаев, когда в топонимии определенного населенного пункта наряду со сложными по структуре названиями параллельно употребляются формы, детерминант которых заменен формантом -nkV/-ngV: ср. озера Āierpangi = Āierpangijärvi (Кургиево), Suulanki = Suuluajärvi (Миккола), Vojangi = Voijärvi (Юшкозеро), река Kolhanki = Kolhanjoki (Ладвозеро). Явление такого плана фиксируется, по всей видимости, и в русскоязычной топонимии, ср., Гаванка (вар. Чаванка) = Гаваностров (Нюхча).

Также обращает на себя внимание и тот факт, что в Карелии многие названия на -nkV/-ngV группируются в относительной близости друг от друга, что, в свою очередь, может указывать на образование данных топонимов по аналогии с наименованием какого-либо объекта, уже содержащего формант -nkV/-ngV. Тем самым, это может свидетельствовать о том, что топоформант -nkV/-ngV был использован имядателем для образования новых названий уже в качестве готовой модели топонимической системы.

Кроме уже перечисленных случаев происхождения названий на -nkV/-ngV возможен и ряд других толкований.

Часть названий рассматриваемого типа в Карелии могла быть перенесена новопоселенцами уже в качестве готовой модели с мест прежнего проживания.

Так, например, среди финского населения в Приладожье в XVI–XVII вв. известно мужское имя Hemming [45], которое, возможно, могло лечь в основу серии названий на Hemmenki- (вар. Hemmunki) в окрестностях деревни Луусалми. Тем самым, данное название могло быть перенесено с той территории, в топонимии которой оно некогда существовало. С другой стороны, оно может свидетельствовать непосредственно о переселении человека или рода, в наименовании которого закрепилось имя Hemming. Перенесенным могло быть и название болота Limingansuo, зафиксированное в топонимии деревни Лежево. На эту мысль наводит значительное количество названий (50) на Liminka-/Limingan- на территории соседней Финляндии. К этой же группе названий примыкает, возможно, и наименование мыса Kujanginiemi в деревне Лужма, находившейся неподалеку от российско-финской границы, поскольку на сопредельной территории Финляндии в районе города Нурмес существует два озера с одноименным названием. Подобные названия известны и в других частях современной Финляндии.

В основе названия залива Urpangalaksi в Барышнаволоке и озера Tiringä в Кузнаволоке могут так же, как и в топонимах на Hemmenki-, скрываться антропонимы: ср., Павел Ортемьев сын Урпин, упомянутый в 1581 г. в Неноксе [46], и поселение Типиницы в Заонежье. Последний из приведенных примеров оформлен топоформантом -ицы, который, как известно, использовался русским населением для адаптации прибалтийско-финских -l-вых ойконимов, восходящих к нехристианским или дохристианским именам [47]. В топонимии Финляндии также рассматривается возможность антропонимного происхождения некоторых названий, содержащих формант -nkV/-ngV: ср. Aninkäinen и Hyvinkää [48].

Иного происхождения могут быть названия исследуемого типа на территории проживания карел-людигов. Так, одно из названий (река Uslonkujogi*) фиксируется на самом юге карелоязычных территорий за пределами ареала распространения рассматриваемого форманта, и, соответственно, данное наименование не имеет с суффиксом -nkV/-ngV ничего общего, кроме звукового совпадения. В названии этой реки закрепился русскоязычный вариант реки Усланка, который восходит к форме *Устьлонка, т. е. устье реки Лонки. Другой пример – ручей Viningä, зафиксированный в ок-

* Данный пример не отражен на карте распространения названий, оформленных суффиксом -nkV/-ngV.

рестностях деревни Пелдожа, в котором, по мнению И. Муллонен (устно), могла произойти мена суффикса *-nda/ndä* на *-nkV/-ngV*.

Часть названий на *-nkV/-ngV*, как нам кажется, могла быть усвоена в карельское топонимоупотребление благодаря русской модели на *-н(ь)гV*, которая закрепилась, главным образом, в ряде официальных русскоязычных названий карельских деревень на севере Беломорской Карелии. В связи с этим теперь наряду с карелоязычными наименованиями поселений бытуют параллельные формы, в которых фиксируется рассматриваемый нами топоформант *-nkV/-ngV*: ср., *Jolmanki* (вар. *Jolmoni*) (Ёлманга), *Kormanka* (вар. *Kormani*, *Kormohonkylä*) (Корманка), *Sohjanka* (вар. *Sohjanansuu*) (Софьянга), ручей *Čuupinka* (вар. *Kotijoki*) = Чупинка (Чупа).

В современной русскоязычной топонимии Карелии нами выявлено 16 названий рассматриваемого типа, большая часть из которых фиксируется на побережье Белого моря или в непосредственной близости от него. При этом на русскоязычных территориях топонимы, оформленные формантом *-нга/-ньга/-нка*, так же как и в ареале расселения карел, имеют, по всей видимости, различные истоки.

В научной литературе уже долгое время идет полемика об истоках рассматриваемого суффикса в топонимии Русского Севера. В недавно вышедшей монографии А. К. Матвеев изложил три основные версии происхождения этого форманта, которые сложились в ходе полуторавекового изучения этого вопроса. Он называет их «детерминантной» (терминологической), «аффиксальной» (суффиксальной) и «генитивной» [49].

Можно предполагать, что на русскоязычных территориях Карелии, как и в прибалтийско-финской топонимии, данный топоформант мог использоваться первоначально в качестве модели, с помощью которой русскоязычным населением адаптировались иноязычные топонимы. В качестве примера приведем здесь несколько названий: река Кувженьга в районе села Ковда, поле Варзанга* в Нюхче и озеро Масленга в окрестностях деревни Воронье Озеро. В первом случае в качестве топоосновы мог закрепиться саамский апеллатив *guvža* со значением 'таймень'. Во втором поле находится рядом со значительным по размеру камнем Коничек, название которого может быть переводной калкой с карельского (ср. *varza* 'жеребенок'). В последнем случае русскоязычное название озера в Вычегтайбольской волости является эквивалентом карельскому *Muaseläisjärvi*, в составе которого, как мы видим, формы названия на *-nkV/-ngV* не фиксируются. Возможно, к ним примыкают наименования небольшой речки Чупинки, которая впадает в залив Белого моря с названием Чупа, а также

* Камень **Varza(n)kivi* > 1. камень Коничек; > 2. поле Варзанга.

речки Кяменки, вытекающей из Кяменицкого озера. Название последней восходит к наименованию деревни Кяменицы, располагавшейся некогда на его берегу и имевшей в карелоязычной среде название Kämälä. В то же время нельзя исключать возможность и того, что формант -нья в русскоязычных топонимах может восходить к словообразовательному или топонимообразующему суффиксу, который функционировал еще в языке-источнике, и являться тем самым компонентом субстратного названия.

Название Кестеньга, являющееся частью деревни Летняя Река, могло быть перенесено на побережье Белого моря уже в качестве готовой модели с территории Кестеньгской волости. На эту мысль наталкивает тот факт, что среди ее жителей фиксируется две фамилии (Югаров и Лошкин), которые были известны среди карельского населения, проживавшего в деревне Кизрека, находившейся на берегу Топозера и входившей в состав бывшей Кестеньгской волости: ср. Jukaraiset > Югаров и Loškaiset > Лошкин. С другой стороны, данная часть поселения могла быть названа коренными жителями деревни именно по новопоселенцам, переселившимся с вышеуказанной территории.

Одно из названий – остров Юзминги (Поньгома) перешло, по всей видимости, в русское топонимоупотребление из карельского. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, нехарактерная для Русского Севера конечная огласовка рассматриваемого форманта, который имеет явные параллели с топоформантом -ngi/-nki на карелоязычных территориях. Тем самым оно может являться по форме карельским наследием в топонимии побережья Белого моря, однако его содержание остается пока затемненным.

В то же время в русскоязычной топонимии фиксируется еще целый ряд названий, о происхождении которых на данный момент также нельзя сказать ничего определенного. Среди них речка Маленьга (Нюхча), урочище Пузенга (Сухое), луда Пундинка (Поньгома-Летняя Река), островок Роганка (Юково), гора Роденьга (Калгачиха), река Рязанка (Данилово), деревня Таваньга (кар. Tuavo), остров Чаванка (вар. Гаванка, Гаваностров) (Нюхча), перешеек Чаменьга (Заонежье). Не исключаем возможности, что некоторые из представленных названий вообще не имеют ничего общего с названиями на -нга/-нка/-нья, а для их образования использовался русский топонимический формант -ка.

На карте распространения названий мы видим, что модель в Карелии имеет собственно-карельские корни. Однако остается пока не до конца ясным, могла ли модель быть принесенной в Карелию с территории Северо-Западного Приладожья или же она появилась уже в топонимии современной Карелии. На карте видно, что на исторической прародине карельского этноса

модель не имеет широкого распространения, что, возможно, свидетельствует о появлении модели в период, когда карельское население уже покинуло свою прародину. С другой стороны, топонимы, оформленные формантом -nkV/-ngV, фиксируются, например, на территории проживания карел, переселившихся в восточную часть Ленинградской области в XVII в.: ср. болото *Kivenkisu* < *kivi* 'камень', покос *Närienkinurmi* < *näre* 'ель'. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о возможном существовании на исторической родине карельского этноса рассматриваемой модели, которая и была реализована новопоселенцами для образования новых названий.

В русскоязычной топонимии Русского Севера западная граница распространения топонимного типа на -нга/-нка проходит в восточной части современной Карелии. Она огибает Обонежье с востока и севера, проходя из восточного Белозерья в бассейн Белого моря и лишь незначительно задевая при этом восточное Обонежье [50]. В то же время модель единожды фиксируется, например, в Заонежье. В целом на основе распространения русскоязычных названий на -нга/-нка/-нга в Карелии можно говорить о том, что все они вписываются в ареал средневекового расселения карельского этноса. Однако вопрос об единых истоках русского -нга и карельского -ngV/-nkV остается пока открытым, поскольку модель на -нга/-нга широко фиксируется в составе многих географических объектов на всем Русском Севере, где основной массив названий этого типа находится между Сухонной, Северной Двиной и Онегой [51]. Таким образом, нельзя исключать возможность того, что южнобеломорские и обонежские топонимы рассматриваемого типа в Карелии могут быть продолжением единого для Русского Севера ареала, а их распространение можно связывать с расселением населения, которое продвигалось в Карелию с востока по р. Онеге*.

Названия, оформленные суффиксами -nkV/-ngV, достаточно рано встречаются в топонимии Карелии и сопредельных с ней областей, свидетельством чему являются различные исторические документы и карты, при этом наиболее ранние из них начинают фиксироваться в источниках со второй половины XVI в.: ср., озеро Енинга (1728) [52]** (кар. *Eningijärvi*) (Сельги), река Кистенга (1552/53) [53] (кар. *Kiestinki*, совр. Кестень-

* Л. Хакулинен, рассматривавший апеллятивные суффиксы -nkV в финском языке, отмечает, что соответствия им мы находим среди деминутивных словообразовательных суффиксов в пермской ветви финно-угорских языков [54]. Данный факт, возможно, свидетельствует о единых истоках прибалтийско-финского топониманта -ngV/-nkV и русского -нга.

** Автором используются карты, опубликованные в исследовании Х. Рюткёля 2006: Карта прихода Кайнуу 1650 г. Клаеса Клаессона и Карта Олонецкого уезда, составленная А. Клешиным в 1728 г.

га), озеро Люзенга/Лузенга (1718) [55], Лузенга (1728) [56] (кар. Luzingi) (Емельяновка), залив Munangolax (1650) [57] (кар. Munankilaksi) (Нильмагуба), река Олунга (кар. Oulunga) и озеро Олунское < *Олунгское (1591) [58] (Маслозеро), залив Пулонская губа < *Пулонгская (1572) [59] (кар. Puulonkinlaksi) (Пулоньга-Кереть), озеро Wiangojerf (1650) [60], Виангирви (1728) [61] (кар. Viijankijärvi) (Каменное озеро). Приведем также ряд названий, оформленных формантом -н(ь)га, которые фиксируются на Кольском полуострове и в бассейне реки Онеги в Архангельской области во второй половине XVI века: ср., озеро Аренго озеро (1575 [62] (Варзуга), место Варенга (1592) [63] (Кольский полуостров), урочище (? река) Лазбинка (1580) [64] (Умба), река Печенга (1581) [65], речка Чявунга (1575) [66] (Чаваньга), реки Неменга (1559) [67] и Оченга (1572) [68] (бассейн реки Онеги).

Наличие вариантов названий, оформленных формантом -нкV/-нгV и фиксирующихся без него, а также ряд примеров, в которых некоторые из бытующих ныне названий объектов с формантом встречаются еще в документах конца XIX в. без суффикса, позволяют сделать вывод, что формант, по крайней мере, в ряде названий может быть относительно поздним. Это, в свою очередь, подтверждает выдвинутое выше предположение о том, что мы имеем дело именно с топонимобразующим суффиксом, который мог быть продуктивным для образования новых топонимов уже достаточно продолжительное время и участвовать в образовании новых топонимов вплоть до конца XIX в.: ср.

озеро Вотаньяр(ви) (1728) [69] > Vuotangijärvi (Кургиево), озера Лостозеро (1591) [70], Лоштозеро (1678), Илоштозеро (1762) [71] > река Luostanki, Луосталамби (1876) [72] > Luostankilampi (Хайколя), деревня Пешушозеро (1762), Пешушозеро (1795) [73], Пешушозеро [74] > Piesunki*, остров Сиприн Шари [75] > Siprinkisuari (Зашеек), озеро Ульмоозеро (1552/53) [76], Ульмо озеро (1591) [77] > Ulmangijärvi (Булдыри), Чюпорчей (1563) [78] > Чупинка (Чупа).

Подводя итог, отметим еще раз, что модель на -нкV/-нгV имеет в Карелии достаточно четко очерченный ареал бытования, совпадая с границами распространения собственно-карельского наречия. Это, в свою очередь,

* О происхождении названия деревни Piesunki в Вокнаволоцкой волости существует предание. Согласно ему, первопоселенцем деревни был беглый, который поселился на берегу озера с одноименным названием. Он был очень разговорчивым, и его супруга всегда боялась, что он расскажет незнакомым людям о своем прошлом. Поэтому, когда к ним приходили гости, она всегда говорила ему: «Pie suu kiinni» – «Держи язык за зубами». Отсюда, согласно информатору, и пошло название Piesunki. Предание записано автором в 2004 г. в деревне Вокнаволок.

может быть свидетельством ее появления именно в среде собственно-карельского населения. При этом основной массив названий данного типа концентрируется в центральных частях Беломорской Карелии, а по мере продвижения на юг и юго-восток активность модели несколько падает. За пределами основного ареала данной модели фиксируется только шесть названий, два из которых представлено в топонимии карел-ливвиков и четыре – у карел-людиков. Данный факт может свидетельствовать о вливании собственно-карельского населения на определенном этапе истории в среду карел (прибалтийских финнов), проживавших в южной части современной Карелии. С другой стороны, как было указано, в топонимии карел-людиков природа суффикса может быть несколько иной.

Не получила широкого распространения модель на -нга/-ннга и в русскоязычной топонимии Карелии. Остается пока открытым и вопрос о возможных единых истоках русского и карельского топоформантов. В то же время на основании распространения названий на карте мы видим, что в пределах границ Карелии до начала 20 века намечается определенное противостояние Обонежья, в топонимии которого формант отсутствует, и территорий, граничащих с ним с севера, севера-запада и северо-востока. Тем самым, такая ареальная характеристика имеет под собой явную этноязыковую подоплеку. Это, в свою очередь, все же позволяет говорить о некоем возможном едином ареале типов на -nga/-ngi и -нга/-ннга в Карелии.

Можно также констатировать, что образование названий с использованием этой модели могло быть продуктивным в Карелии уже долгое время, и это подтверждают документы XVI–XVII вв., в которых неоднократно фиксируются названия рассматриваемого типа. На территории распространения собственно-карельских говоров эта модель топонимообразования является достаточно популярной, о чем свидетельствует группа из более 110 названий. При этом наряду со сложными названиями, в целом ряде случаев употребляются и такие, у которых детерминант заменен рассматриваемым формантом. Кроме этого, обращает на себя внимание и тот факт, что многие названия на -nkV/-ngV группируются в непосредственной близости друг от друга, что указывает, по всей видимости, на образование названий по аналогии. Тем самым, можно предположить, что эта группа топонимов обязана своим появлением продуктивному на определенном этапе истории топонимическому суффиксу -nkV/-ngV, который, как было указано выше, использовался прибалтийскими финнами для адаптации иноязычных названий к своей топонимической системе.

Сам формант -nkV/-ngV по своему происхождению может являться прасаамским демунивативным суффиксом -ńdže (*-ńče), который сохранился, на наш взгляд, в нескольких названиях на территории современной

Карелии. При этом в топонимии деминутивное значение данного форманта отстывает, по всей видимости, на второй план и в названиях он выступает, прежде всего, знаком топонима.

Уже было отмечено, что названия, образованные с использованием рассматриваемой модели, имеют разные истоки происхождения. При этом часть основ, оформленных топоформантом $-nkV/-ngV$, предполагает достаточно убедительные саамские или прибалтийско-финские интерпретации, однако большая часть зафиксированных топонимов данного типа остается до сих пор неэтимологизированной. Вызывает много трудностей и вопрос: относится ли суффикс в целом ряде случаев к апеллятиву, содержащемуся в названии, или же он был присоединен к нему в момент образования топонима?

Остается пока открытой и проблема, связанная с появлением модели в топонимии Карелии: не вполне понятно, была ли она принесена карелами с коренных территорий карельского этноса или же зарождение и пик популярности этой модели приходится уже на период после переселения в современную Карелию?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981.
2. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981; Karjalan kielen sanakirja. I–V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.
3. *Муллонен И. И.* 1994 – Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
4. *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
5. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л., 1965.
6. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л., 1965.
7. Nissilä, Viljo. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975. S. 31.
8. Rapola, Martti. Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki, 1966; Itkonen, Terho. Itämerensuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi // SUST. 4. osa. Helsinki, 1968.
9. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
10. *Tunkelo E. A.* Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.
11. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
12. *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
13. Напр., Kalima, Jalo. Die ostseefinnischen Lehnwörter im russischen. Helsinki. SUST XLIV. S. 234–235.
14. *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 64–65.

15. *Матвеев А. К.* Аpellятивныe заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2. С. 32–33.
16. Saarikivi, Janne. Substrata Uralica. Studies on finno-ugrian substrate in northern russian dialects. Tartu, 2006.
17. *Агапатов В. А., Логинов К. К.* Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 61–76.
18. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
19. *Лескинен В.* О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 81.
20. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992–2000.
21. Saarikivi, J. Über die saamischen Substratennamen des Nordrusslands und Finnlands // Finnisch-Ugrische Forschungen 58. Helsinki, 2004. P. 162–234.
22. Lehtiranta, J. Yhteissaamelainen sanasto SUST 200. Helsinki, 1989. S. 26–27.
23. *Матвеев А. К.* Аpellятивныe заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2. С. 34.
24. *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 231.
25. *Лескинен В.* О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 85.
26. *Муллонен И. И.* История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 12–35.
27. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. II. Екатеринбург, 2004. С. 316, 327.
28. Более подробно история изучения вопроса изложена: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007. С. 8–12.
29. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990; Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994; Karjalan kielen sanakirja. 1–5. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.
30. *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
31. *Kiviniemi E.* Perustietoa paikannimestä. SKS. Helsinki, 1990. S. 64–79.
32. *Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. S. 113, 142, 174.
33. *Räisänen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 5–6.
34. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007. С. 55–164.
35. *Kiviniemi E.* Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Virittäjä. 1980. N 4. S. 335–337.

36. *Чернякова И.* О чем не рассказал Элиас Леннрот... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск; 1998. С. 63; Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. SKST 635. Helsinki, 1995. S. 184; Pöllä M. Vienankarjalainen perhelaitos 1600–1900-luvulla. SKS. Helsinki, 2001. S. 94–98.
37. *Itkonen T. I.* Lappalaisperäisiä paikannimiä suomenkielen alueella // Virittäjä. 1920. S. 8.
38. Nimiarkisto. K. Nickulin kokoelma.
39. *Raisanen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 150.
40. *Salo U.* Suomi ja Häme, Häme ja Satakunta. Hämeen karajat I. Toimittanut Jukka Peltovirta. Hämeenlinna, 2000. S. 28.
41. *Raisanen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 155.
42. *Kiviniemi E.* Perustietoa paikannimistä. SKS. Helsinki, 1990. S. 78.
43. *Räisänen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 70.
44. *Räisänen A.* Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003. S. 156.
45. *Nissila V.* Suomen Karjalan nimisto. Karjalaisen kulttuurin edistämisseatio. Joensuu, 1975. S. 235.
46. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 156.
47. *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 86–87.
48. *Kiviniemi E.* Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Virittäjä. 1980. N 4. S. 334.
49. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007. С. 8–12.
50. *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 197.
51. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007. С. 42, 269.
52. *Rytkölä H.* Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 22.
53. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 114.
54. *Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. С. 113, 174.
55. *Чернякова И.* О чем не рассказал Элиас Леннрот... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998. С. 59.
56. *Rytkölä H.* Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. С. 22.
57. *Rytkölä H.* Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 77.

58. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 327.
59. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 200.
60. *Rytkölä H. Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 77.*
61. *Rytkölä H. Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 22.*
62. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 68.
63. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 81.
64. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 145.
65. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 277.
66. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 67.
67. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 156.
68. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990. С. 13.
69. *Rytkölä H. Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan. Kajaani, 2006. S. 22.*
70. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 327.
71. *Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 40–41.*
72. Государственный архив Архангельской области, ф. 6, оп. 15, д. 37. Архангельский губернский статистический комитет. Список сельскохозяйственных угодий. 1876.
73. *Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 41.*
74. Государственный архив Республики Карелия, ф. 25, оп. 23, д. 121. Метрическая книга Ухтинского прихода 1906 года.
75. Государственный архив Архангельской области, ф. 6, оп. 15, д. 37. Архангельский губернский статистический комитет. Список сельскохозяйственных угодий. 1876.
76. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 114.
77. Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 325.
78. Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Л., 1929. С. 447.

Содержание

К читателю	3
Государственные рубежи, административные границы, феномены приграничья	5
А. Ю. ЖУКОВ. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.)	7
Н. А. КОРАБЛЕВ. Территориально-административное устройство Карелии в XVIII – начале XX в.	20
Е. Ю. ДУБРОВСКАЯ. Российские военные власти и Сердобольская учительская семинария: противостояние в карельском приграничье в начале XX в.	28
А. В. ГОЛУБЕВ. «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северокарельского приграничья в годы Гражданской войны	37
А. Ю. ОСИПОВ. Карельская Освободительная Армия: между Финляндией и советской Россией	45
А. Б. ИЗOTOB. Повседневная жизнь пограничного города: послевоенная Сортавала	53
Л. И. ВАВУЛИНСКАЯ. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса)	65
Этнические ареалы и контактные зоны	77
С. И. КОЧКУРКИНА. Топонимы «линна» и этнические границы	79
К. К. ЛОГИНОВ. Этнографические зоны и этнические границы в Карелии	90
И. Ю. ВИНOKУРОВА. Вепско-карельско-русские контакты в Бабаяевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии)	104
С. Б. ПОТАХИН. Шокшинский ландшафт как ареал расселения северных (прионежских) вепсов	116
В. И. МУСАЕВ. Финская и норвежская колонизация Мурманского берега (вторая половина XIX – начало XX в.)	121
Границы в ментальном мире человека и его поведении	129
Н. А. КРИНИЧНАЯ. Окно крестьянского жилища: к представлениям о границе и контактной зоне между мирами в севернорусской мифологии	131

В. П. МИРОНОВА. Концепт границы между мирами в южнокарельских эпических песнях	142
А. С. ЛЫЗЛОВА. Представления о пути в иное царство и преодолении границы между мирами в севернорусских волшебных сказках о похищении женщины	149
Л. И. ИВАНОВА. Святочные персонажи карельской мифологии: к вопросу о персонификации границ	159
Е. И. МАРКОВА. На границе жизни и смерти (о поэме Николая Клюева «Кремль»)	169
Ю. Г. ШИКАЛОВ. Архангельская Карелия: задворки Востока или форпост Запада? Репродуктивное поведение крестьян Архангельской Карелии в конце XIX – начале XX в.	181
М. В. ПУЛЬКИН. За гранью приличий: девиантность в Олонецкой губернии (XVIII – начало XX в.)	194
О. П. ИЛЮХА. Советские границы в учебно-воспитательных текстах сталинского времени	205
Границы топонимных ареалов Карелии. Материалы атласа (И. И. Муллонен, Д. В. Кузьмин)	215

Научное издание

**Границы и контактные зоны
в истории и культуре Карелии
и сопредельных регионов**

Гуманитарные исследования
Выпуск 1

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского НЦ РАН*

Техническая подготовка сборника осуществлена Н. Л. Шибановой
Редактор Л. В. Кабанова
Оригинал-макет Е. Е. Давыдкова
Обложка И. В. Хеглунд

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Times».
Уч.-изд. л. 14,4. Усл. печ. л. 15,05. Подписано в печать 14.11.08.
Тираж 300 экз. Изд. № 127. Заказ № 760.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50